

DIES IURIS TYRNAVIENSES
Trnavské právnické dni

**PRÁVNÝ ŠTÁT – MEDZI
VEDOU A UMENÍM**
**RULE OF LAW – BETWEEN
SCIENCE AND ART**

ОБЩЕСТВО И ПРАВО
SOCIETY AND LAW

Trnavská univerzita v Trnave
Právnická fakulta
2018

Материалы по итогам международного научного конгресса Трнавские юридические дни «Верховенство права – между наукой и искусством», состоялось 20-ого и 21 – ого сентября 2018 г. в г. Трнава.

Proceedings of the International Scientific Congress outcome of Trnava Days of Law – Rule of Law – between Science and Art, held on September 20 – 21, 2018 in Trnava.

Vzor citácie: MORAVČÍKOVÁ M. (ed.) 2018. ОБЩЕСТВО И ПРАВО/ SOCIETY AND LAW: Zborník z ruskojazyčnej sekcie „ОБЩЕСТВО И ПРАВО/Society and Law“ ako súčasť medzinárodného vedeckého kongresu Trnavské právnické dni: Právny štát – medzi vedou a umením, 20. – 21. septembra 2018. Trnava : Právnická fakulta TU v Trnave, 2018. Bratislava : Wolters Kluwer, 2018. 111 s. ISBN 978-80-8168-988-8.

Редактор/Editor:

© Михаэла Моравчикова/Michaela Moravčíková

Рецензенты/Reviewers:

Прити Д. Дас, доктор философии, доцент, Университет Джавахарлала Неру, Нью-Дели
doc. Preeti D. Das, PhD., Jawaharlal Nehru University, New Delhi

Елена Владимировна Сердюкова, кандидат философских наук, доцент, Южный федеральный университет, Ростов-на-Дону
doc. Elena Vladimirovna Serdiukova, PhD., South Federal University, Rostov on Don

Авторы/Authors:

© Николай А. Баранов, Татьяна А. Сенюшкина, Нелли А. Романович, Наталия Н. Муравьева, Алексей В. Зайцев, Андрей В. Мохов, Константин В. Чистяков, Татьяна А. Галочкина, Ольга В. Попова, Екатерина С. Жук, Максим А. Кузнецов, Peter Colotka, Michaela Moravčíková.

Za gramatickú úpravu príspevkov zodpovedajú autori.

Prvé vydanie, Wolters Kluwer SR s. r. o., 2018.

Všetky práva vyhradené. Toto dielo ani žiadnu jeho časť nemožno reprodukovať bez súhlasu majiteľov práv.

ISBN 978-80-8168-988-8 (pdf)

OBSAH

Предисловие	5
Политико-экономические основы взаимодействия Русской православной церкви и государства в современной России Political and economic bases of interaction of Russian orthodox Church and State in modern Russia	6
Николай А. Баранов	
Влияние ценностей на соотношение индивидуальных и коллективных прав в Крыму Influence of values on the relations of the individual and collective rights in Crimea	20
Татьяна А. Сеньюшкина	
Проблема двойственности взаимоотношений церкви и государства The problem of the Church and the State relationship duality	29
Нелли А. Романович	
Особенности религиозного туризма и паломничества в России (на примере Ростовской области) Features of religious tourism and pilgrimage in Russia (the example of the Rostov region)	41
Наталия Н. Муравьева, Алексей В. Зайцев, Андрей В. Мохов	
Предотвращение экстремизма в молодежной среде Prevention of extremism in the youth environment	49
Константин В. Чистяков	
Law, social environment, change Закон, социальная среда, изменение	57
Peter Colotka	
Church property and its administration in byzantium IV-X centuries on the material of byzantine sources Церковное имущество и его администрация в византии IV-X веке на материале византийских источников	65

Региональные молодежные объединения в современной России: правовые основы функционирования и особенности развития Regional youth associations in modern Russia: the legal framework of functioning and features of development	72
Ольга В. Попова	
Концепция бренда: проблемы и перспективы развития Concept of brand: problems and prospects of development	85
Екатерина С. Жук, Максим А. Кузнецов	
Наследство коммунизма в социальной и правовой среде в центральной и восточной Европе The inheritance of communism in social and legal environment in Central and Eastern Europe	96
Михаэла Моравчикова	

Предисловие

В Ваши руки попал сборник из секции «Новая Европа – общество, культура, религия и право» международной научной конференции «Трнавские дни права», организованной Юридическим факультетом Трнавского университета 22 – 23 сентября 2016 года в г. Трнава под названием «Новая Европа – вызовы и ожидания». Юридический факультет реагировал этим научным начинанием на события, произошедшие за последние два года в мире и, прежде всего, на «старом» континенте. Конференция отразила социальные изменения, вызванные не только миграцией, но и кризисом системы ценностей, финансовым и экономическим кризисом, нарастанием экстремизма и изменением обстановки безопасности, произошедшим в результате террористических актов и их угрозы.

Задачей права является адекватно и своевременного реагировать на меняющуюся ситуацию в обществе. Задача ученых - приложить все возможные усилия для осмысления новых решений в новых социальных ситуациях, контекстуализировать правовое мышление и принципы. Это также касается создания и интерпретации права, которое устанавливает рамки общественных отношений, определяет применение коллективного и индивидуального права с особым акцентом на культурные права, отношения между государственной властью и религией.

В рамках секции мы рассматривали определенные вопросы и области намеченной проблематики. Прежде всего, речь касалась отношений между Европой и Россией, вопроса глобализации, религиозной жизни после Майдана в Украине, вопроса ценностей в гражданском обществе, условий многоконфессиональной коммуникации в Крыму, конфликта между религией и публичным правом или специфик конфессионального права и лингвистических контекстов. К сожалению, не все доклады в этой книге.

Рамки упомянутого европейского измерения мы превзошли, кроме прочего, экскурсом в проблематику свободы вероисповедания в Бразилии и культурных и исторических особенностей Дальнего Востока.

Мы верим, что, как и сама секция научной конференции, так и предлагаемый сборник будут способствовать развитию научного познания в исследуемой области с амбициями внести свой вклад в лучшее понимание новой европейской реальности.

Михаэла Моравчикова

ПОЛИТИКО-ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ РУССКОЙ ПРАВОСЛАВНОЙ ЦЕРКВИ И ГОСУДАРСТВА В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ

POLITICAL AND ECONOMIC BASES OF INTERACTION OF RUSSIAN ORTHODOX CHURCH AND STATE IN MODERN RUSSIA

Николай А. Баранов

*доктор политических наук, профессор Северо-Западный институт управления
Российской академии народного хозяйства и государственной службы, Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург*

Nikolay A. Baranov

*Doctor of Political Sciences, Professor Northwest institute of management of the Russian
academy of national economy and public service, The St.-Petersburg State University, St.-
Petersburg*

Аннотация: Русская православная церковь – самая крупная религиозная организация в России, которая является не только влиятельным публичным субъектом на постсоветском пространстве, но и культурно-образующим фактором русской нации. История взаимоотношений РПЦ и российского государства в XX веке была сложной и противоречивой. Эволюция государственно-церковных отношений в советское время зависела от востребованности со стороны власти в поддержке широких слоев общества в сложное для нее время. В послевоенное время государственно-церковные отношения эволюционировали от хрущевских гонений на религию к новому этапу – «эпохе Брежнева» с изменением курса на легализацию церкви с целью встраивания ее в партийно-государственную машину и концепцию «развитого социализма» до начала превращения церкви в полноправный субъект государственно-конфессиональных отношений на рубеже XX-XXI вв. Взаимоотношения между церковью и государством в современной России переживают различные этапы в своем становлении. Так, в 1990-е гг. государство передавало в церковную собственность храмы, земли, исторические памятники архитектуры, ранее принадлежавшие РПЦ, что было обусловлено комплексом вины, сложившимся у российской власти перед церковью за годы коммунистического правления. В 2000-е гг. взаимоотношения стали строиться в большей степени на взаимной поддержке и доверии светской и духовной власти. Так, взамен на поддержку государство разрешает церкви создание института армейского духовенства, проведение занятий по основам православной культуры в школах; идет консолидированная работа по борьбе с наркотиками, алкоголизмом, безнравственностью, по возрождению величия державы. Церковь активно занимается социальной и благотворительной деятельностью, сотрудничая с центральными, региональными и местными органами власти, благотворительными

и иными общественными организациями и объединениями граждан, представителями традиционных религий и конфессий, политическими партиями, профсоюзами, деловым сообществом. В качестве важного ресурса, обеспечивающего современное лидерство церкви, является ее способность откликаться на наиболее злободневные проблемы в обществе. У РПЦ есть четко выверенная точка зрения на все актуальные проблемы современной России: модернизацию, бюрократизацию, борьбу с бедностью, распространение наркотиков, алкоголизм.

Ключевые слова: Русская православная церковь, миссионерская деятельность, благотворительность, церковь и государство, симфония властей

Abstract: Russian Orthodox Church – the largest religious organization in Russia which is not only the influential public subject in the former Soviet Union, but also the kulturo-forming factor of the Russian nation. History of relationship of ROC and Russian state in the XX century was difficult and contradictory. Evolution of the state and church relations in Soviet period depended on demand from the power in support of wide sectors of society in time, difficult for her. In post-war time the state and church relations evolved from Khrushchev's persecutions on religion to a new stage – "Brezhnev's era" with change of course on legalization of church for the purpose of her embedding in the party and state car and the concept of "the developed socialism" prior to transformation of church into a full subject of the state and confessional relations at a boundary of the 20-21st centuries.

Relationship between church and the state in modern Russia endures various stages in the formation. So, in the 1990th the state transferred to the church possession the temples, lands, historical monuments of architecture which were earlier belonging to ROC that has been caused by the fault complex which has developed at the Russian power before church for years of communistic board. In the 2000th of relationship began to be under construction more on mutual support and trust of the temporal and spiritual power. So, in exchange on support the state allows church creation of institute of army clergy, training on bases of orthodox culture at schools; there is a consolidated work on fight against drugs, alcoholism, immorality, on revival of greatness of the power.

The church actively is engaged social and charity, cooperating with the central, regional and local authorities, charitable and other public organizations and associations of citizens, representatives of traditional religions and faiths, political parties, labor unions, business community. As the important resource providing modern leadership of church her ability to respond to the most topical problems in society is. The ROC has accurately verified point of view on all current problems of modern Russia: modernization, bureaucratization, fight against poverty, drug trafficking, alcoholism.

Keywords: russian Orthodox Church, missionary activity, charity, church and state, symphony of the authorities

ВВЕДЕНИЕ

Русская православная церковь (РПЦ) – самая крупная религиозная организация в России, которая является не только влиятельным публичным субъектом на постсоветском пространстве, но и культурно-образующим фактором русской нации. История взаимоотношений РПЦ и российского государства в XX веке была сложной и противоречивой. Эволюция государственно-церковных отношений в советское время зависела от востребованности со стороны власти в поддержке широких слоев общества в сложное для нее время. Поэтому принципы воинствующего атеизма (1920-1930-е гг.) были заменены «новой линией» в отношении государства к церкви в годы Великой Отечественной войны и созданы специальные органы: Совет по делам Русской православной церкви (1943-1965), Совет по делам религиозных культов (1943-1965) и Совет по делам религий (1965-1991). В послевоенное время государственно-церковные отношения эволюционировали от хрущевских гонений на религию к новому этапу – «эпохе Брежнева» с изменением курса на легализацию церкви с целью встраивания ее в партийно-государственную машину и концепцию «развитого социализма» до начала превращения церкви в полноправный субъект государственно-конфессиональных отношений на рубеже XX-XXI вв.

Следует отметить, что взаимоотношения между церковью и государством в современной России переживают различные этапы в своем становлении. Так, в 1990-е гг. государство передавало в церковную собственность храмы, земли, исторические памятники архитектуры, ранее принадлежавшие РПЦ, что было обусловлено комплексом вины, сложившимся у российской власти перед церковью за годы коммунистического правления.

В 2000-е гг. взаимоотношения стали строиться в большей степени на взаимной поддержке и доверии светской и духовной власти. Так, взамен на поддержку государство разрешает церкви создание института армейского духовенства, проведение занятий по основам православной культуры в школах; идет консолидированная работа по борьбе с наркотиками, алкоголизмом, безнравственностью, по возрождению величия державы.

Тем не менее, формирование системы церковно-государственных отношений не завершено, а продолжает формироваться, вбирая в себя формальные и неформальные практики и институты.

1 ПОЛИТИКО-ПРАВОВОЕ ПОЛОЖЕНИЕ РПЦ

В соответствии со ст.14 Конституции Российская Федерация является светским государством, в котором религиозные объединения отделены от государства и равны перед законом. Деятельность религиозных организаций регламентируется федеральными законами «О некоммерческих организациях» (1996 г.), «О свободе совести и религиозных объединениях» (1997 г.). В соответствии с последним законом религиозное

объединение не выполняет функций органов государственной власти, других государственных органов, государственных учреждений и органов местного самоуправления; не участвует в выборах в органы государственной власти и в органы местного самоуправления; не участвует в деятельности политических партий и политических движений, не оказывает им материальную и иную помощь.

В России исторически сложилась ситуация, при которой представители основных религий соблюдают негласную договоренность о разделе сфер своей деятельности и миссионерских усилий, стараются не допускать борьбы между собой за обращение населения в свою веру. Разнообразие религиозных традиций определяется этническим составом населения. Произошла институционализация межрелигиозного сотрудничества и диалога основных конфессий: на разном уровне действуют всевозможные межрелигиозные советы, поддерживаются регулярные контакты духовных лидеров, проводятся форумы и т.д. По данным исследователей, большинство верующих всех конфессий выступают за сохранение исторически сложившихся отношений между народами и религиями Российской Федерации¹.

Отношение с государством РПЦ выстраивает в соответствии с Основами социальной концепции Русской православной церкви² – официальным документом, утвержденным на Архиерейском соборе 2000 года, в котором представлено понимание современной ситуации, сказанное с сознательно консервативных, традиционалистских позиций.

Основы социальной концепции излагают базовые положения учения по вопросам церковно-государственных отношений и по ряду современных общественно значимых проблем. Документ также отражает официальную позицию Московского Патриархата в сфере взаимоотношений с государством и светским обществом. Помимо этого, он устанавливает ряд руководящих принципов, применяемых в данной области епископатом, клиром и мирянами. «Церковь, – говорится в документе, – не должна брать на себя функции, принадлежащие государству. В то же время церковь может обращаться к государственной власти с просьбой или призывом употребить власть в тех или иных случаях, однако право решения этого вопроса остается за государством». В случае принуждения православных верующих к отступлению от учения, приводящее к греховным деяниям, церковь должна отказать государству в повиновении. Христианин, следуя велению совести, может не исполнить повеления власти, понуждающего к тяжкому греху. В случае невозможности повиновения государственным законам и распоряжениям власти церковное Священноначалие может предпринять следующие действия: «вступить в прямой диалог с властью по возникшей проблеме; призвать народ применить механизмы народовластия для изменения законодательства или пересмотра решения власти; обратиться в международные инстанции и к мировому общественному мнению; обратиться к своим чадам с призывом к мирному гражданскому неповиновению». Таким образом, РПЦ настраивает и прихожан, и Священноначалие не на индифферентное отношение к происходящему в государственной сфере, а на активное участие в общественных и государственных делах.

¹ СИТНИКОВ А. А. 2012. *Православие, институты власти и гражданского общества в России*. СПб.: Алетейя, 2012. С. 36.

² Основы социальной концепции Русской православной церкви. Официальный сайт Московского патриархата. URL: <http://www.patriarchia.ru/db/text/419128.html> (дата обращения: 23. 8.2018).

Церковь может взаимодействовать с государством в делах, служащих благу самой церкви, личности и общества. Она призвана принимать участие в устройении человеческой жизни во всех областях, где это возможно, объединяя соответствующие усилия с представителями светской власти. Наиболее приемлемая форма политического присутствия церкви в светском обществе – это, по выражению протодиакона А. Кураева, «тактичное социальное партнерство»³. Тесное взаимодействие в последние годы церкви и государства А. Кураев обосновывает патриотизмом, являющимся аксиомой русского православного сознания, из чего проистекает поддержка сильного национального государства и государственно-церковное мышление⁴.

Церковь не отдает официального предпочтения той или иной политической организации или политическому лидеру, а проповедует мир и сотрудничество людей, придерживающихся различных политических взглядов. Она также допускает наличие различных политических убеждений среди ее епископата, клира и мирян. Однако, участие священнослужителей в деятельности политических организаций, в предвыборных процессах, включая выдвижение кандидатур священнослужителей на выборах любых органов представительной власти всех уровней не допускается. В то же время ничто не должно препятствовать участию иерархов, священнослужителей и мирян, наравне с другими гражданами, в народных волеизъявлениях путем голосования.

В 2011 г. Архиерейский собор подтвердил позицию Русской православной церкви, связанную с отказом от прямого участия в политическом процессе. Такая позиция была подтверждена в документе «Практика заявлений и действия иерархов, духовенства, монашествующих и мирян во время предвыборных кампаний. Проблема выдвижения духовенством своих кандидатур на выборах»⁵. Согласно документу иерархи и священнослужители не могут выдвигать свои кандидатуры на выборах в органы представительной власти любых уровней (наднациональные, общегосударственные, региональные, местные). Исключения из этого правила могут делаться только в том случае, когда избрание иерархов или духовенства в законодательный (представительный) орган власти вызвано необходимостью противостоять силам, в том числе раскольническим и иноконфессиональным, стремящимся использовать выборную власть для борьбы с Православной Церковью. В каждом подобном случае Священный Синод определяет лиц для участия в выборах в органы государственной власти и в индивидуальном порядке преподает на это благословение.

В соответствии с принятым документом недопустимы участие лиц в священном сане в политических организациях, заявления о поддержке какого-либо государственного строя, политической доктрины, партии или политического лидера. В то же время Церковь оставляет за собой право давать нравственную оценку политическим программам и заявлениям, особенно когда речь идет о пропаганде нравственного релятивизма, пересмотре традиционных нравственных норм в личной, семейной или общественной

³ КУРАЕВ А. *Церковь в мире людей*. М., 2009. С. 98.

⁴ КУРАЕВ А. *Поднять Россию с колен! Записки православного миссионера*. М.: Алгоритм, 2014. С. 55.

⁵ Практика заявлений и действий иерархов, духовенства, монашествующих и мирян во время предвыборных кампаний. Проблема выдвижения духовенством своих кандидатур на выборах. Материалы Архиерейского собора РПЦ, 2 февраля 2011 г. // Официальный сайт Московского патриархата. URL: <http://www.patriarchia.ru/db/text/1400896.html> (дата обращения: 23. 8. 2018).

жизни. Воздействие православия на институты власти осуществляется путем обоснования институционального порядка, признания гражданами общего смысла политического процесса, отношения человека к власти.

Российские исследователи все чаще отмечают наступательную стратегию РПЦ, которая меняет саму церковь и претендует на соответствующие перемены в обществе. Тема взаимоотношений между церковью и государством является центральной в деятельности и творчестве Патриарха. Например, А. Малашенко выделяет три основных направления в стратегии Патриарха Кирилла: внедрение церкви в общественно-политическую жизнь, активизация миссионерской деятельности и борьба в информационно-аналитическом пространстве, которые, по его мнению, невозможно эффективно реализовать без сотрудничества с государством⁶.

В годы патриаршества Алексия II именно митрополит Кирилл как председатель отдела внешних церковных связей был ключевой фигурой в выстраивании модели церковно-государственных отношений. Как отмечает митрополит Иларион, для Предстоятеля РПЦ идеалом таких взаимоотношений является византийская симфония государства и церкви. В реальной жизни такая симфония может быть воплощена в ряде принципов, важнейший из которых - невмешательство церкви в дела государства и невмешательство государства в дела церкви, но при этом обе стороны находятся во взаимоважном диалоге и конструктивном сотрудничестве⁷. Сотрудничество церкви со светской властью в тех областях, в которых такое сотрудничество возможно и полезно, Патриарх Кирилл считает фундаментальным принципом церковно-государственных отношений, построенных на принципе «симфонии». В то же время РПЦ должна давать моральную оценку действиям власти: церковь понимает, что «ее миссия заключается в благотворном влиянии на этот мир и в призыве к спасению всех людей, в том числе государственных деятелей. А такую миссию невозможно совершать, если не занимать конструктивную позицию в отношениях с властью»⁸. Патриарх считает, что политик не должен в своей публичной деятельности эксплуатировать религиозный фактор с целью прибавить доверие. Точно так же и церковь не должна ассоциировать себя с теми или иными политиками, политическими партиями или движениями, потому что это означало бы политизацию церкви.

Политические приоритеты РПЦ во время последних выборов кампаний не изменились, так как церковно-государственная политика последовательно осуществляется и приносит церкви свои плоды. Поэтому гармоничное сочетание интересов, распределение ответственности между РПЦ и государством служит по-прежнему приоритетом в их отношениях. «Политики, игнорирующие церковь как общественную силу, поступают недальновидно», – считает председатель информационного отдела Русской православной церкви В. Легойда, добавляя, что между церковью и государством как институтами должно выстраиваться «взаимовыгодное сотрудничество»⁹.

⁶ МАЛАШЕНКО А. Заключение // *Православная церковь при новом патриархе*/Под ред. А. Малашенко и С. Филатова. М., 2012. С. 402-403.

⁷ ИЛАРИОН (АЛФЕЕВ). *Патриарх Кирилл: жизнь и мирозерцание*. М., 2010. С. 379-380.

⁸ Митрополит Кирилл: спровоцировать раскол в нашей Церкви желают и пытаются многие силы// *Московские новости*. 2007. №42. 26 октября – 1 ноября.

⁹ ЛЕГОЙДА В. *Это мое публичное дело!* // *Фома. Православный журнал*. 2012. №11. С. 7.

РПЦ участвует в политическом дискурсе также через различные организации, форумы, где она играет решающую роль, среди которых выделяются Всемирный русский народный собор и Рождественские чтения.

Всемирный русский народный собор – международная общественная организация, функционирующая под эгидой РПЦ, существующая с 1993 года и призванная способствовать формированию гражданского общества России. В его заседаниях традиционно принимают участие представители всех ветвей власти, лидеры общественных объединений, высшее духовенство традиционных религий России, преподаватели и студенты крупнейших учебных заведений страны, деятели науки и культуры, делегаты русских общин из ближнего и дальнего зарубежья, многочисленные представители молодежи. С момента создания ВРНС главой этой общественной организации является Патриарх Московский и всея Руси. Целью этой международной общественной организации является привлечение общественного мнения к наиболее острым вопросам современности¹⁰. Соборы проводятся ежегодно. XXI ВРНС на тему «Россия в XXI веке: исторический опыт и перспективы развития» был проведен 1 ноября 2017 г.

Другой публичной формой, используемой РПЦ для влияния на государственные вопросы, являются Рождественские чтения – крупнейший в Российской Федерации ежегодный церковно-общественный форум, который дает возможность выразить позицию Церкви в области образования, обсудить важнейшие вопросы церковно-государственного сотрудничества, сохранения традиционных семейных ценностей, православного воспитания детей и юношества, развития взаимоотношений РПЦ со светским обществом. В Рождественских чтениях принимают участие Патриарх и священноначалие Русской православной церкви, представители органов исполнительной, законодательной и судебной власти, ученые и общественность. 24–26 января 2018 года в Москве состоялись XXVI Международные Рождественские образовательные чтения на тему «Нравственные ценности и будущее человечества». В рамках данного форума получила распространение практика парламентских встреч. Так, 25 января 2018 г. Патриарх Кирилл принял участие в VI Рождественских парламентских встречах, организованных в Совете Федерации Федерального Собрания Российской Федерации. В ходе встречи глава РПЦ заявил: «Не стремясь подменить органы власти, Церковь, однако, оставляет за собой право давать нравственную оценку принимаемым законопроектам и уже действующим правовым актам. Потому что Церковь состоит, в первую очередь, из граждан РФ, у которых есть свой взгляд на происходящее, есть свое мироощущение, есть потребность и желание разделять свои взгляды, убеждения и точки зрения, в том числе, с представителями власти»¹¹

Русская православная церковь является социальным институтом с наиболее высокой поддержкой со стороны населения после армии. В июне 2018 г. по данным Всероссийского центра изучения общественного мнения рейтинг поддержки РПЦ составлял 68,7 % (у вооруженных сил – 86,8 %) ¹². Высокий уровень доверия РПЦ в обществе

¹⁰ Сайт международной общественной организации «Всемирный русский народный собор». URL: <https://vrns.ru/> (дата обращения: 7. 7. 2018).

¹¹ Выступление Святейшего Патриарха Кирилла на Рождественских парламентских встречах в Совете Федерации РФ. URL: <http://www.patriarchia.ru/db/text/3544704.html> (дата обращения: 7. 7. 2018).

¹² Деятельность общественных институтов // Сайт ВЦИОМ. URL: https://wciom.ru/news/ratings/odobrenie_deyatelnosti_obshhestvennykh_institutov/ (дата обращения: 23. 8. 2018).

является стабильным на протяжении первых двух десятилетий XXI века, что является основанием для ее влияния на общественную жизнь и на государственные структуры.

Таким образом, Русская православная церковь в современной России сумела превратиться из организации полностью подконтрольной государству в самостоятельного актора, который может оказывать влияние на различные процессы как в стране, так и за рубежом. Механизмы взаимодействия между церковью и государством еще находятся в стадии становления, но в целом позволяют решать задачи, стоящие перед обществом.

2 ЦЕРКОВНО-ГОСУДАРСТВЕННОЕ ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ

Условиями церковно-государственного взаимодействия является соответствие церковного участия в государственных трудах природе и призванию Церкви, отсутствие государственного диктата в общественной деятельности Церкви, невовлеченность Церкви в те сферы деятельности государства, где ее труды невозможны вследствие канонических и иных причин. Области соработничества Церкви и государства в нынешний исторический период являются:

- а) миротворчество на международном, межэтническом и гражданском уровнях, содействие взаимопониманию и сотрудничеству между людьми, народами и государствами;
- б) забота о сохранении нравственности в обществе;
- в) духовное, культурное, нравственное и патриотическое образование и воспитание;
- г) дела милосердия и благотворительности, развитие совместных социальных программ;
- д) охрана, восстановление и развитие исторического и культурного наследия, включая заботу об охране памятников истории и культуры;
- е) диалог с органами государственной власти любых ветвей и уровней по вопросам, значимым для Церкви и общества, в том числе в связи с выработкой соответствующих законов, подзаконных актов, распоряжений и решений;
- ж) попечение о воинах и сотрудниках правоохранительных учреждений, их духовно-нравственное воспитание;
- з) труды по профилактике правонарушений, попечение о лицах, находящихся в местах лишения свободы;
- и) наука, включая гуманитарные исследования;
- к) здравоохранение;
- л) культура и творческая деятельность;
- м) работа церковных и светских средств массовой информации;
- н) деятельность по сохранению окружающей среды;
- о) экономическая деятельность на пользу Церкви, государства и общества;
- п) поддержка института семьи, материнства и детства;
- р) противодействие деятельности псевдорелигиозных структур, представляющих опасность для личности и общества.

Церковно-государственное сотрудничество представляется также возможным в ряде других сфер в тех случаях, когда оно служит исполнению задач, соответствующих вышеперечисленным областям церковно-государственного взаимодействия.

Данное положение является основанием для участия РПЦ во всех возможных формах сотрудничества как с государственными и муниципальными органами, так и со структурами гражданского общества для реализации своих целей. Причем сегодня речь идет об активизации Церкви в отношениях с обществом, которая по выражению Патриарха Кирилла «должна идти к народу», а ее деятельность «нужно оценивать не только по числу храмов и монастырей, но и по влиянию, которое Церковь оказывает на жизнь людей и общество»¹³.

Примером такого сотрудничества является принятый 4 февраля 2011 года Архиерейским собором Русской православной церкви документ «О принципах организации социальной работы в Русской православной церкви»¹⁴, в котором социальное служение Церкви (благотворительность, социальная деятельность, диакония) характеризуется как «инициированная, организованная, координируемая и финансируемая Церковью или с помощью Церкви деятельность, имеющая своей целью оказание помощи нуждающимся». К делу социального служения Церкви в соответствии с документом могут привлекаться сотрудники государственных социальных и медицинских учреждений (врачи, медицинские сестры, педагоги, воспитатели, обслуживающий персонал интернатов, социальные работники и т.д.), в том числе не являющиеся активными членами Церкви. В делах милосердия и благотворительности РПЦ может сотрудничать с центральными, региональными и местными органами власти, благотворительными и иными общественными организациями и объединениями граждан, представителями традиционных религий и конфессий, политическими партиями, профсоюзами, деловым сообществом, что является основой для формирования сетевых сообществ в решении взаимозаинтересованных проблем.

В качестве важного ресурса, обеспечивающего современное лидерство церкви, является ее способность откликаться на наиболее злободневные проблемы в обществе. У РПЦ есть четко выверенная точка зрения на все актуальные проблемы современной России: модернизацию, бюрократизацию, борьбу с бедностью, распространение наркотиков, алкоголизм. Например, у главы РПЦ имеется своеобразная точка зрения относительно такой характерной для России проблемы, как бедность работающего человека. Патриарх Кирилл полагает, что, она связана, во-первых, с проблемой бюрократии и коррупции, которые препятствуют развитию малого предпринимательства; во-вторых, с увеличением заработной платы на основе модернизации технологий и роста производительности труда; в-третьих, с изменением внутреннего состояния человека, уровня его самодисциплины, образования, отношения к труду, что непосредственно влияет на производительность труда; в-четвертых, с отрегулированностью законодательства, способствующего созданию не только эффективной, но и справедливой экономики¹⁵.

---

¹³ ДЕНИСОВА Л. Е. 2011. *Русская православная церковь как институт социальной работы*//Теодицея. Альманах. Пятигорск, 2011. № 2. С. 10.

¹⁴ О принципах организации социальной работы в Русской православной церкви. Официальный сайт Московского патриархата. URL: <http://www.patriarchia.ru/db/text/1401894.html> (дата обращения: 8. 7. 2018).

¹⁵ Православная Москва. 2007. № 2. С. 9.

3 ЭКОНОМИЧЕСКИЕ И СОЦИАЛЬНЫЕ АСПЕКТЫ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ РПЦ

В соответствии с руководящими церковными документами духовное благополучие и самосохранение общества возможны лишь в том случае, если обеспечение жизни, здоровья и минимального благосостояния всех граждан считается безусловным приоритетом при распределении материальных средств. В позиции Православной церкви по отношению к собственности нет ни игнорирования материальных потребностей, ни противоположной крайности, превозносящей устремление людей к достижению материальных благ как высшей цели и ценности бытия. Имущественное положение человека само по себе не может рассматриваться как свидетельство о том, угоден или неугоден он Богу. «Материально богатый, но духовно несвободный человек не может быть счастливым»¹⁶, – полагает Патриарх Кирилл.

Церковь признает существование многообразных форм собственности, обоснованно полагая, что государственная, общественная, корпоративная, частная и смешанные формы собственности в разных странах получили различное укоренение в ходе исторического развития. Церковь не отдает предпочтения ни одной из этих форм. При каждой из них возможны как греховные явления — хищение, стяжательство, несправедливое распределение плодов труда, так и достойное, нравственно оправданное использование материальных благ. Поэтому РПЦ призывает «научиться управлять своими инстинктами, своими страстями», чтобы цивилизация, которую мы построим, не была «цивилизацией потребления»¹⁷.

Все большую значимость приобретает интеллектуальная собственность, объектами которой являются научные труды и изобретения, информационные технологии, художественные произведения и другие достижения творческой мысли. Церковь приветствует творческий труд, направленный на благо общества, и осуждает нарушение авторских прав на интеллектуальную собственность.

РПЦ принимает активное участие в решении других социальных проблем. Так, эффективно функционирует Межведомственная рабочая группа по вопросам профилактики незаконного потребления наркотических средств и психотропных веществ, в состав которой входят представители Церкви и федеральных министерств и ведомств – Минздравсоцразвития, Минобрнауки, Минэкономразвития, ФСИН, ФСКН. Успешно взаимодействуют представители Церкви и уполномоченные по правам ребенка федерального и регионального уровня, акцентируя внимание на развитии деятельности в сфере заботы о приемных семьях, о детях, которые остаются без попечения родителей,

¹⁶ Интервью Святейшего Патриарха Кирилла корреспондентам болгарских СМИ//Патриархия.ru: официальный сайт Московского Патриархата. 2018. URL: <http://www.patriarchia.ru/db/text/5155533.html> (дата обращения: 8. 7. 2018).

¹⁷ Выступление Святейшего Патриарха Кирилла в прямом эфире украинского телеканала «Интер»// Patriarchia.ru: официальный сайт Московского Патриархата. 28. 7. 2009. URL: <http://www.patriarchia.ru/db/text/706055.html> (дата обращения: 8. 7. 2018).

детях-инвалидах. МЧС активно сотрудничает с РПЦ в деле устранения последствий влияния тоталитарных сект.

В главе XXI Устава Русской православной церкви перечислены источники средств для ведения своей деятельности, которые образуются из:

- а) пожертвований при совершении богослужений, таинств, треб и обрядов;
- б) добровольных пожертвований физических и юридических лиц, государственных, общественных и иных предприятий, учреждений, организаций и фондов;
- в) пожертвований при распространении предметов православного религиозного назначения и православной религиозной литературы (книг, журналов, газет, аудиовидеозаписей и т.п.), а также от реализации таковых предметов;
- г) доходов, получаемых от деятельности учреждений и предприятий Русской православной церкви, направляемых на уставные цели РПЦ;
- д) отчислений синодальных учреждений, епархий, епархиальных учреждений, миссий, подворий, представительств, а также приходов, монастырей, братств, сестричеств, их учреждений, организаций и др.;
- е) отчислений от прибыли предприятий, учрежденных каноническими подразделениями Русской православной церкви самостоятельно или совместно с иными юридическими или физическими лицами;
- ж) иных не запрещенных законодательством поступлений, в том числе доходов от ценных бумаг и вкладов, размещенных на депозитных счетах¹⁸.

Экономические вопросы регулярно обсуждаются на Архиерейских соборах РПЦ. Так, в 2013 г. члены Архиерейского собора отмечали пользу, приносимую трудами епархиальных, монастырских и приходских предприятий по производству церковных облачений, утвари, свечей, которые не только позволяют улучшить финансовое положение местных церковных учреждений, но и способствуют появлению широкого выбора качественных предметов церковного обихода¹⁹.

Русская православная церковь может иметь в собственности здания, земельные участки, объекты производственного, социального, благотворительного, культурно-просветительного и иного назначения, предметы религиозного назначения, денежные средства и иное имущество, необходимое для обеспечения деятельности РПЦ, в том числе отнесенное к памятниками истории и культуры, или получать таковое в пользование на иных законных основаниях от государственных, муниципальных, общественных и иных организаций и граждан в соответствии с законодательством страны нахождения этого имущества. Русская православная церковь имеет собственное движимое и недвижимое имущество в дальнем зарубежье.

Исходя из потребностей Церкви, были внесены изменения в Земельный кодекс Российской Федерации, в соответствии с которыми земельные участки, находящиеся в государственной или муниципальной собственности, могут быть предоставлены в

---

¹⁸ Устав Русской православной церкви. URL: <http://www.patriarchia.ru/db/text/133149.html> (дата обращения: 8. 7. 2018).

¹⁹ Постановления Освященного Архиерейского Собора Русской Православной Церкви (2-5 февраля 2013 г.). URL: <http://www.patriarchia.ru/db/text/2777929.html> (дата обращения: 8. 7. 2018).

безвозмездное пользование религиозным организациям для размещения зданий, сооружений религиозного или благотворительного назначения на срок до десяти лет²⁰.

Уставом РПЦ определены распорядители общецерковных финансовых средств (Патриарх Московский и всея Руси и Священный Синод). Право распоряжения имуществом Русской православной церкви предоставлено Священному Синоду.

Церковь не остается безучастной к проблемам россиян, обращая внимание на наименее защищенные слои населения. Следует согласиться с тем, что «никакую экономическую модель развития нельзя считать успешной, если она не решает социальных проблем, не даёт людям возможности распоряжаться своей судьбой»²¹.

В то же время, церковное Священноначалие обращает внимание на предпринимаемые государством меры для решения экономических и социальных проблем, акцентируя внимание на данные усилия в публичном пространстве. Оценивая положительно деятельность государственной власти, церковные иерархи обращают внимание на то, чтобы «экономическая политика органично принималась народом, ибо без этого она не будет по-настоящему эффективной»²². Задача же Церкви состоит в призвании «тех, в чьих руках находятся рычаги экономической власти, осознать свою ответственность перед Богом, Отечеством и людьми, проявлять реальную заботу об улучшении условий труда и жизни работников, об их медицинском обслуживании и образовании, о том, чтобы повседневное существование каждого было достойным человека, имело ясную социальную перспективу»²³.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В России продолжается формирование системы церковно-государственных отношений. Коренные изменения в религиозной политике государства произошли лишь в конце XX века. Несмотря на то, что нормативно-правовая база сформирована, тем не менее не все элементы церковно-государственных отношений отстроены. Особенно это касается реальных, а не декларируемых отношений, связанных с политикой, экономикой, социальной сферой. В то же время существуют очевидные тенденции, которые закрепляются в политических практиках. РПЦ претендует на роль посредника в общении верующих граждан и власти, что следует из ее моральных принципов и позиции, выработанной в последние годы.

²⁰ О предоставлении земельных участков под строительство храмов и иных объектов религиозного или благотворительного назначения в безвозмездное пользование религиозных организаций без проведения торгов. 29 июля 2015 г. Официальный сайт РПЦ. URL: <http://www.patriarchia.ru/db/text/4180973.html> (дата обращения: 8. 7. 2018).

²¹ Либеральный стандарт: угроза миру и свободе. Статья митрополита Смоленского и Калининградского Кирилла. Церковный вестник. 2004. № 1-2. С. 278-279//Свобода и ответственность: в поисках гармонии. Права человека и достоинство личности. М., 2016. С. 73-82.

²² Доклад Патриарха Московского и всея Руси Кирилла на Епархиальном собрании. Москва. 2009. 23 декабря// Слово Предстоятеля (2009 – 2011). Собрание трудов. Сер. 1. Т. 1. М., 2012. С. 256-289.

²³ Кирилл, Патриарх Московский и всея Руси. Доклад на Епархиальном собрании. Москва. 2010. 22 декабря// Слово Предстоятеля (2009 – 2011). Собрание трудов. Сер. 1. Т. 1. М., 2012. С. 290-371.

Русская православная церковь, используя все возможности, предоставляемые законодательством Российской Федерации, активно и эффективно участвует в общественной и государственной жизни страны, твердо отстаивая свою позицию и настойчиво продвигая свои интересы. Являясь религией большинства, она пронизывает в значительной степени государственную жизнь и государственные структуры. В то же время Церковь сохраняет лояльность государству, акцентируя внимание на воспитании нравственности и формировании в обществе моральных ценностей, присущих Православию, полагая, что «основой для нравственного консенсуса может быть только то, что является органической основой человеческого единства, а этой органической основой является сама природа человека, сам человек»²⁴.

Опираясь в ряде вопросов на государство, РПЦ следует принципу, не позволяющему государственным структурам проникать в церковные дела, одновременно оставаясь важнейшим субъектом публичной сферы. Возглавив борьбу за нравственность, Русская православная церковь использует все предоставленные ей возможности, эффективно используя преимущества своего положения, связанного с лояльностью со стороны власти и поддержки со стороны общества.

ЛИТЕРАТУРА

1. Выступление Святейшего Патриарха Кирилла в прямом эфире украинского телеканала «Интер»//Patriarchia.ru: официальный сайт Московского Патриархата. 28.07.2009. URL: <http://www.patriarchia.ru/db/text/706055.html>
2. Выступление Святейшего Патриарха Кирилла на Рождественских парламентских встречах в Совете Федерации РФ. URL: <http://www.patriarchia.ru/db/text/3544704.html>
3. ДЕНИСОВА Л.Е. Русская православная церковь как институт социальной работы// Теодицея. Альманах. Пятигорск, 2011. № 2. С.9-12.
4. Деятельность общественных институтов//Сайт ВЦИОМ. URL: https://wciom.ru/news/ratings/odobrenie_deyatelnosti_obshhestvennykh_institutov/
5. Доклад Патриарха Московского и всея Руси Кирилла на Епархиальном собрании. Москва. 2009. 23 декабря // Слово Предстоятеля (2009-2011). Собрание трудов. Сер. 1. Т. 1. М., 2012. С. 256-289.
6. ИЛАРИОН (АЛФЕЕВ). Патриарх Кирилл: жизнь и мирозерцание. М., 2010. 560 с.
7. Интервью Святейшего Патриарха Кирилла корреспондентам болгарских СМИ// Патриархия.ru: официальный сайт Московского Патриархата. 2018. URL: <http://www.patriarchia.ru/db/text/5155533.html>
8. Кирилл, Патриарх Московский и всея Руси. Доклад на Епархиальном собрании. Москва. 2010. 22 декабря // Слово Предстоятеля (2009-2011). Собрание трудов. Сер. 1. Т. 1. М., 2012. С. 290-371.

---

²⁴ Нравственные ценности – основа единства мультикультурного общества. Доклад Святейшего Патриарха Кирилла на открытии XXVI международных Рождественских образовательных чтений// Журнал Московской патриархии. 2018. № 3. С. 22.

9. КУРАЕВ А. Поднять Россию с колен! Записки православного миссионера. М.: Алгоритм, 2014. 208 с.
10. КУРАЕВ А. Церковь в мире людей. М. Изд. Сретенского монастыря, 2009. 544 с.
11. ЛЕГОЙДА В. Это мое публичное дело! // Фома. Православный журнал. 2012. №11. С.6-7.
12. Либеральный стандарт: угроза миру и свободе. Статья митрополита Смоленского и Калининградского Кирилла. Церковный вестник. 2004. № 1-2. С. 278-279//Свобода и ответственность: в поисках гармонии. Права человека и достоинство личности. М., 2016. С. 73-82.
13. МАЛАШЕНКО А. Заключение//Православная церковь при новом патриархе/Под ред. А. Малашенко и С. Филатова. М., 2012. 415 с.
14. Митрополит Кирилл: спровоцировать раскол в нашей Церкви желают и пытаются многие силы//Московские новости. 2007. №42. 26 октября – 1 ноября.
15. Нравственные ценности – основа единства мультикультурного общества. Доклад Святейшего Патриарха Кирилла на открытии XXVI международных Рождественских образовательных чтений // Журнал Московской патриархии. 2018. № 3. С.18-33.
16. О предоставлении земельных участков под строительство храмов и иных объектов религиозного или благотворительного назначения в безвозмездное пользование религиозных организаций без проведения торгов. 29 июля 2015 г. Официальный сайт РПЦ. URL: <http://www.patriarchia.ru/db/text/4180973.html>
17. О принципах организации социальной работы в Русской православной церкви. Официальный сайт Московского патриархата. URL: <http://www.patriarchia.ru/db/text/1401894.html>
18. Основы социальной концепции Русской православной церкви. Официальный сайт Московского патриархата. URL: <http://www.patriarchia.ru/db/text/419128.html>
19. Постановления Освященного Архиерейского Собора Русской Православной Церкви (2-5 февраля 2013 г.). URL: <http://www.patriarchia.ru/db/text/2777929.html>
20. Православная Москва. 2007. № 2. С. 9.
21. Практика заявлений и действий иерархов, духовенства, монашествующих и мирян во время предвыборных кампаний. Проблема выдвижения духовенством своих кандидатур на выборах. Материалы Архиерейского собора РПЦ, 2 февраля 2011 г.//Официальный сайт Московского патриархата. URL: <http://www.patriarchia.ru/db/text/1400896.html>
22. Сайт международной общественной организации «Всемирный русский народный собор». URL: <https://vrns.ru/>
23. СИТНИКОВ А.А. Православие, институты власти и гражданского общества в России. СПб.: Алетейя, 2012. 248 с.
24. Устав Русской православной церкви. URL: <http://www.patriarchia.ru/db/text/133149.html>

Влияние ценностей на соотношение индивидуальных и коллективных прав в Крыму

Influence of values on the relations of the individual and collective rights in Crimea

Татьяна А. Сеньюшкина

доктор политических наук, профессор кафедры политических наук и международных отношений Крымского федерального университета имени В.И.Вернадского

Tatiana A. Senyushkina

Doctor of Political Sciences, Professor of the Department of Political Sciences and International Relations of V. I. Vernadsky Crimean Federal University

Аннотация: В статье исследуются новейшие тенденции, связанные с изменениями в системе ценностей и их влиянием на соотношение индивидуальных и коллективных прав. В контексте анализа конфликта между носителями индивидуальных и коллективных ценностей обосновывается положение об углублении противоречий между секулярной и религиозной культурами, что имеет свою рефлексию на дискурсе, связанном с правами человека. На основе применения метода кейс-стади проанализирована ситуация, связанная с правами человека в Крыму в условиях интеграции в политическое, правовое и культурное пространство России. В контексте научных дискуссий по поводу противоречий в толковании права на культурное наследие, рассматриваются споры вокруг культурных ценностей Крыма.

Ключевые слова: ценности, индивидуальные и коллективные права, коллективный субъект прав человека, право на культурное наследие, интеграция Крыма в Россию, права реабилитированных народов в Крыму

Abstract: The article examines the latest trends associated with changes in the system of values and their impact on the ratio of individual and collective rights. In the context of the analysis of the conflict between the bearers of individual and collective values, the author substantiates the position of deepening the contradictions between the secular and religious cultures, which is reflected in the discourse related to human rights. On the basis of the case-study method application, the situation related to human rights in Crimea in the conditions of integration into the political, legal and cultural space of Russia is analyzed. In the context of scientific discussions about the contradictions in the interpretation of the right to cultural heritage, disputes over cultural values of the Crimea are considered.

Keywords: values, individual and collective rights, collective subject of human rights, right to cultural heritage, integration of Crimea into Russia, rights of rehabilitated peoples in Crimea

Тема соотношения индивидуальных и коллективных прав человека и влияния на этот процесс ценностей актуализировалась в общественном дискурсе и академических

дискуссиях в Европе в начале 1990-х годов и была связана с постановкой вопроса о коллективном субъекте прав человека, преимущественно в контексте правовой защиты культурной идентичности этнических и религиозных меньшинств. В современных условиях эта тема вновь привлекает к себе внимание академических исследователей в связи с углублением противоречий между секулярной и религиозной культурами, а также в связи с активным проникновением мусульманских ценностей в европейскую повседневность¹. По мере увеличения доли мигрантов из мусульманских стран в структуре европейского населения всё более чётко проявляется конфликт между носителями индивидуальных и коллективных ценностей, что не может не отразиться на дискурсе, связанном с правами человека².

В современной теории права распространена точка зрения, согласно которой индивидуальные и коллективные права неразрывно связаны, хотя и различны по своей природе. Между индивидуальными и коллективными правами существует взаимозависимость, в основе которой должен лежать принцип: осуществление коллективных прав не может ущемлять прав и свобод индивида.

В данной статье мы попытаемся показать, каким образом ценности влияют на соотношение индивидуальных и коллективных прав. В первой части статьи будут раскрыты вопросы теоретического характера, во второй – на основе применения метода кейс-стади мы проанализируем ситуацию, связанную с правами человека в Крыму.

1 Правовая культура и ценности

Права человека имеют своеобразную рефлексию по отношению к различным формам правовой культуры, изучение которых невозможно вне глубокого осмысления оснований культурно-исторического типа, породившего ту или иную форму правосознания. Одновременно с этим, проблемы формирования правовой культуры в любом обществе могут быть рассмотрены с точки зрения преобладающей в обществе системы ценностей. Право – неотъемлемая часть культуры, поэтому правовое сознание – это своеобразное отражение тех процессов, которые формируют ценностный каркас личности и общества. Не менее важным является анализ внешних культурных влияний и заимствований, способствующих изменению ценностных образцов.

Осмысление основных исторических этапов развития правовой культуры через призму аксиологии показывает, что, начиная с древнейших времен нормы поведения, санкционированные обществом, были тесным образом связаны с религиозными ценностями³. Это подтверждает анализ правовой культуры древних государств Востока

¹ Инглхарт Р. Пост-модерн: Меняющиеся ценности и меняющиеся общества//Полис. 1997. - № 4// http://www.polisportal.ru/files/File/publication/Starie_publicacii_Polisa/I/1997-4-2-Ingleheart_Postmodern.pdf

² TATIANA A. SENYUSHKINA. 2017. *Islam v Krimu//Islam v Europe – právne postavenie a financovanie islamských náboženských organizácií*/Michaela Moravčíková, ed. Praha : Leges, 2017. С. 90-103, С. 91.

³ SENYUSHKINA. T. 2013 Influence of Orthodox Values on Formation of the Philosophy of Law in Russia. In KROŠLÁK D., – MORAVČÍKOVÁ M. (eds.). *Hodnotový systém práva a náboženstva v medzikultúrnej perspektíve*. – Praha : Leges, 2013.s. 322-332.

– Египта, Вавилона, Китая, Индии. Особый тип правосознания сформировался в Древнем Риме. Для римского общества были характерны высокий уровень правовой культуры, что связано с развитостью политического и гражданского сознания. В системе ценностей древних римлян преобладали такие качества как гражданская позиция, политическая активность, правовая грамотность, патриотизм. Всё это оказало решающее влияние на развитие права. В свою очередь, становление права в Древнем Риме обусловило и формирование специфической системы ценностей. Здесь мы можем наблюдать взаимовлияние двух основополагающих сфер социальной жизни – правового сознания и системы политических и гражданских ценностей.

Средневековый мусульманский Восток – еще один пример для анализа взаимосвязи права и религиозных ценностей. Здесь воедино слились три смысла – правовой, политический и религиозный. Это характеризует суть мусульманского общества, в котором религия, право и политика не расчленены, а составляют единое целое. В европейских странах правовые системы формировались под влиянием римского права, местных правовых обычаев, а также христианских религиозных ценностей. В целом европейская культура состоялась в контексте исторического наследия двух больших традиций – античности и христианства. Далее, период первоначального накопления капитала и появление протестантизма существенно откорректировали систему ценностей европейского человека. Об этом написал Макс Вебер, обнаруживший связь между экономическим поведением, хозяйственной деятельностью в условиях капитализма и изменениями в системе ценностей, связанными с появлением протестантизма.

По мнению Эрнста Геллнера, «вера кодифицирует культуру». Следовательно, религиозные ценности всегда вплетены в культурное пространство личности и социума. Особенности религиозных традиций в обществе влияют на коллективное восприятие и легитимизацию прав человека.

Права человека как развивающийся социально-политический феномен.

Современное понимание прав человека является результатом исторического развития международных принципов и стандартов защиты правового статуса как на индивидуальном, так и на коллективном уровне.

Европейская концепция прав человека, которая была принята за основу международных стандартов в этой сфере, зародилась на основе взаимовлияния римского права и христианства, которые лежат в основе современной европейской культуры. Решающее влияние на формирование концепции прав человека оказала философская мысль Нового Времени (Дж.Локк, Г.Гроций, Ж-Ж.Руссо, Ш.Луи де Монтескье, Вольтер), а также политическая деятельность американских политиков Т.Пэйна и Т.Джефферсона.

Одним из первых политических документов, который заявил о правах человека в Европе, является Великая Хартия Вольностей, принятая в Англии в 1215-м году. Так или иначе, дискурс, связанный с защитой прав человека внедрялся в общество параллельно с процессами секуляризации и снижения влияния религиозных ценностей на политику и право.

В современной юридической литературе выделяется 4 поколения прав человека. *Первое поколение* связано с регламентацией личных и политических прав человека и

гражданина, провозглашённых в ходе Великой Французской революции, а также в результате борьбы за независимость США.

Второе поколение прав человека появилось в начале XX века и было связано с социально-экономическими и культурными правами, что коррелирует с экономическим уровнем развития государств и благосостоянием населения.

Рост национально-освободительного движения и последовавший вслед за этим распад колониальных империй во второй половине XX в. привёл к появлению *третьего поколения прав человека*, или коллективных прав: право нации на самоопределение, право народа на развитие, права женщин, детей, беженцев, национальных меньшинств. Основные права третьего поколения были закреплены в Париже 10 декабря 1948 года во Всеобщей Декларации прав человека. На основании Декларации и двух позже принятых пактов – Международного Пакта о гражданских и политических правах и Международного Пакта об экономических, социальных и культурных правах появился так называемый Международный билль о правах.

В конце XX в. обострились глобальные проблемы: терроризм, гонка вооружений, бедность и голод в ряде стран мира, неизлечимые болезни, загрязнение окружающей среды и грозящее всему человечеству исчерпание природных ресурсов. Юридическим выражением процесса глобализации стало формирование *четвертого поколения прав человека*. К ним относят закрепленные в международных документах права на мир и безопасность, на здоровую окружающую среду, на доступ к экономическому, научному и культурному потенциалу человечества, в том числе — информационные права. Некоторые ученые относят к четвертому поколению также права, связанные с клонированием и другими открытиями в биологии.

2 Соотношение индивидуальных и коллективных прав как теоретическая проблема

Европейский дискурс прав человека, основанный на ценностях эпохи просвещения и модерна, опирается на точку зрения, согласно которой право индивида – это естественное право, присущее ему от рождения, одна из главных ценностей человеческого бытия, и в качестве таковой она должна выступать измерителем всех процессов, происходящих в обществе, ибо нарушение естественных прирожденных прав человека деформирует нормальное развитие общества, дегуманизирует его.

Одновременно с этим, коллективные права (право народа, право нации, право общности, ассоциации) не рассматриваются как естественные права, поскольку они формулируются и кристаллизуются по мере становления интересов той или иной общности или коллектива. Они не рассматриваются как сумма индивидуальных прав лиц, входящих в ту или иную общность или коллектив.

Согласно европейским подходам к правам человека, коллективные права не должны игнорировать прав человека, противоречить им либо подавлять их (исключением

являются чрезвычайные ситуации, представляющие угрозу жизни народа, нации). Если коллективные права ведут к ущемлению прав отдельного человека, значит, цели, объединяющие такую общность, антигуманны и противоправны.

Многие европейские учёные и политики воздерживаются от признания коллективного права этнических меньшинств на сохранение культурной идентичности. В частности, некоторые авторы считают, что коллективные права противоречат индивидуальному характеру прав человека. С другой стороны, многие теоретики и политики поддерживают коллективные права культурных и этнических групп.

Проблема соотношения индивидуальных и коллективных прав в сфере культуры и влияния ценностей на этот процесс, нуждается в адекватной теоретической рефлексии с учётом новейших политических и культурных изменений, в частности, таких как миграционный кризис в Европе, ценностные изменения в посткоммунистических странах в условиях развития новой формы капитализма, а также конвергенции двух моделей общественного устройства в Китайской Народной Республике⁴.

Противоречия, возникающие между правами человека, правами государства, народа, нации, национальных меньшинств, народностей, малых народов, нередко являются одной из причин конфликтов, в которых каждая из сторон выдвигает свои доводы правоты, справедливости, законности, отстаивает свое право на суверенитет, свои аргументы, связанные с пересмотром границ, используя при этом исторические аргументы, отстаивая свое право на самоопределение.

3 Воссоединение Крыма с Россией в контексте теоретических дискуссий о соотношении индивидуальных и коллективных прав

Применительно к Крыму рассмотренные выше теоретические положения имеют особое значение, так как важным историческим аргументом местное население считает 1783 год, когда согласно манифесту Российской императрицы Екатерины II-й, Крым вошёл в состав российского государства.

Не менее важный исторический этап связан с революцией 1917 г. в России и образованием СССР. В результате создания нового социалистического государства была сформирована Крымская Автономная Советская Социалистическая Республика, которая вошла в состав РСФСР.

Для более полного понимания происходящих в Крыму политических процессов следует учитывать, что до 1954 г. Крымский полуостров входил в состав Российской Федерации, а затем был передан Украине как новая административная единица (процесс

---

⁴ Сенюшкина Т. А. Право на сохранение культурной независимости и новейшие тенденции в концепции прав национальных меньшинств//Ученые записки Таврического национального университета. 2006. Вып. № 11.

передачи не затронул г. Севастополь, который напрямую починался Москве и оставался вплоть до развала СССР городом союзного подчинения, наряду с Москвой и Ленинградом (Санкт-Петербургом). В рамках единого государства этот акт не имел существенных политических последствий, но с распадом СССР ситуация стала парадоксальной – русское население Крыма оказалось в независимой Украине в положении национального меньшинства, хотя никогда не покидало территории полуострова, который значительную часть своей истории входил в состав России. Кроме того, русское население Крыма неоднократно демонстрировало своё отношение к акту передачи Крыма Украине как нелегитимному политическому событию⁵.

Воссоединение Крыма с Россией, произошедшее весной 2014 г., стало результатом осознанного личного и коллективного выбора, основанного на преобладающих в регионе ценностях, которые сформировались под влиянием религиозной, языковой и культурной принадлежности большинства населения, тесными узами связанного с российской историей и культурой.

На референдуме 16 марта 2014 г., в котором приняло участие 83,1 % населения, жители Крыма сделали свой осознанный выбор, приняв тем самым участие в определении вектора дальнейшего развития крымского полуострова. Рассматривая воссоединение Крыма с Россией как акт восстановления исторической справедливости, большая часть крымчан высказалась за вхождение Республики Крым в состав Российской Федерации (96,7 % от числа принявших участие в референдуме).

Результаты выборов Президента Российской Федерации, которые состоялись 18 марта 2018 г., через 4 года после референдума, подтвердили правильность выбранного курса. В выборах Президента РФ приняли участие 1079531 избиратель, что составляет 71,55 % имеющих право голоса. Наибольшее количество голосов набрал кандидат В. В. Путин, за которого отдали свои голоса 994569 крымских избирателей, или 92,15 %.

За четыре года полуостров прошел путь, без всяких натяжек и преувеличений, гораздо более масштабный и успешный, чем за предыдущие 23 года, – так считает председатель Российского исторического общества (РИО) С.Е. Нарышкин. Сделан значительный шаг в социально-экономическом, общественно-политическом, культурном развитии. При этом украинский период останется неотъемлемой частью истории Крыма, и народная оценка этому периоду уже была дана в марте 2014 г. на референдуме⁶.

Отдельно следует отметить, что весной 2014 г. мнения крымских татар по поводу политического выбора большинства населения Крыма разделились. Однако сегодня, по прошествии 4 лет опыта интеграции Крыма в российское политическое, экономическое, социально-культурное и правовое пространство, можно утверждать, что большинство крымских татар поддерживает российский выбор. При этом решающую роль в формировании лояльности крымскотатарского населения по отношению к нахождению Крыма в составе Российской Федерации играет позиция Президента РФ В. В. Путина

⁵ Сенюшкина Т. А. Цивилизационная идентичность как фактор крымского выбора//Проблема суверенности современной России. Материалы Всерос. науч. общ. конф., 6 июня 2014 г. М. Наука и политика, 2014. С.182-191. С.186.

⁶ Нарышкин С. Е. Крым за четыре года в составе России прошел масштабный путь развития. Режим доступа: <http://tass.ru/politika/5047548>

и российского правительства, которые продемонстрировали готовность взять на себя решение ключевых экономических и социальных проблем крымских татар.

В частности, 21 апреля 2014 г. Президент Российской Федерации подписал Указ «О мерах по реабилитации армянского, болгарского, греческого, крымско-татарского и немецкого народов и государственной поддержке их возрождения и развития». Особое значение данного указа заключается в том, что в нём фактически впервые на уровне высшей государственной власти осуществлено признание незаконности факта депортации из Крыма представителей 5 народов. Не менее важным является также и то, что указ нацеливает на необходимость восстановления исторической справедливости, устранения последствий незаконной депортации и допущенных нарушений прав, в том числе, имущественных и культурных⁷. Оценивая значение данного указа, следует указать на его роль в системе защиты коллективных прав реабилитированных народов, которая формируется в Крыму, начиная с весны 2014 года и включает государственные меры защиты права на образование на родном языке, религиозных прав и свобод, а также коллективных культурных и социальных прав.

4 Право на культурное наследие

Оценивая ситуацию, связанную с противоречивыми толкованиями права на культурное наследие и в связи с неурегулированностью спора о территориальной принадлежности Крыма, особое внимание следует уделить проблемам, связанным со спорами вокруг культурных ценностей Крыма.

Одна из проблем связана с тем, что специальная структура ООН по вопросам образования, науки и культуры (ЮНЕСКО) прекратила все контакты с администрациями объектов культурного наследия в Крыму⁸. В результате Крым полностью отсечен теперь от деятельности ЮНЕСКО.

До воссоединения Крыма с Россией ЮНЕСКО сотрудничала, в частности, с музеем-заповедником «Херсонес Таврический», ассоциированными школами, кафедрами и научными центрами в Крыму. Также остановлена работа по приданию статуса всемирного наследия и другим расположенным в Крыму объектам. В списке всемирного наследия ЮНЕСКО значится 26 наименований, имеющих в описании пометку «Российская Федерация». Также в список всемирного наследия входит древний город Херсонес Таврический, расположенный в городе Севастополе и имеющий в описании пометку «Украина». Россия рассматривает его как объект всемирного наследия на территории РФ.

⁷ Сенюшкина Т. А. Историческая память как фактор развития этноконфессиональных процессов в Крыму // История и современное развитие Причерноморья в контексте формирования патриотизма и укрепления ценностей российской цивилизации: материалы Междунар. науч.-практ. конф./отв. ред. А. В. Баранов, В. В. Касьянов. – Краснодар: Кубанский гос. ун-т, 2018. – С.514-519. С.518.

⁸ Специальная структура ООН по вопросам образования, науки и культуры (ЮНЕСКО) прекратила все контакты с администрациями объектов культурного наследия в Крыму// <http://news.allcrimea.net/news/2017/7/4/junesko-prervala-vse-kontakty-s-obektami-kulturnogo-naslediya-v-krymu-83524/>

Во время 204-й сессии исполнительного совета ЮНЕСКО, состоявшейся 17 апреля 2018 года в Париже, была принята резолюция о наблюдении за ситуацией в Крыму. Во время голосования за документ представители 16 стран высказались «за», 11 – «против», а представители еще 24 стран во время голосования воздержались. В резолюции, в частности, указывается на необходимость непосредственного наблюдения за ситуацией в Крыму. Особый интерес для ЮНЕСКО представляют такие объекты как заповедник «Херсонес Таврический» и его хора, а также пять объектов, которые внесены в предварительный список объектов всемирного наследия ЮНЕСКО, международный детский центр «Артек», многочисленные исторические и архитектурные памятники национального значения, музеи, биосферные заповедники, научные центры⁹. Оценивая ситуацию, связанную с противоречивыми толкованиями права на культурное наследие и в связи с неурегулированностью спора о территориальной принадлежности Крыма, отметим, что проблемы, связанные со спорами вокруг культурных ценностей Крыма, приобретают особое значение.

5 Выводы

Проблему соотношения индивидуальных и коллективных прав человека и влияния на этот процесс ценностей следует рассматривать в связи с постановкой вопроса о коллективном субъекте прав человека, в контексте правовой защиты культурной идентичности этнических и религиозных групп.

В связи с улублением противоречий между секулярной и религиозной культурами в современных условиях всё более чётко проявляется конфликт между носителями индивидуальных и коллективных ценностей, что не может не отразиться на дискурсе, связанном с правами человека.

В современной теории права распространена точка зрения, согласно которой индивидуальные и коллективные права неразрывно связаны, хотя и различны по своей природе. Между индивидуальными и коллективными правами существует взаимозависимость, в основе которой должен лежать принцип: осуществление коллективных прав не может ущемлять прав и свобод индивида.

Воссоединение Крыма с Россией, произошедшее весной 2014 г., следует рассматривать как результат осознанного личного и коллективного выбора, основанного на преобладающих в регионе ценностей, которые сформировались под влиянием религиозной, языковой и культурной принадлежности большинства населения, тесными узами связанного с российской историей и культурой.

В условиях интеграции Крыма в российское политическое и правовое пространство формируется система защиты коллективных прав реабилитированных народов, которая включает государственные меры защиты права на образование на родном языке, религиозных прав и свобод, а также коллективных культурных и социальных прав.

⁹ <http://www.dw.com/ru/мониторинг-юнеско-в-крыму-миссия-невыполнима/a-43438566>

Оценивая ситуацию, связанную с противоречивыми толкованиями права на культурное наследие и в связи с неурегулированностью спора о территориальной принадлежности Крыма, особое значение приобретают проблемы, связанные со спорами вокруг культурных ценностей Крыма.

ЛИТЕРАТУРА

1. Инглхарт Р. Пост-модерн: Меняющиеся ценности и меняющиеся общества//Полис. -1997. – № 4 //
2. http://www.polisportal.ru/files/File/puvlication/Starie_publikacii_Polisa/I/1997-4-2-INGLEHEART_Postmodern.pdf
3. Нарышкин С. Е. Крым за четыре года в составе России прошел масштабный путь развития // <http://tass.ru/politika/5047548>
4. Сенюшкина Т. А. Историческая память как фактор развития этноконфессиональных процессов в Крыму//История и современное развитие Причерноморья в контексте формирования патриотизма и укрепления ценностей российской цивилизации: материалы Междунар. науч.-практ. конф./отв. ред. А. В.Баранов, В. В.Касьянов. – Краснодар : Кубанский гос. ун-т, 2018. С.514-519.
5. Сенюшкина Т. А. Право на сохранение культурной независимости и новейшие тенденции в концепции прав национальных меньшинств//Ученые записки Таврического национального университета. 2006. Вып. № 11. С.54-62.
6. Сенюшкина Т. А. Цивилизационная идентичность как фактор крымского выбора// Проблема суверенности современной России. Материалы Всерос. науч. общ. конф., 6 июня 2014 г. М. Наука и политика, 2014. С.182-191.
7. Специальная структура ООН по вопросам образования, науки и культуры (ЮНЕСКО) прекратила все контакты с администрациями объектов культурного наследия в Крыму // <http://news.allcrimea.net/news/2017/7/4/junesko-prervalva-vse-kontakty-s-obektami-kulturnogo-naslediya-v-krymu-83524/>
8. TATIANA SENIUSHKINA. 2013. Influence of Orthodox Values on Formation of the Philosophy of Law in Russia. In KROŠLÁK D., – MORAVČÍKOVÁ M. (eds.). *Hodnotový systém práva a naboženstva v medzikultúrnej perspektíve*. Praha : Leges, 2013. s. 322-332.
9. TATIANA A. SENYUSHKINA. 2017. *Islam v Krimu//Islam v Európe – právne postavenie a financovanie islamských náboženských organizácií*/Michaela Moravčíková, editor. – Vydání první. Praha : Leges, 2017. 184 s. s.90-103.

ПРОБЛЕМА ДВОЙСТВЕННОСТИ ВЗАИМООТНОШЕНИЙ ЦЕРКВИ И ГОСУДАРСТВА

THE PROBLEM OF THE CHURCH AND THE STATE RELATIONSHIP DUALITY

Нелли А. Романович

д. социолог. н. профессор Кафедры политологии и политического управления в Российской Академии народного хозяйства и государственной службы (РАНХиГС) при Президенте РФ (Воронежский филиал), Россия. Генеральный директор Института общественного мнения «Qualitas».

Nelly A. Romanovich

doctor of Sociology professor of the Department of Political Science and Administration, The Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (RANEPA), Voronezh branch, Russia, General Director of the Public Opinion Institute "Qualitas".

Аннотация: В статье рассматриваются неоднозначные взаимоотношения между церковью и государством с начала их зарождения и их развитие в исторической ретроспективе. Подчеркивается двойственность этих взаимоотношений, их парадоксальность и противоречивость. Изучается концепция «симфония властей», разработанная в Византии и перешедшая в качестве нормы права в Древнюю Русь, как идеальный тип взаимоотношений между независимыми друг от друга церковью и государством. Анализируются последствия крушения симфонии во времена петровской церковной реформы. Исследуются современный набор прав и обязанностей во взаимоотношениях государства и церкви. Приводятся результаты опросов общественного мнения как россиян в целом, так и жителей типичного средне-русского крупного города, по отношению к религии и строительству храмов. Делается вывод о возможности возрождения «симфонии властей» как неформальной нормы взаимоотношений между Православной Церковью и российским государством.

Ключевые слова: церковь, государство, вера, религия, православие, общественное мнение

Abstract: The article examines the ambiguous relationship between the church and the state from their inception and their development in a historical retrospect. It emphasizes the duality of these relationships, their paradox and discrepancy. The concept of the "authorities symphony" which was developed in Byzantine Empire and passed as a rule of law to Ancient Rus is studied in the article as an ideal type of relationship between the independent church and the state. The consequences of the "symphony" collapse at the time of Peter's church reform are analyzed. The modern set of rights and duties in the relations between the state and the church is being explored. The results of opinion polls regarding relation to religion and the construction of temples which were conducted throughout the whole Russia as well as in a typical Russian

large city in particular are presented. The author makes a conclusion about the possibility of the "authorities symphony" revival as an informal norm of the relationship between the Orthodox Church and the Russian state.

Keywords: church, state, faith, religion, Orthodoxy, public opinion

Взаимоотношения церкви и государства, вероятность взаимной поддержки (экономической, социальной, идеологической) предопределяется как нормативами, так и исторической традицией. Именно смешение исторической традиции и догматического определения рождает определенные сложности во взаимоотношениях церкви и государства. В отношении церкви к земной власти можно выделить два аспекта проблемы. С одной стороны, в плане эсхатологическом земная власть, государство – это «образ мира сего», который «преходит». С другой стороны, в плане же историческом – власть считается Божественным установлением для ограды жизни: «Несть бо власть аще не от Бога»¹.

Эта двойственность пронизывает всю историю взаимоотношений церкви и государства, и в зависимости от обстоятельств актуализируется тот или иной аспект проблемы. Парадоксальность ситуации заключается в том, что церковь одновременно как бы отстраняется от власти, подчеркивая свою инаковость, и, в то же время чтит власть в силу её сакрального мистического характера, считая своим долгом призывать народ к послушанию ей, если только её постановления не противоречат церковным канонам.

Церковь всегда признавала государственность необходимым условием социальной жизни, но отношения с государством строила в зависимости от характера государственности. Если с языческим Римом они имели внешний характер, то во времена императора Константина произошло сближение церкви и государства до такой степени, что церковь приняла на себя ответственность за его судьбу. После миропомазания и превращения императора в христианского царя, Константин Великий определяет свое место в церкви в качестве епископа внешних дел, возвращая тем самым званию епископа то ограниченное значение управителя, наблюдающего за финансами и административными делами общины, какое ему принадлежало в век апостольский. Иными словами, светская власть не просто оказывала финансовую помощь церкви, а в определенной степени управляла её финансами. И в первые века существования византийского-русского царства исторически сложившийся порядок вещей начал представляться нерушимым. Из письма Константинопольского патриарха Антония в XV веке великому князю Московскому Василию I безоговорочно следует необходимость совместного существования церковной и царской власти. «Невозможно христианам иметь Церковь и не иметь царя... Тех только царей отвергают христиане, которые были еретиками, неистовствовали против Церкви и вводили развращенные догматы...» [Дьяконов: 1889, С.25-26]. В то же время, из догматических церковных канонов вовсе не вытекает необходимость верховной светской власти.

Неоднозначность отношения к государству обнаруживается, к примеру, во взглядах православных философов и много веков спустя.

---

¹ Рим. 13.2

С одной стороны, государство представляет собой определенную ценность, если нация рассматривается, прежде всего, как духовное явление. Русский философ И.А.Ильин подчеркивал приоритет духовной, а не материальной цели для людей, объединенных в государство: «В чем состоит *сущность* государства? В чем его единая и объективная цель? Сущность государства состоит в том, что *все его граждане* имеют и признают, – помимо своих различных и частных интересов и целей, – ещё *единый интерес и единую цель*, а именно: *общий* интерес и *общую* цель, ибо государство есть некая *духовная община*». И уточнял: «Государство имеет религиозную задачу – служить своей властью *Божьему делу* на земле. ...» [Ильин: 1993, С.262]. При этом мыслитель обращает внимание на парадокс: «Государство понимало религиозно свою высшую цель даже тогда, когда оно отказывалось от повиновения церкви» [Ильин: 1993, С.247]. Иными словами, ценность государства и даже сама его сущность состоит в единой цели, обусловленной единым интересом, имеющим духовную, а не материальную природу.

С другой стороны, как считает Д.А.Хомяков, православие исключает возможность союза с какой бы то ни было государственной задачей и даже с какой-либо национальной. «Православие всемирно, ... оно не отрицает ни государственности, ни народности, но и не соединяется ни с чем» [Хомяков: 1997, С.14]. Православный человек относится к государству «со сдержанностью, с которой надо относиться к тому, без чего обойтись нельзя, но и чего не следует любить само по себе и так сказать, смаковать, как нечто по существу прекрасное» [Хомяков: 1997, С. 42]. То есть православие не делает из государства культ (объект поклонения), а напротив, обособливает себя от государства. Государство вообще и все связанные с ним взаимоотношения людей, его составляющих, представляются православному мировоззрению ценными не как проявления величия его народа или культурности его одноплеменников, а только средством сохранения того, что ему дорого, то есть духовно-культурных начал, составляющих суть народа. Государство рассматривается как учреждение, созданное для охранения от опасности, для взаимной заботы друг о друге. Тем самым Д.А.Хомяков указывает, что нельзя государство любить безмерно, должна быть обозначена мера этой любви, иначе государство, если мыслить о нем как о носителе религиозной цели, само становится объектом культа, как это было в языческих государствах.

В католических странах взаимоотношения церкви и государства формировалось иначе, чем в странах византийско-русской традиции. Римский папа смотрел на государство и на Церковь со своего папского престола, который казался ему выше престола светского, поскольку духовное возвышается над светским, что логически давало папам право управлять светским. Достаточно вспомнить известное изречение: «Насколько душа имеет более высокое достоинство, чем тело, настолько власть священства выше власти царства». Но логика в данном случае оказала плохую службу, поскольку на практике смешение духовного со светским «принизило» значение духовного. Справедливым кажется замечание современного французского исследователя проблем сакрализации власти Л.Дюмона, что в системе идеологии папской теократии «духовное понимается как стоящее выше светского *на самом светском уровне*, как если бы оно было высшей степенью того же светского, или, так сказать, светское поднялось к высшей власти, то есть сделалось «светским в квадрате» [Дюмон: 1991, С. 96]. Именно в этом состязании за

первенство между духовной и светской властью кроется *зарождение протестантского взгляда на церковь как на государственную сферу деятельности.*

Но в Древней Руси после принятия христианства у правящей верхушки был перед глазами пример Византии, которой она подражала, перенимая её законы и постановления. Хомяков подчеркивает, что в России отношение к церкви исключительно греческие, то есть Русская Церковь была изначально *восточной* и по духу, и по происхождению. В отличие от неё, например, германская церковь изначально была римской по происхождению и по духу, о чем свидетельствует хотя бы подчинение Германии Риму на основании присяги в верности – акта отнюдь не церковного характера. Дмитрий Алексеевич обращает внимание на то, что Русская Церковь всегда сознавала свою связь с Византией, как митрополией; но эта связь представлялась только потому сильной, что она была органической и её, как органическую, никто и не думал укреплять железными узами присяги форменной [Хомяков: 1997, С. 2].

Для выстраивания системы управления в российской государственности характерна *иерархия* между структурами государственной власти. Но существует исключение: *иерархия* вовсе не предполагается между такими институтами как государство и церковь – характеристика отношений между ними заслуживает особого внимания в силу своей символичности и специфичности.

Русская православная «восточная» Церковь позаимствовала из Византии вместе с православной верой концепцию «симфонии властей», которая предопределяет взаимоотношения Церкви и государства как двух институтов власти.

Теорию симфонии получил во второй половине XIII в. Владимирский митрополит Кирилл от болгарского деспота Иакова Святослава вместе с Кормчей в сербском переводе, где среди глав И.Схоластика было предисловие к 6-й новелле Юстиниана. Это было положено в основу печатной русской Кормчей, и теория симфонии властей, таким образом, оказалась в качестве действовавшего русского права. После она была напечатана в предисловии к изданному в 1655 г. Патриархом Никоном Служебнику.

Сама идея о религиозном учреждении, совершенно отдельном от государства, была абсолютно нова для Руси. До этого (в язычестве) здесь царил патриархальное сознание неразделимости всего национального и религиозного или смешение религии с политикой, причем родоначальники и князя считались в то же время и представителями народа перед богами. А после принятия христианства наряду с государственной властью появилась власть церкви, представленная вначале в лице митрополита, а затем патриарха. Структура, существующая в государстве, но от государства не зависимая – это явление было не только новым, но и не вполне удобоваримым для государственной власти, которой рекомендовалось выстраивать отношения с церковной властью на основе «симфонии властей». Какие постулаты этой теории обращают на себя внимание в свете сегодняшних политических коллизий?

Прежде всего, в этой теории делался акцент *на единение и согласие* между двумя ветвями власти – между священством и царством, – которое уже само по себе является источником добра в человеческом обществе. Были указаны также обязанности двух властей по отношению друг к другу, которые сводились к тому, что светская власть должна укреплять Церковь, а церковная власть должна способствовать укреплению и

усилению власти государя. Не только слово *согласие*, но и слово *единение* повторяется практически во всех исторических греческих документах, касающихся этой темы.

В то же время признается бесспорность существования Церкви и государства как учреждений, отличных друг от друга, со *своими различными властями*. Указание на эту разницу коренится в словах ап. Павла о суде церкви, который он противопоставляет суду государства².

Таким образом, заимствованная теория «симфонии властей» предполагала: с *одной стороны*, согласие и единение между обозначенными ветвями власти, их взаимную поддержку; с *другой стороны*, подчеркивала их независимость и различие между ними.

Идея симфонии властей своеобразно предопределяет формирование отношения к понятию «право». Поскольку взаимоотношения церкви и государства, согласно VI-й новелле Кодекса Юстиниана, строятся не на паритетно-правовой, а на гармонической парадигме (симфония), вопрос о «праве» просто не возникает. «При таком гармоническом подходе, когда предполагается строительство не столько государства, сколько «царства», сам вопрос о каких-либо правах даже не ставился. Ведь юридическо-правовые вопросы могут возникать между чужими, посторонними людьми, а не между «отцами и чадами», «братьями и сестрами», решившими жить не «по закону», а «по благодати»» [Игумен Вениамин: 1998, С. 17]. В православном царстве игнорируется понятие «права» как нечто низшее по отношению к тем канонам, которые лежат в основе понятия «царства». Поэтому формально прописанных прав (равно как и обязанностей) церкви и государства по отношению друг к другу, как таковых, не существовало. Но из творений православных идеологов мы узнаем о взаимных обязанностях церкви и государства.

С точки зрения симфонии к светской власти предъявляется, по меньшей мере, два требования: поддерживать православную веру в её догматах (это самая первая забота императоров) и почтительно относиться к священству. В чем заключается упомянутая почтительность? Прежде всего, это признание *независимости и самостоятельности церковной власти, церковного суда, неприкосновенность и неотчуждаемость церковного имущества*.

Если обязанности императора по отношению к церковной власти ясны (сохранять догматы и почитать священство), то как определены Юстинианом *обязанности церковной власти по отношению к власти государственной*? Ответ на этот вопрос представляет определенную трудность. Дело в том, что в теории симфонии властей не указано, что же должна делать для ее осуществления церковь по отношению к государству, или в частном случае — церковная власть по отношению к власти императорской.

Есть основания сомневаться, что это случайное упущение. Скорее всего, именно почтение к священству препятствовало императору Юстиниану выдвинуть определенные требования или обозначить обязанности церкви по отношению к собственной персоне. К тому же эти обязанности были и так очевидны: во-первых, заключены в церковных канонах, во-вторых, закреплены в процессе исторической практики.

Исторически Церковь сразу после крещения Руси приняла на себя роль законодательного органа власти. В 131-ой новелле императора Юстиниана указывается, что

² Новый завет. Первое послание к Коринфянам. 6, 1-7.

такими канонами, с которыми должны согласоваться гражданские законы, признаются — правила Вселенских Соборов и все, ими утвержденное, то есть правила св. Апостолов, поместных Соборов и св. отцов. Если императорский закон содержит в себе нечто противное церковным канонам, то он не имеет силы.

Юное русское государство во многих случаях охотно допускало к участию в своих делах представителей церковной власти, не злоупотреблявших его доверием, и до некоторой степени даже прямо вовлекало церковную власть в эти дела, не будучи в силах самостоятельно справиться с ними. Это особенно касается сферы законодательства. Ещё князь Владимир Святой, по свидетельству летописи, совещался с епископами по вопросу о мероприятиях против разбойников, потому что хотел быть согласным с духом новой религии и её законами, принимая её в качестве нормы права. О том, что это был не единственный случай, говорит митрополит Илларион в похвале князю Владимиру: «Ты, часто собираясь с новыми отцами, нашими епископами, с великим смирением советовался с ними, как установить закон христианский среди людей, недавно познавших господа» [Карташев: 1992, Т. 1., С. 221]. Точно так же и после святого Владимира русские князья, найдя в принесенном на Русь Номоканоне богатый источник юридических идей, пригодных не только для церковных установлений, но и для гражданского правопорядка, (молчаливо или открыто) поручали Церкви задачу переработки и применения к условиям русской жизни византийских узаконений. Князья считали в этом деле церковную власть более компетентной. Так, например, Новгородский князь Всеволод Мстиславич считал даже неудобным для своей христианской совести решать такие дела, указания для которых имеются в Номоканоне; для князя Всеволода уже кажется более приличным предоставить выработку норм для решения таких дел власти церковной, ближе знакомой с духом и тонкостями византийского кодекса. Исходя из сегодняшнего понимания идеи «разделения властей», можно утверждать, что русской церкви принадлежала законодательная функция власти.

Таким образом, концепция «симфонии властей» не только вырабатывала определенные идеологические установки по отношению к государственной власти, но и являлась своеобразным противовесом концепции «разделение властей», поскольку выполняла роль законодательного органа власти.

Князь не только защищал догматы и почитал священство, но и поддерживал церковь материально. Например, в Киеве после крещения Руси храмы строились и содержались на десятую часть доходов князя (от его хозяйства и тех городов, которые не были отданы его сыновьям), а не на десятую часть доходов прихожан. Тем самым киевляне были освобождены от денежных расходов, связанных с переменой их религии [Петрухин: 2002, С. 98].

Церковь и государство – две независимые и теоретически отчужденные структуры в исторической практике вступили в тесное взаимодействие между собой

С одной стороны, российские великие князья и цари, стремясь действовать в духе «симфонии», выступали как защитники и покровители православной веры, что особенно обнаруживалось на Соборах, которые созывались ими для ниспровержения ересей. (Соборы 1441, 1488, 1490, 1504, 1551 гг. и др.). Цари принимали активное участие в созыве церковных соборов и считали своим долгом на них присутствовать.

С другой стороны, представители церкви выполняли различные государственные функции. Они были советниками, послами, законодателями, просветителями, посредниками между князьями. Благодаря участию в гражданских делах путем мирного посредничества и частных пастырских советов, епископы к концу киевского периода постепенно заняли определенное и постоянное положение сотрудников князей в их государственной деятельности. На договоре смоленского князя с немцами (1229 г.) находится печать епископа. Из письма рижского епископа, адресованного смоленскому князю, видно, что рижанам было известно большое значение епископа в Смоленске, и они считали его наравне с князем и боярами представителем земли [Карташев: 1992, Т. 1, С. 221]. Представители церкви становятся соправителями государя.

Исторически сложилось так, что русская церковная иерархия приобрела обычное право участия и вес во внутренней политике русского государства. Она была защитой и опорой власти (среди быстрых смен князей на великом княжении или на каком-либо из «удельных столов» тот князь чувствовал себя в более твердом положении, права которого брали под свою защиту представители церкви, и наоборот). Историки в деталях описывают примеры успешного посредничества иерархов в делах государственного значения [Карташев: 1992, Т.1. С. 218].

Еще одна обязанность церковной власти – это *представительство на внешнеполитическом уровне*. Страницы летописей переполнены также множеством указаний на роль посланников епископов и священников. Такое явление, особенно, это касается священников, считалось даже общим правилом. Если на Западе и в Византии в состав посольств обычно входили и лица духовного звания, то на Руси они составляли центр и голову самих посольств. Светская посольская деятельность священников основывалась, помимо всего прочего, на их грамотности и сравнительной образованности.

Более того, на время отсутствия на троне государя государственная власть ложилась на плечи патриарха. И он на этот период являлся законным руководителем государства. Такова была квинтэссенция общественного мнения на этот счет. Такую же практику применял и царь Алексей Михайлович, когда оставлял патриарха Никона руководителем государства на время своего отсутствия.

Кроме всего, очевидно, что Церкви в осуществлении симфонии отводилась идеологическая роль, которую в настоящее время «экспроприировали» СМИ. Не случайно СМИ сегодня именуются четвертой властью.

Таким образом, две независимые друг от друга, и даже вроде бы отчужденные ветви власти очень плотно взаимодействуют друг с другом и влияют друг на друга, вырабатывая на практике те права и взаимные обязанности, которые не были «прописаны» в концепции «симфонии властей». Светская власть имела обязанности охранять церковные догматы и почитать священство, и в таком случае имела право рассчитывать на поддержку церковной власти. А церковная власть имела обязанность почитать княжескую/ царскую власть как божественное установление и исполняла функции идеологического, законодательного органа власти, была постоянным помощником и советником её, а иногда и непосредственно выполняла её функции в составе посольств или же непосредственно бразды государственного управления в свои руки в военное время.

Но независимость церкви от государства сохранялась незыблемо. Только независимая церковь могла способствовать формированию общественного мнения, порой отличного от мнения светской власти. Надо отметить, что сила низового общественного мнения в Древней Руси была велика. По мнению историка Карташева, больше, чем в России императорской [Карташев: 1992, Т.2. С. 76]. Поэтому московские самодержцы не могли повелевать народом деспотически. То есть *независимая Церковь была призвана к осуществлению роли идеологического «противовеса» возможному возникновению диктатуры.*

Петр I, желая укрепления царской власти, на деле заложил под неё мину замедленного действия, так как включив Церковь в состав государства, способствовал десакрализации как светской, так и церковной власти. Поддержка государственной власти со стороны Церкви перестала иметь существенное значение ввиду подчиненного положения последней. Присвоив себе власть над Церковью, царская власть лишила себя опоры и не устояла.

В результате реформ Петра I произошло качественное изменение статуса Православной Церкви. Фактически был осуществлен переход от собственно православной геополитической модели к некоему подобию протестантского государства. Но хотя догматическая подоплека была откровенно поколеблена, *общая логика российской геополитики продолжала изначальную линию*, хотя и на ином уровне, так как *светские и чисто политические интересы стали однозначно главенствовать над религиозно-эсхатологической проблематикой.*

Однако русский вариант взаимоотношений Церкви и монарха имел *фундаментальное отличие от протестантской модели*, с которой он был внешне скопирован. Поскольку Россия не знала Реформации, русский царь вплоть до упразднения института монархии в 1917 году занимал первенствующее место в иерархии посредников между людьми и Богом, в отличие от протестантской модели, где иерархия посредников была десакрализована и упразднена. Император Николай II считал себя: «орудием Всевышнего, посредством которого Всевышний управляет Российской империей».

Кроме того, первоначальный «заостренно протестантский» замысел Духовной Коллегии как одной из прочих коллегий, подчиненных Сенату, так и не был воплощен в жизнь. Петр I, вступая в противоречие с самим собой и нарушая теоретически стройную систему коллегий вообще, несколькими дополнительными указами превратил созданную было Духовную Коллегию в Святейший Правительствующий Синод, уравняв его по полномочиям с Сенатом, т.е. подчинив только лишь монарху. Таким образом, были созданы две формально независимые друг от друга структуры власти Сенат и Синод, которые подчинялись государю. Основы православного мировоззрения Петра, включающие модель «симфонии властей», несмотря на инкорпорацию в них элементов протестантского представления о власти, тем не менее, не позволили построить чисто протестантскую схему.

С начала XX века закон отделил церковь от государства. Следует отметить, что ни концептуальное обособление, ни формальное отделение Православной Церкви от государства вовсе не означает, что Церковь отказывается от своего влияния на общественную жизнь. В «*Основах социальной концепции Русской Православной Церкви*» (§ V.2),

принятой на Юбилейном архиерейском соборе в 2008 году, сказано: «Перед лицом политических разногласий, противоречий и борьбы Православная Церковь проповедует мир и соработничество людей, придерживающихся различных политических взглядов. Она также допускает наличие различных политических убеждений среди её епископата, клира и мирян, за исключением таких, которые явно ведут к действиям, противоречащим православному вероучению и нравственным нормам церковного предания». Но при этом Православная Церковь отвергает идею участия церковного священноначалия и священнослужителей в деятельности политических организаций, в предвыборных процессах, предвыборной агитации и так далее. Также не допускается выдвижение кандидатур священнослужителей на выборах любых органов представительной власти любых уровней (очевидно, что «жар души» представителей православия по-прежнему должен быть направлен в область духовных интересов).

Православная Церковь подчеркивает, что неучастие священнослужителей в политической борьбе, в деятельности политических партий и в предвыборных процессах не означает её отказа от публичного выражения позиции по общественно-значимым вопросам, от представления этой позиции перед лицом органов власти любой страны на любом уровне.

Но взаимоотношения нынешней светской власти и древнерусской власти с церковью стали иными при сегодняшнем «отделенном» состоянии.

Если в православном царстве защита православного вероучения была в царской компетенции, теперь же она полностью переложена на саму церковь. Отделение церкви от государства, в свою очередь, сняло с церкви былую обязанность по поддержке светской власти. Отделенные друг от друга церковь и государство не обязаны друг друга защищать и поддерживать. Но концепция «симфонии властей» оказывает подспудное нормативное влияние на взаимоотношения между современным государством и Православной Церковью, которые осуществляют некоторые элементы её (например, взаимную поддержку), вне зависимости от того, что сказано в Конституции на этот счет.

Ведутся споры по вопросам о том, чем является отделение государства от Церкви: благом или злом. Есть мнение, что христианское государство, обеспечивающее «господствующее» положение Православной Церкви, исторически оказывалось для неё и окнами. Очевидно, что крен в любую сторону – либо формального союза с государством, либо антагонизма с государственной властью, равно губителен для социальной жизни. Вообще, когда нарушается *гармоничное равновесие* в пользу церкви или государства, это всегда негативный фактор. О. Сергей Булгаков справедливо заметил, что многое в исторической трагедии православия, как в Византии, так и в России, объясняется *нарушением равновесия в отношениях Церкви и в государстве* [Булгаков: 1991, С. 340].

Теория «симфонии властей» в православии имела догматическое обоснование, то есть был задан теоретический идеал взаимоотношения церкви и государства. В исторической же практике восточной церкви в процессе построения её взаимоотношений со светской властью, можно встретить как периоды цезарепапизма, так и попытки папоцезаризма. Но все они являлись лишь злоупотреблениями, не имевшими догматического богословского обоснования. В этом состоит коренное отличие Запада от Востока, которое имело логическим следствием десакрализацию власти на Западе и сакрализацию власти на Востоке.

Взаимодействию церкви и государства может способствовать или препятствовать настроению общества по отношению к религии. Каковы эти настроения сегодня?

По результатам Всероссийским Центром Общественного мнения опроса россиян (ВЦИОМ в июле 2015 года опрошено 1600 человек в 46 субъектах РФ), жители страны считают, что распространение религиозных убеждений принесет *нашему обществу* больше пользы, чем вреда (36/23); в то же время 28 % опрошенных полагают, что это не окажет существенного влияния на общество в целом (13 % респондентов затруднились ответить на этот вопрос) [ВЦИОМ: 2015]. Ответы респондентов несколько меняются, если разговор заходит о *личной пользе*: «Чего больше – пользы или вреда – может принести распространение религиозных убеждений для Вас лично?». Каждый третий житель России считает, что лично он получит от этого пользу (33 %), а 18 % ожидают вреда; тогда как 39 % полагают, что для них ничего не изменится. Иными словами, по мнению респондентов, общественный резонанс будет более значимый, чем перемены в их личной жизни.

Следует отметить, что россияне вовсе не безразличны к строительству храмов, но готовы приветствовать только те из них, которые совпадают с их религиозными воззрениями (опрос воронежцев был проведен ИОМ «Квалитас» в октябре 2015 года, выборка – 607 человек старше 18 лет) [Ежемесячный Бюллетень...: 2015]. Так, например, если бы рядом с домом, открыли церковь или молельный дом, чуждой для них веры, то 55% воронежцев были бы против этого (среди россиян – 43 %). А вот, строительство храма близкой для респондентов веры в Воронеже получило бы поддержку 57 % респондентов (в целом по России – 48%). Безразлично отнесли бы к этому только 26 % опрошенных в Воронеже и 28 % в целом по России. Не является секретом тот факт, что государственная власть выделяет деньги на строительство и реставрацию храмов. При этом никакого нарушения закона не происходит, как это некоторые пытаются представить (кстати, среди россиян каждый десятый готов препятствовать открытию любых храмов и молельных домов). Если храм передан Православной Церкви в безвозмездное пользование, а сам находится, скажем, в муниципальной собственности, то городская власть должна по закону его реставрировать за счет собственного бюджета. Но в данном случае важно обратить внимание на одобрение большинства населения факта строительства и реставрации храмов. Чем вызвано это одобрения? Любопытны ответы населения на следующий вопрос: «Помогает ли Вам религия в повседневной жизни?» (см. график 1).

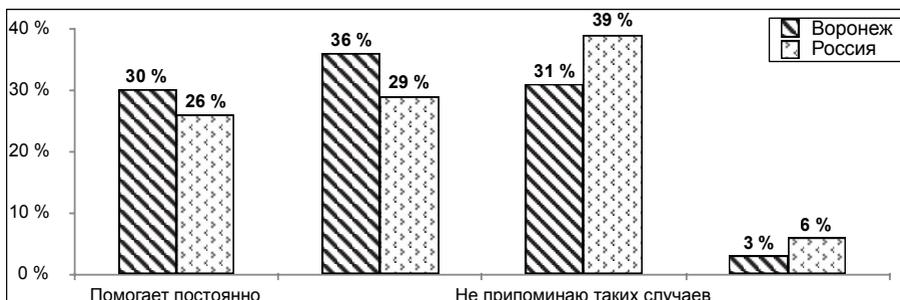

График 1: Помогает ли Вам религия в повседневной жизни?

Большинство воронежцев ответили на этот вопрос положительно (66 %), подтвердив, что религия в повседневной жизни помогает им постоянно, либо, по крайней мере, они могут вспомнить случаи, когда это произошло. Женщины вспоминали такие случаи помощи чаще мужчин, а среди разведенных супружеских пар постоянную помощь религии в жизненных обстоятельствах засвидетельствовал каждый второй. Не прибегают к помощи религии 31 % воронежцев, среди них мужчин (41 %) почти в два раза больше, чем женщин (23 %). Опрос показал, что воронежцы явно в большей степени (66 %), чем прочие россияне, пользуются благоволением небес (55 %), получая помощь свыше в повседневной жизни. Трудно проанализировать причины подобных ответов, как невозможно объяснить сверхъестественные явления социально-демографическими характеристиками... Но в любом случае большинство населения вне зависимости от степени воцерковленности (опросы показывают, что она невысока – не более 20%), уповает на помощь свыше и, более того, получает эту помощь.

О.Сергий Булгаков в свое время справедливо отмечал, что «Церковь, принимая юридическое отделение от области кесаря, от государства как своё освобождение, отнюдь не отказывается от задачи оказывать влияние на всю жизнь государства... Идеал государственного претворения государственности силою церковности остается во всей силе и без всяких ограничений и в эпоху отделения Церкви от государства..., ибо это отделение остается только внешним, а не внутренним. Пути влияния Церкви при этом изменяются, оно приходит не извне, сверху, но изнутри, снизу, из народа, чрез народ» [Булгаков: 1991, С. 343]. Иными словами, новое – это хорошо забытое старое. Именно при церкви, отделенной от государства, образуются две самостоятельные и независимые структуры власти, поэтому и возможна, собственно, «симфония властей».

Выводы

Уничтоженная некогда «симфония властей» жива в мировоззренческих схемах и готова воплотиться, был бы только повод. Собственно, её элементы воплощаются в жизнь уже сейчас - в светском, секуляризованном государстве. Возрождению концепции «симфония властей» способствует и то обстоятельство, на которое обращают внимание современные социологи: «Дал серьезные трещины, но по-прежнему, дееспособен миф о сакральности государственной власти» [Тощенко: 2006, С.44]. Верховный правитель в России в глазах народа как будто бы окружен сакральным ореолом. Действительно, двойственность взаимоотношений церкви и государства обосновывается двумя установками церкви по отношению к земной власти, которые, на первый взгляд, противоречат друг другу. С одной стороны, церковь подчеркивает свою отстраненность и отчужденность от земной власти в силу инаковости своей природы, с другой стороны, способствует укреплению и усилению светской власти, окружая её сакральным ореолом.

В российском обществе наблюдается острая потребность в нормативном ориентире, роль которого ранее выполняла Православная Церковь. Собственно, формальное

разделение церкви и государства не имеет решающего значения для их отношений, так как «симфония» есть не формальная внешняя связь, а некое гармоническое единство, присущее мировоззренческим представлениям россиян.

Симфоническое равновесие взаимоотношений церкви и государства осуществить, основываясь на формальных законах, невозможно, поскольку оно не подчиняется логике и строится на парадоксе. Между тем, именно это равновесие является тем обязательным фактором для благополучия государства, и именно оно отражено в традиционном менталитете российского населения.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. Булгаков С. Православие. Очерки учения Православной Церкви. М., 1991.
2. ВЦИОМ. 2015. URL: <https://wciom.ru> (дата обращения 2. 8. 2018).
3. Ежемесячный Бюллетень социологических сообщений по г. Воронежу /под ред. Н.А.Романович. Воронеж: ИОМ «Квалитас», 2018-03. URL: <http://qualitas.ru/ru/publications/bulletin/2015/October> (дата обращения 9. 8. 2018).
4. Дьяконов М. Власть Московских государей. СПб., 1889.
5. Дюмон Л. Модифицированный взгляд на наши истоки: Христианские начала современного индивидуализма//Ретроспективная и сравнительная политология. Вып. I. М., 1991. С. 92-105.
6. Игумен Вениамин (Новик). Богословское понимание прав человека//Религия и право. 1998. №3. С.12 - 21.
7. Ильин И.А. Путь к очевидности. М. Республика, 1993.
8. ИОМ «Квалитас». 2015. URL: www.qualitas.ru (дата обращения 9. 8. 2018).
9. Карташев А. В. Очерки по истории русской церкви. М. ТЕРРА-TERRA, 1992. Т.1.
10. Карташев А. В. Очерки по истории русской церкви. М. ТЕРРА-TERRA, 1992. Т. 2.
11. Петрухин В. Я. Христианство на Руси во второй половине X-первой половине XI в. / Христианство в странах Восточной, Юго-Восточной и Центральной Европы на пороге второго тысячелетия. М., 2002.
12. Тощенко Ж.Т. Время мифов и пути их преодоления//Социологические исследования. 2006. № 1. С. 37-45.
13. Хомяков Д. А. Православие, самодержавие, народность. Минск : Белорусская грамота, 1997.

ОСОБЕННОСТИ РЕЛИГИОЗНОГО ТУРИЗМА И ПАЛОМНИЧЕСТВА В РОССИИ (НА ПРИМЕРЕ РОСТОВСКОЙ ОБЛАСТИ)

FEATURES OF RELIGIOUS TOURISM AND PILGRIMAGE IN RUSSIA (THE EXAMPLE OF THE ROSTOV REGION)

Наталья Н. Муравьева

кандидат экономических наук доцент Кафедры теории и технологий в менеджменте факультета управления ЮФУ, Ростов-на-Дону

Алексей В. Зайцев

помощник члена Совета Федерации ФС РФ, Комитет по международным делам, Москва

Андрей В. Мохов

директор Черноморского информационно-аналитического центра, Севастополь

Nataliia N. Muravieva

Candidate of Economic Sciences Associate Professor of the Department of Theory and Technology in Management of the Faculty of Management SFedU, Rostov-on-Don

Alexey V. Zaitsev

Assistant to the member of the Federation Council of the Federal Assembly of the Russian Federation, Committee on International Affairs, Moscow

Andrey V. Mokhov

Director of the Black Sea Information and Analytical Center, Sevastopol

Аннотация: В России правовое регулирование отношений в области религиозного туризма и паломничества недостаточно развито, причем как с точки зрения обычных туроператоров, так и с точки зрения паломнических служб религиозных организаций. Кроме того, эта сфера общественных отношений не имеет необходимой правоприменительной практики. На сегодняшний день законодательство никаких специальных правил или особенностей осуществления этих разновидностей не содержит, хотя они есть, и достаточно существенные

Ключевые слова: религиозный туризм, паломничество, паломнические туры, ресурсы паломнического туризма, турпродукт, типы туристов

Abstract: In Russia, the legal regulation of relations in the field of religious tourism and pilgrimage is not sufficiently developed, both from the point of view of ordinary tour operators and from the point of view of the pilgrimage services of religious organizations. In addition, this sphere of social relations does not have the necessary law enforcement practice. To date, no special rules or specific features of the implementation of these species are contained in the legislation, although they do exist, and significant

Keywords: religious tourism, pilgrimage, pilgrimage tours, pilgrim tourism resources, tourist products, types of tourists

Актуальность исследуемого вопроса заключается в возрастающей роли Церкви в деле объединения славянских народов, поэтому значение религиозного туризма и паломничества трудно переоценить, который развивается на фоне положительной динамики всей индустрии туризма в Российской Федерации.

В России отправной точкой возрождения Русской Православной Церкви в новейшей истории считается дата празднования тысячелетия Крещения Руси, которая широко отмечалась в России в 1988 году. В обществе начались процессы переоценки ценностей, проявилось стремление к знаниям истории христианства и на основе этих знаний, желание посещать христианские святыни а именно развития религиозного туризма.

Религиозный туризм — это туризм, основывающийся на религиозных потребностях людей различных конфессий. Паломничество, или путешествие с религиозными целями — одна из старейших форм туризма, имеющая глубокие исторические корни и имеет значительные отличия от такой сферы деятельности как религиозный туризм.

Современные авторы, в своих исследованиях справедливо видят эти различия в области внутренней мотивации к совершению поездок.

Так Житенев С.Ю. в своих работах отмечает, что «Религиозный туризм – одно из наиболее динамично развивающихся в последнее время и перспективных направлений туризма. Основная цель религиозного туризма, как определяют ее участники конференции, - «стремление приобщить людей, принадлежащих к различным конфессиям, к диалогу и взаимодействию, к смягчению возникающей на религиозной и социальной почве напряженности в обществе» [11].

Бабкин А.В. предложил трактовать паломнический туризм «как совокупность поездок представителей различных конфессий с паломническими целями. Паломничество - стремление верующих людей поклониться святым местам».[1]

В отличие от туризма, который предполагает внешнее знакомство, получение знаний о предмете, в том числе религиозного свойства. Паломничество предполагает внутреннюю вовлеченность. Турист может никак не идентифицировать себя с объектом интереса, паломник принадлежит к той религии, объекты которой он посещает. «Паломничество же осуществляется людьми уже сопричастными определенной религии, определенному верованию» [4]. Главное отличие одного явления от другого лежит в области внутренних мотивов. Понимание этого факта и оснований данных мотивов и целей является важным в сфере организации таких поездок.

Принято выделять четыре основных типа туристов, путешествующих с религиозными целями:

1. Глубоко верующие люди;
2. Верующие люди;
3. Верующие или неверующие люди. К этому типу туристов можно отнести и тех, кто осуществляет путешествия, определяемые как научный туризм религиозной тематики.
4. Представители иных религий и неверующие.

Из вышесказанного можно заключить, что первые два типа туристов в системе религиозного туризма являются паломниками, третий и четвертый типы – туристами, осуществляющими путешествия в рамках религиозного туризма экскурсионной направленности.

Функционирующие на данный момент церкви и монастыри, которые организуют мероприятия по приему паломников и религиозных туристов на местах поклонения святыням, позволяют паломничеству, как виду религиозного туризма развиваться и принимать более организованную форму.

За последние пять лет резко возросло количество паломников к отечественным святыням – оно составляет, по экспертным оценкам, более трех миллионов человек в год. Паломничество связано с посещением определенных мест, являющихся святыми. Это могут быть монастыри, храмы, природные объекты – горы, реки, озера, рощи, пещеры. Часто паломничества бывают приуроченными к определенным праздникам.

Следует отметить, что экскурсия может быть частью паломничества – но только не главной и вовсе не обязательной, а лишь вспомогательной. Главное в паломничестве – религиозное поклонение святыням. Для верующего человека паломничество – это часть религиозной жизни. В процессе совершения паломничества основным во время молитвы является не внешнее исполнение обрядов, а духовное обновление.

Классификация паломнического туризма представлена в таблице 1

Таблица 1: Классификация паломнического туризма

№ п/п	Вид	Характеристика
1	Религиозное паломничество	Включает все виды религиозного паломничества к святым местам и т.п. Это наиболее известный вид паломничества
2	Духовное светское паломничество	Это сакральный, эзотерический, ноосферный и подобные виды туризма, связанные с духовным очищением, самосовершенствованием, постижением тайн Вселенной и т.п. В качестве объектов посещения могут выступать как природные, так и историко-культурные объекты. Данный вид туризма имеет свою специфику
3	Культурно-познавательное паломничество	Включает посещение преимущественно культурноисторических объектов и знаменитостей. Сюда же можно отнести и отдельные туры экскурсионнопознавательной направленности в религиозном туризме, а также научные поездки специалистов. В качестве культурно-познавательных объектов могут выступать исторические места, знаменитые музеи, известные религиозные объекты и т.п. В какой-то степени культурно-познавательное паломничество, особенно посещение известных людей. В целом подобные туры способствуют удовлетворению культурно-познавательных потребностей человека.
4	Спортивное паломничество	К данному виду туризма относится посещение наиболее известных природных объектов (горных вершин, перевалов, отдаленных территорий и т.п.), известных и сложных туристических маршрутов в пешеходном, лыжном, водном и других видах туризма. Подобные путешествия требуют от посетителя определенной спортивной подготовки и могут включать элементы приключенческого туризма.

Закон придает юридическое значение туризму и определяет его как «временные выезды (путешествия) граждан Российской Федерации, иностранных граждан и лиц без гражданства (далее – лица) с постоянного места жительства в лечебно-оздоровительных, рекреационных, познавательных, физкультурно-спортивных, профессионально-деловых, религиозных и иных целях без занятия деятельностью, связанной с получением дохода от источников в стране (месте) временного пребывания» [2].

Необходимо отметить, что в настоящий момент в России правовое регулирование отношений в области религиозного туризма и паломничества недостаточно развито, причем как с точки зрения обычных туроператоров, так и с точки зрения паломнических служб религиозных организаций. В России культовые сооружения могут служить объектами религиозного туризма и паломничества, среди них есть памятники различных эпох, начиная с XII–XIII вв., отражающие всю историю русского культового зодчества, неразрывно связанную с историей и культурой Российского государства. Россияне пока предпочитают посещать святые места больше на родине, чем за рубежом. Особенно в последнее время в связи с внешнеполитической ситуацией и существенным подорожанием поездок. Например, «Соловки ежегодно посещают около 30 тыс. паломников, причем их поток вырос на 36 %. Валаамский монастырь посетили около 60 тыс. туристов и паломников и поездки становятся все более продолжительными. Именно монастыри Русской Православной Церкви становятся ведущими объектами привлечения паломников. Результаты анализа количественного состава потенциальных потребителей услуг религиозного туризма и паломничества показывают, что этот турпродукт пользуется большим спросом и имеет большие перспективы» [2].

Кроме того, эта сфера общественных отношений не имеет необходимой правоприменительной практики. В России предлагалось разработать законопроект, который отделил бы понятие «паломничество» от понятия «туризм», поскольку в настоящее время в отраслевом законе эти определения смешиваются, в результате чего религиозные организации не имеют права организовывать паломнические поездки, потому что они приравнены к туризму, то есть находятся в ведении туроператорских компаний. И действительно, вышеназванный Федеральный закон «Об основах туристской деятельности в Российской Федерации» сегодня не содержит такого понятия, как «паломничество». Это специфический вид религиозного туризма, который включает в себя множество факторов, совершенно отличных от обычной поездки и предполагающий более точное правовое регулирование и внимательное отношение законодателя и, соответственно, правоприменителя.

На сегодняшний день законодательство никаких специальных правил или особенностей осуществления этих разновидностей не содержит, хотя они есть, и достаточно существенные, тем не менее, до сих пор никаких проектов на рассмотрение не предложено, да и о правовом регулировании вообще особо не говорится.

Сейчас паломнические туры предлагают как специализированные центры, так и обычные туроператоры перед которыми стоит задача правильно организовать и провести паломническую поездку к святым местам, что не всегда получается. В такой ситуации паломники зачастую оказываются неудовлетворенными в своих потребностях. Несомненно, с целью упорядочения деятельности приходов, туристских предприятий

и других учреждений по организации паломнических поездок, при епархиях РПЦ в качестве структурной единицы должны действовать паломнические службы. Сегодня в РПЦ действует около 500 православных паломнических центров при храмах и монастырях. Однако требование закона о финансовом обеспечении ими своей деятельности привело к тому, что большинство паломнических служб, находясь при небольших или небогатых монастырях и приходах в провинции, не имеют юридического основания официально считаться паломнической службой, то есть существуют нелегально, и только 10 из них зарегистрированы в Едином федеральном реестре туроператоров. Следовательно, организованные такими службами паломнические поездки можно отнести к самодеятельным. В этой связи проблемой становится еще и вопрос о вступлении Паломнических центров РПЦ в объединение туроператоров. Вполне актуальным вопросом может стать идея создания собственной ассоциации церковных организаций, занимающихся формированием и продвижением паломнических поездок. Паломническим службам маленьких приходов и неизвестных монастырей сложно застраховать свою ответственность, а тем более получить банковскую гарантию в случае, если они захотят формировать турпродукт, то есть официально стать туроператором.

По оценкам ТурСтат, паломническим туризмом в России, включая паломнические туры и поездки, занимается 5 миллионов человек в год. Паломнический туризм составляет до 10 % рынка внутреннего туризма в России [7]

Наиболее известные монастыри Русской православной церкви в России

1. Свято-Троицкая Сергиева лавра, ставропигиальный мужской монастырь. Основана Сергием Радонежским в 1337 г. (Московская область).
2. Свято-Троицкий Серафимо-Дивеевский женский монастырь в Дивеево (Нижегородская область), основан в XVIII в. В монастыре покоятся мощи Серафима Саровского, который служил в нем.
3. Спасо-Преображенский Соловецкий ставропигиальный мужской монастырь, основан в XV в. (Соловецкие острова).
4. Свято-Боголюбский мужской монастырь, основан в 1155 г. князем Андреем Боголюбским (Владимирская область). Один из старейших монастырей России.
5. Спасо-Преображенский Валаамский ставропигиальный мужской монастырь (Карелия). После своего возрождения в 1989 г. обитель живет по Валаамскому уставу.
6. Свято-Введенская Оптина пустынь, ставропигиальный мужской монастырь, где покоятся святые мощи оптинских старцев (г. Козельск Калужской области).
7. Кирилло-Белозерский мужской монастырь (Вологодская область).

Рассмотрим паломнический туризм в России, какова его организация и как он влияет на развитие конкретного региона, в котором осуществляется, на примере Ростовской области.

Ростовская область обладает богатейшими туристскими ресурсами: природными, историческими, культурными. Интересны культурные ресурсы, которые предполагают такой вид туризма как паломничество. В настоящее время на территории Ростовской области расположено 469 религиозных объектов.

Перспективы развития религиозного туризма очевидны, так как поездки такого рода могут заинтересовать широкий круг потребителей. Религиозный туризм позволяет

светским людям приобщиться к духовным ценностям, узнать что-то новое о религии, истории и культуре России, расширить свой кругозор. Следовательно, повышается спрос на религиозные туры, в связи с чем появляются фирмы, специализирующиеся на организации путешествий в сотрудничестве с Церковью. Церковь в свою очередь, принимая во внимание гуманитарную направленность туризма, всячески помогает в развитии этой сферы туристского бизнеса. Опыт показывает, что работающие в туризме не всегда хорошо осведомлены не только о зарубежных, но и о российских святых местах, в то время, как для специалистов туристской отрасли чрезвычайно важно не только владеть навыками практической организации поездок религиозного туризма, но и иметь четкое представление о том, что такое религия, какие мотивы побуждают людей отправиться в паломничество или на экскурсию по святым местам. Эти знания помогут лучше осознавать потребности туристов при создании и продвижении турпродукта, выделять целевые фрагменты рынка и т.д.

Организаторам религиозных поездок следует внимательно разрабатывать маршрут, учитывая особенности каждого монастыря в отдельности, соотнося монастырское расписание служб со временем пребывания в пути, питания, отдыха. В то же время, необходима организация специальной подготовки гидов специалистов по религиозному туризму.

По мнению Житенева С.Ю. «современный религиозный туризм и паломничество повторяют все основные модели массового туризма, который подвержен коммерциализации и экономическим критериям оценки его эффективности. Он содержит все признаки туризма». [10]

Выделим наиболее характерные признаки (см. таблицу 2).

Таблица 2: характерные признаки религиозного туризма

Признак	Характеристика
1. Размещение	Это совокупность средств размещения – гостиниц, кемпингов, общежитий и т.д.
2. Питание	рестораны, столовые, кафе, предприятия питания на транспорте и т.д.
3. Транспорт	транспортные предприятия и услуги разных видов транспорта
4. Религиозные объекты	культовые сооружения – монастыри, святыни, храмы и храмовые комплексы, капеллы, часовни, ступы; - природные объекты – святые источники, колодцы, горы, водоемы (реки, пруды), роши; - небольшие объекты культа – придорожные кресты, алтари божеств на обочинах дорог, троп и т.д.

Немаловажное влияние оказывает также внутренняя политика Ростова-на-Дону и отдельных городов области, на территории которых находятся религиозные объекты. Например, администрация города Ростова-на-Дону уделяет особое внимание поддержке религиозных организаций. В бюджетах города и области заложена статья на поддержку монастырей и храмов.

Основные ресурсы паломнического туризма Ростовской области представлены автором в таблице 3

Таблица 3: Основные ресурсы паломнического туризма Ростовской области

Религиозный объект	Характеристика
Кафедральный собор Рождества Пресвятой Богородицы	Главный храм Ростовской епархии, расположен в Ростове на Соборной площади. В нем находится кафедра архиепископа Ростовского и Новочеркасского Пантелеимона и Епархиальное управление
Свято-Иверский монастырь	на данный момент является единственным женским монастырем в Ростовской епархии. На сегодняшний день в монастыре проживают 35 насельниц.
Донской Старочеркасский мужской монастырь	Монастырь открыт в 1837 как женский в зданиях родового подворья атаманов Ефремовых с домовою церковью. Закрыт в 1920-х, постройки заняты детским домом, позже домом инвалидов. В 1970 строения переданы музею-заповеднику, начата реставрация. Вновь открыт в 1994 как мужской на части старой территории.
Церковь Троицы Живоначальной (Большая Мартыновка)	Церковь Троицы Живоначальной Свято-Троицкий храм был построен в 1799 году и изначально был деревянным. Строительство нового каменного храма было освящено 26 мая 1896 года в день коронавания императора Николая II и Великой княгини Александры Федоровны. Это единственный в мире храм-памятник помазания на царство императора Николая II. Проект храма сделан А.И. Мельниковым. Строительство завершено в 1904г. Этот довольно большой храм - один из немногих на Дону, выполненных в неорусском стиле. Своими мягкими, музыкальными формами он великолепно вписывается в пейзаж села.
Храм Иконы Пресвятой Богородицы «Остробрамская»	Храм Русской православной церкви в хуторе Старозолотовский и Константиновского района Ростовской области. Относится к Волгодонской епархии, Константиновское благочиние, Донская митрополия РПЦ

Для церкви и областных органов власти важно определить перспективный вектор развития паломничества, а именно, росту привлекательности может способствовать:

- воссоздание уникальных разрушенных архитектурных культовых построек;
- реконструкция объектов культуры;
- поддержание памятников в хорошем состоянии и проведение реставрационных работ;
- организация туров с совмещением культовых мероприятий с экскурсиями;
- повышение уровня экскурсоводов с помощью организации курсов переподготовки специалистов с религиозной ориентацией;

Для России паломнический туризм является молодым, в стране имеются все условия для его развития (в каждом регионе есть свои поистине уникальные святыни, будь то старинный монастырь или чудотворный образ, которые захотят посетить будущие паломники) и хотя в стране достаточно проблем с туристской инфраструктурой, можно сделать вывод, что паломнический туризм в России развивается несмотря на негативные тенденции в экономике.

REFERENCES

1. BABKIN A. V. 2008. *Special types of tourism*. Rostov-on-Don : Phoenix, 2008. 252 p.
2. BONDARENKO D. V. 2015. Aspects of legal regulation of the pilgrimage and religious tourism at the modern stage. In *The bulletin of the association of high schools of tourism and service*. 2015, No. 3, Volume 9.
3. Federal Law of November 24, 1996, No. 132-FZ "On the Basics of Tourism in the Russian Federation"
4. KHRISTOV T. T. *Religious tourism: Textbook*. T. T. Hristov Moscow : Publishing Center "Akademiya", 2014, 113 p.
5. KRUGLOVA I. V. Religious tourism or pilgrimage. In *Scientific bulletin of MGIT*, 2012, № 4, p. 7-9.
6. MAZIN K. A. 2009. Pilgrimage and tourism: a comparison through the prism of millennia In *Modern problems of service and tourism*. 2009, № 4, With p. 8-24.
7. Metropolitan Kirill. Problems of the development of modern Orthodox pilgrimage// In *Tourist firms*. Issue. 36 (4).
8. Pilgrimage Tourism in Russia – The Most Popular Places for Pilgrimage <http://turstat.com/religiouspilgrimagetourismrussia2017>
9. SITDIKOVA A. R. 2015. *The role of religious tourism and pilgrimage in international tourism* In *Geosphere: coll. sci. works of students, undergraduates and postgraduates geogr. fact.* Ufa : 2015. p. 106-108 p.
10. ZELENOVA E. V. 2013. Model of the organization of Orthodox pilgrimage In. *Tourism : law and economics*. 2013, № 1., p. 7-10. 3
11. ZHYTENEV S. YU. Religious tourism and pilgrimage in the Russian Federation: current state and development prospects. In *Journal of institute of heritage* URL: <http://naslediejournal.ru/ru/journals/58.html>

ПРЕДОТВРАЩЕНИЕ ЭКСТРЕМИЗМА В МОЛОДЕЖНОЙ СРЕДЕ

PREVENTION OF EXTREMISM IN THE YOUTH ENVIRONMENT

Константин В. Чистяков

Константин Владимирович Чистяков

Konstantin Vladimirovich Chistyakov, PhD.

Moscow State Regional University

Аннотация: В статье рассматриваются причины проявления экстремизма в молодежной среде, ее отличительные черты и восприятие мира. На основе исследований предлагается ряд мер, направленных на предотвращение экстремизма.

Ключевые слова: экстремизм, преступность, молодежь, причины, предупреждение

Abstract: The article examines the reasons for the appearance of extremism in the youth environment, its distinctive features, and the perception of the world. On the basis of the research suggests a number of measures aimed at the prevention of extremism.

Keywords: extremism, crime, youth, motive, reasons, warning

Extremism in the youth environment is an individual and socially-group manifestation of extreme, immoral and moral means and ways of life of a part of youth as a special social group and a specific age group of the population.

Youth extremism is one of the most critical and dangerous manifestations of extremism. Scientists investigating extremism in the youth environment pointed out that the young man's extremist consciousness corresponds to the components of undeveloped consciousness, which are expressed by emotionality, impulsiveness, internal tension, conflict. The intolerance and ambition characteristic of young people plays an important role in the process of forming extremist consciousness. It is also a phenomenon within the framework of one or another countercultural tradition, identified by its adherents at least in opposition to the dominant and official cultural forms. At the same time, discontent and "alienation" of young people from the state, society and its successful representatives is accompanied by a lack of stability and social guarantees.

A feature of extremism in the youth environment is its pronounced group character, the grouping of extremist behavior. Thus, "extremism is constituted as a characteristic of specific forms of group consciousness", "conceptualization of aggression by the consciousness of certain groups". He "expresses the specific identity of certain groups of people who are in a situation of open disagreement with the norms and values of the dominant culture." This group phenomenon is also a specific life style of some groups

Extremism among adolescents is fanatic, unquestioning, often thoughtless, the implementation of all orders and instructions, the legitimacy of which is not only not questioned, but is not discussed, as well as low professionalism and the lack of long experience of extremist activity. Groups of young extremists are formed mainly around solid political associations, which include a more senior membership.

Specifics of the manifestation of extremism in the youth environment are due, first of all, to the peculiarities of the youth itself: incompleteness of the processes of economic, political and spiritual socialization, ideological instability, insufficient socio-psychological maturity, superficial perception of the contradictory nature of social life.

Youth extremism is expressed in disregard for existing laws and social norms of conduct. The aspiration of adolescents to unite, commit various acts of an extremist nature within the group is one of the main reasons for the development of this negative phenomenon.¹

Youth extremism, although it is a "derivative from an adult", nevertheless differs from the first by rather significant features. The analysis of special works on the problem under consideration makes it possible to single out the following features of the activity of young extremists:

1. Absence of finding a compromise connected with the invariance of goals.
2. Unjustified cruelty of participants in extremist youth.

The reasons for unification in informal groups can be the following:

1. self-assertion;
2. conformism;
3. fear;
4. avoiding loneliness;
5. lack of leisure;
6. the influence of criminal subculture.

It is necessary to highlight the main features of extremism in the youth environment: 1) the formation of extremism mainly in the marginal milieu, where it is constantly fueled by the uncertainty of the position of the young man and his unstoppable views on what is happening; 2) the manifestation of extremism is often in situations characterized by the absence of current standards, attitudes oriented towards law-abiding behavior, consensus with state institutions; 3) manifestation of it most often in those groups and societies where there is a low level of self-esteem or the conditions contribute to the ignoring of the rights of the individual; 4) this phenomenon is typical for communities not so much with the so-called "low level of culture", as with the culture of the torn, deformed; 5) its conformity to societies and groups that have adopted the ideology of violence and preaches moral indiscriminability, especially in the means of achieving goals.²

In youth extremist groups there is a phenomenon of denial of personal responsibility of their members for their aggressive actions and shifting it to others, as well as the phenomenon of depreciation of the victim in the consciousness of the aggressor.

---

¹ MAMEDOV V. A. 2004. *Extremist activity of youth groups of skinheads. Problems of application of norms of the criminal procedural legislation of the Russian Federation in the activity of law enforcement bodies. Part 2.* Chelyabinsk : 2004. p. 132-138.

² ARISTARKHOVA T. A. 2014. The main features and features of youth extremism In *Izvestiya Tula State University Economic and legal sciences.* 2014, № 1-2, p. 35-36.

Young people, being included in a society with an established social structure, tend to join a particular social group and gain the desired status position in it, and as the desired result and awareness of their status is achieved, a real and socially-felt need to increase it arises, but its implementation encounters a number of obstacles including internal contradictions such as shyness, aggressiveness, nihilism, fanaticism.

And also external contradictions, generated by the interaction of youth with society, which is often manifested in the discrimination of young people by age.

By virtue of age young people are not always able to find a legal way out of the situation and choose the quickest way to solve this problem with the help of aggression.

Aggression as a way of solving problems is connected with the overestimated expectations inherent in youth, its constant desire to surpass other people.

Extremist attitudes are often generated by the insufficient inclusion of the younger generation in labor activity, which is characterized by social and psychological disadaptation of youth and leads to destructive consequences.

In the opinion of Yu.M. Antonian, extremism "is always a product of the disunity of a society that has not acquired or lost a common ideology, common values and goals. It can take place in countries where there are significant social groups of people very dissatisfied with their economic, social and spiritual situation, who consider themselves oppressed and humiliated. It can be built on interracial relations (as, for example, in the USA), or ethnoreligious (for example, in Russia and France), or social, generating states of depression, uselessness, roughly marked inequality."³

As a rule, antisocial and antisocial informal spontaneous youth groups are formed under the influence of the leader. Leadership among modern youth depends, unfortunately, not always on cultural development. More often than not, the leaders of these groups are young people who have not found use for their abilities in school, colleges, universities, labor collectives, who have organizational and managerial skills. As a rule, a leader has a strong will, a firm, determined character.

Leaders of extremist organizations use all available opportunities to impose their ideals on young people disguised as "its support," it should be noted that extremists are well conspirators and trusting victims, falling under their influence, do not realize the harmfulness of their ideas until the last.

They exert a tremendous influence on the youth with the help of the media and the Internet, as members of extremist movements and groups have the opportunity to enter into discussions, argue, defend their ideology, beliefs in Internet resources where the audience can range from a few tens to hundreds of thousands. Such resources of influence on youth consciousness are comparable with the potential of traditional media, only not controlled by the state and society. Under the guise of an "exchange of views" on the Internet, extremists were given the opportunity to conduct propaganda, recruit new supporters and increase the number "Sympathizers".

According to psychologists, anonymity and the absence of prohibitions release hidden complexes (primarily associated with the craving for violence and sexuality). As a result,

³ ANTONYAN YU. M. 2008. *The nature of extremism. The criminal-legal prohibition and its effectiveness in the fight against modern crime*. Collection of scientific papers / Pod. Ed. ON. Lopashenko. Saratov : 2008.

changing the style of behavior of the individual (peculiar only to the virtual world), which is defined as deviant. The network is easy to find sites where positively assessed phenomena such as Satanism, drug addiction, pedophilia and others. Young people with unsettled psyche when you visit such sites often carry virtual ideas into everyday life.⁴

Spend much of the day in the Internet space, young people gradually detached from the reality in the physical sense, immersed in a virtual reality. Consequently, one can talk about a new type of spiritual culture for young people, little associated with real economic, political, social processes.

Also a danger is the tendency of youth escapism, in this case looking like a departure from reality, its replacement by virtual reality. We can not neglect and a problem such as deformation of the spiritual culture of young people due to the gradual conquest of communicative space of mass culture whose standards were well integrated into the global Internet network.

The situation is complicated by the fact that the youth consciousness is not fully formed, experienced extremists can use the current situation in order to plant beneficial facilities. Young people need increased attention from the public, government management structures, because due to their socio-psychological and socio-age characteristics, they can be influenced by extremist movements and groups. At the initial stage, extremist groups can attract a young man by their originality, alternative, aggressiveness of life style.

Proposed extremist belief system for its simplicity and uniqueness of the foundations, the possibility of immediately see the result of their actions is very attractive for young people.

And first, a young man who joined an organization of this kind may not be an extremist, he becomes it gradually, through participation in the activities of this organization and the gradual assimilation of its ideology. Sometimes there can be a so-called self-generation of youth extremism, when relatively large politicized youth groups of extremist persuasion arise without the participation of adult extremists. In the case of self-emergence of youth extremism, the main factor of its emergence is the existence of a well-developed ideology that is attractive for young people.⁵

An important feature is the extreme groups of resistance to change, which may contain a threat to the existence of the group or its influence. Often members of groups react not to really threatening events, but to their subjective image. In this case, the danger of threats or undesirable changes can be shown to a group that is much larger than it really is, and groups respond in a violent way.⁶

Extremists do not care about the internal problems caused by them, they also easily sacrifice for the common good and the number of such victims is of little concern to them. The main thing is their idea, ideals, and all who are against are enemies.

It can also be assumed that they are cowards who are afraid to take responsibility for their actions, in connection with the nature of the crimes they commit, because they are always hiding and do not enter into open confrontation. If they enter into it, then only with full confidence in their superiority.

---

⁴ KOROLEV A. A. 2008. *Modern Russian Youth : Problems and Judgments*//Vlast. : 2008, №10, p. 92.

⁵ *Methodical recommendations for the investigation of extremist crimes*. Kazan : 2011.

⁶ KOZLOV L. L., – ТЕПЛОЕ E. P. 2007. *Terrorism in the youth consciousness : threat and security issues*. SPb.: 2007. p. 86.

Nationalists are characterized by the disunity of groups. These are mainly small groups, although the number of cities nationalists ranging from a few hundred to several thousand. These groups are formed by young people in places of study or leisure. They do not achieve success in their work, whether it is work, sports or study. This is confirmed by their characteristics from the places of their activity.

They do not tend to make long-term efforts to achieve goals, they are only able to fleetingly rise above the weaker victim, which they can attack only if they are completely sure that they have no negative consequences for themselves.

If we consider the attitude of the family to the young nationalists, the family is often a positive attitude to their "passions" because they believe that the power in the state is unable to cope with the problems facing the population, due to the influx of migrants. The reasons for the migration of these people do not interest them.

There is an opinion that nationalists are brought up in low-educated families, but this is misleading, because they are also in families with higher education, education only characterizes them as people who are not stupid and do not think that raising the level of education can change them. subculture makes them nationalists.

In nationalistic attacks, women are extremely rare because of their physiological characteristics.

For acts of the nationalists and the characteristic that they do not take hostages, because it is not consistent with the image of their struggle for "purification", but in fact the struggle for self-assertion and the fight against their fears.

The peculiarity of religious extremism is to fight against the "infidels", for they are not important physiological traits of the person, as well as gender and age, and the only important beliefs. In contrast to nationalists, for which only physiology is essential (of course, if they do not set as their goal the extermination of a certain nationality, for example, Jews).

Financing religious extremism is done in much greater ways, as they need several components such as paraphernalia, literature, premises, weapons (it is more expensive, since often it is firearms and explosives). In their attacks, they also pursue the goal of expressing themselves, after the bombings are reported to the media, to which organization the responsibility lies.

They are also distinguished by the participation of women, because after a certain psychological treatment of them do suicide bombers.

For murders on the basis of hate motive, it is characteristic that they are made criminals in a sober state, extremely rarely in a state of intoxication, and in drug intoxication are never committed.

This crime is typical for men, at the age of the crime in most cases – 18-25, less often 16-17 and 14-16, after 26 years there is a sharp decline.

The absolute majority of convicts are single, not having children due to a young age. Education in the bulk of the average and secondary special, less common incomplete higher. The remaining levels of education are extremely rare. By occupation, these are students, students, the rest are rare. In the army, criminals did not serve due to their age and studies.

Virtually no one was previously criminally liable.

The various physiological characteristics of the victims are capable of provoking criminals to commit socially dangerous acts.

The causes of hatred for certain groups of the population such as the elderly and the disabled, are assumed to be the following:

- the inability of the victim to resist;
- people with disabilities may be associated with the way the extremists of weakness and inferiority to which they are "called to fight."
- the old people are presented to them as an image of the winner of nationalism, i.e. the image of the one who showed the world the enormity of this ideology and this is why they are trying to destroy them, and not only physically, but also spiritually.
- the elderly and disabled as symbols of weakness can be perceived as what awaits the xenophobic personalities themselves, and therefore are rejected by them. The aggression of the murderers of the elderly unconsciously gives rise to the fear of becoming the same: weak, unable to defend themselves, helpless, useless.

The problem is that the problem of inculcating the cult of consumption, which even contradicts culture, becomes more urgent, and people do not develop creative qualities, but try to make of it only a consumer of what has already been created, one can say, developing in it destructive qualities and passivity in decision-making.

However, the activity, energy of youth requires a way out. And this finding finds the younger generation, but not in the culturally-creating activity, and again in destruction, in the anticultural destruction of oneself (alcoholism, drug addiction), others (murder, violence), objects (pogroms, arsons), memory (vandalism, desecration). Not having the will, the will and the ability to realize yourself.⁷

Getting into any group, people begin to emphasize the affinity with it and try to minimize their personal characteristics, which can cause conflict with the group. But it turns out that a person tries to assert himself in a group of like-minded people, but as a result loses himself, as a result of an endless juxtaposition of his thoughts and actions with the group.

Thus in the group of people to join it for the sake of self-affirmation fall into dependence on others, and it can be said to assert themselves at the expense of each other, losing himself more and more.

Extremists parasitize on discontent in society, or rather in a negative light, describe the causes of poverty of some and the wealth of others, thus acquiring their supporters.

Creating tolerant environment is associated with the assimilation of representatives of the journalistic community and media practitioners standards of professional language requires compliance with certain principles: the support to the spirit and letter of the law, critical perception, independence and double recheck when covering conflict and crisis situations, the editorial comments.

Scientists also see the causes of the spread of extremism in the surrounding social environment. "All deviations in the behavior of young people (including the spread of

---

⁷ ORLOVA Z. N. 2011. Youth subculture features and paradoxes. In *Bulletin of the Nizhny Novgorod University*. N. I. Lobachevsky. 2011, №2., p. 106.

extremism) are determined by many factors, but if they are to summarize, we find two main (basic) pole of influence – a family and society."⁸

Promotion of the values of preserving ethnic and religious diversity, religious tolerance and freedom of conscience among representatives of different age, social, professional, ethno-confessional groups is an important factor in the prevention of extremism in the youth environment.

The educational aspect is of fundamental importance in the prevention of youth extremism: a teenager brought up in morality will never go to smash markets or beat people of a different nationality. Therefore, much depends on family upbringing, its non-conflict models, aspects of molding citizenship, patriotism and rejection of extremist attitudes, intolerance of extremism and terrorism in the family. An important role is played by family prevention, social rehabilitation of the family, social work with dysfunctional families.

It should be remembered that extremists engender society with their coldness and cruelty towards individuals who are distinguished by something from the general mass.

Familiarity with the works of various cultures, can raise the cultural level of young people, but it should be noted that a significant limitation makes itself a way of knowing, because reading is not always popular, but ineffective to force a person to read, he did not accept the information or accept it as an imposed opinion.

It is also necessary to acquaint the population with a lot of traditions that do not exist in a particular country, but coverage of tradition data should not be emphasizing their primitive or "infidels", and in order to understand them, if necessary, explaining their place in a different culture. At the same time, the population needs to be shown, as well as the other culture is not accidental, and if it is overcome, it is possible to successfully adapt the migrants.

In addition to joint work, there is also entrepreneurial activity, because any entrepreneur strives for profit, and the more he has clients, the more benefits and therefore it is necessary to help the development of entrepreneurship both for fighting extremism and for its prevention.

To combat nationalism among young people, it is necessary to fight the influence of nationalist parents who speak of problems due to migrants and exalt their culture, but it is necessary to clarify that this struggle must be conducted by educating children. History should be taught not from the point of view of the course, advantageous power, but with consideration of two sides (if there is a study of conflicts).

Irregular migration contributes to the commission of crimes by immigrants, and since there is no proper control over migration processes, migrants who have committed offenses escape accountability that provides them with the confidence to permissiveness and pushes to commit more and more crimes, which in turn give rise to hatred to other migrant workers from local residents.

Considering the problems of adaptation of migrants, it should be noted that very often they create obstacles to themselves, because they do not want to accept the rules by which the society they live in is living. They live and interact exclusively with their own behavior, and often causing create their own negative image.

⁸ SIBIRYAKOV S. L. 2005. *On Some Origins of Contemporary Terrorism and Possible Ways of Its Early Warning*. Russian Criminological Outlook : 2005. p. 81.

Solving their problems can be through communication and the inculcation of equality in it. On the other hand, it is inadmissible to perceive migrants as second-class people.

With extremism, it is necessary to fight in a complex manner, influencing all causes of it, generating. It is also necessary to show interstate cooperation.

Freedom of choice - one of the values of the people and the value of the right to choose instilled from an early age, but the problem is that no one talks about responsibility to others for their actions.

REFERENCES

1. ANTONYAN YU. M. 2008. The nature of extremism. *The criminal-legal prohibition and its effectiveness in the fight against modern crime: Collection of scientific papers*/Pod. Ed. ON. Lopashenko. Saratov : 2008.
2. ARISTARKHOVA T. A. 2014. *The main features and features of youth extremism*. Izvestiya Tula State University. Economic and legal sciences : 2014. № 1-2. p. 35-36.
3. KOZLOV L. L., – TEPLOE E. P. 2007. *Terrorism in the youth consciousness: threat and security issues*. SPb. : 2007. p. 86.
4. KOROLEV A. A. 2008. *Modern Russian Youth: Problems and Judgments // Vlast. : 2008. №10. p. 92.*
5. MAMEDOV V. A. 2004. *Extremist activity of youth groups of skinheads. Problems of application of norms of the criminal procedural legislation of the Russian Federation in the activity of law enforcement bodies*. Part 2. Chelyabinsk : 2004. p. 132-138.
6. *Methodical recommendations for the investigation of extremist crimes*. Kazan : 2011.
7. ORLOVA Z.N. 2011. Youth subculture features and paradoxes// In. *Bulletin of the Nizhny Novgorod University. N.I. Lobachevsky. №2, 2011, .p. 106.*
8. SIBIRYAKOV S. L. 2005 On Some Origins of Contemporary Terrorism and Possible Ways of Its Early Warning. In *Russian Criminological Outlook : 2005, No. 1, p. 81.*

LAW, SOCIAL ENVIRONMENT, CHANGE¹

ЗАКОН, СОЦИАЛЬНАЯ СРЕДА, ИЗМЕНЕНИЕ

JUDr. Peter Colotka, CSc., LL.M.

Institute of the State and Law, Slovak Academy of Sciences, Bratislava/Faculty of Law, Trnava University in Trnava, Slovak Republic

Abstract: A law-state is presented as the rule of law of the continental legal space (Rechtsstaat). Basic characteristic of the law-state: constitutional, democratic, social state. A sketch of the constitutional state as based on protection of human rights and principle of separation of powers. Legal changes and social changes within modern majoritarian conditions. Law-state criterion and integration of countries of V4 group (Czech Republic, Hungary, Poland, Slovakia) into the European Union as examples of deep change.

Keywords: law-state/rule of law (Rechtsstaat), constitutional state, democratic state, human rights, social and legal change, deep change

Аннотация: Правовое государство представлено в качестве верховенства права континентального правового пространства (Rechtsstaat). Основные характеристики правового государства: конституционное, демократическое, социальное государство. Эскиз конституционного государства, основанный на защите прав человека и принципе разделения властей. Правовые изменения и социальные изменения в современных мажоритарных условиях. Критерий закона и интеграция стран группы V4 (Чешская Республика, Венгрия, Польша, Словакия) в Европейский Союз являются примерами глубоких изменений.

Ключевые слова: право-государство / верховенство закона (Рехцстаат), конституционное государство, демократическое государство, права человека, социальные и правовые изменения, глубокие перемены

The title of this text runs „Law, environment, change“. However, its starting point is also marked by the fact that this section is called „Law and society“ on the one hand and by the couple „rule of law“/ „právní štát“ or „pravovoe gosudarstvo“ on the top level title of these Dies juris Tyrnaviensis on the other. One thus may point yet at this place to deal with internationalised term: Rechtsstaat/l'état de droit/„law-state“ or rule of law. Within the context here discussed preference should be given to perhaps less known sign “law-state”; if one has give a reason for this, so it is because it could in some respect be considered as more adequate to the continental picture of proposed topics.

Albeit for instance Neil MacCormick considers Rechtsstaat and the rule of law as functionally equivalent, pointing to Rechtsstaat as to “law-state” and to „rule of law“ as placed

¹ This paper is a result of the project APVV-15-0267: “Legal pluralism: changes in the concept of law.”

both differently and highly connectable with Rechtsstaat is entirely not strange to him.² Nevertheless, if some addressees would like to find here some real binoms, then it would be perhaps a right moment to turn attention (e.g.) to society/state (binom).

One can somewhat naturally read the wording „law, social environment, change“ also in the light of first sight moments. Insomuch that at least more than members of section „Law and Society“ know the saying be afraid of man who red the only one book, it seems (at least to me) that the side of state of nature described by Thomas Hobbes in his Leviathan as very dark in some respect remains that saying. But after whatever commentaries to Leviathan, who if not Hobbes in his book enabled to think the state as legal person independent of some concrete physical ruler? Can one expect that without Hobbesian concept of the state the evolutionary process could bring at least first but necessary stage of legal state? May one reasonably expect that outputs of that kind could be enabled by such agencies as law, social environment, change?

Well, at the first sight it may be notified that especially certain environments are somewhat surrounded by difficulties concerning social and/or legal changes. Furthermore, one may point here also to some extend to such kind of serious problem which rests with acknowledgement that the word law is found and refound in so many senses that here even perhaps one long life and/or one large library could be viewed as hardly sufficient. “Examination of the nature of the concept of law, of law in the most general sense of that word, is a central problem of legal philosophy or theory. Numerous attempts have been made at verbal definition but probably no definition is satisfactory or would secure universal acceptance.”³ To give only few examples one could think law as a system (of rules), as an ideal (of justice), as life (with real practices within social environment or judicial milieu) etc.⁴ Albeit, taking into account Hobbes’ s appreciation of the civil society as somewhat as aquarium of the state, what could be after all expected from social environment outputs?

Even on the way back to the department law of our library one could realize some places covered by the concept and catalogue of human rights, as well as vision of their generations.⁵ Of course, also within this context and at least as soon as on the base of the French Declaration of Rights of Man and Citizen (1789) it’s possible to read its article 16 in order to show that the protection of rights belongs to attributes of thus defined constitutional state which is closely associated with the law-state. Furthermore, it is also within the frame of article 16 obvious that the definition of constitutional state is alongside of protection of rights deeply based on principle of separation of powers which was formulated by Montesquieu and later borrowed e.g. by Immanuel Kant as precursor of the term Rechtsstaat which has as such German origin. Kant pointed to a state in idea, that is, to the state in harmony with legal principles; furthermore,

² See MACCORMICK, N. 1984. Der Rechtsstaat und die rule of law, In *Juristen Zeitung*. 198439, No. 2, , p. 65. See also generally MACCORMICK, N. *Institutions of Law. An Essay in Legal Theory*. Oxford : Oxford University Press, 2007. Note a strong tendency to use German term even in English which is evident in other texts: See generally especially O’HAGAN, T. 1984. *The End of Law?* Oxford : Blackwell, 1984.

³ WALKER, D. M. 1980. *The Oxford Companion to Law*. Oxford : Clarendon Press 1980. p. 716.

⁴ See generally BODENHEIMER, E. 1962. *Jurisprudence*. Cambridge – Massachusetts : Harvard University Press, 1962.

⁵ See esp. VASAK, K. 1984. Pour une troisième generation des droits de l’homme. In SWINARSKI, C. (ed.). *Studies and Essays on International Humanitarian Law and Red Cross Principles in Honour of Jean Pictet*. The Hague : Martinus Nijhoff, 1984, p. 837-845.

it was an ideal of mainly from Rousseau borrowed contractually based state of “a number of men under juridical laws” dressed against authoritarian arbitrary power.⁶ A *continuum* of modernism brought somewhat more completed constitutional state also in context of a law-state as evolved democratic state; the evolution of the second half of the 20th century brought at least in Western Europe its more or less evolved attribute consisting in social state. Finally positions of “dignity” and “social state” in German constitutional system may be summarized as eternal, i.e. without admissible vote. “The absolute character of the right to human dignity is unique to German law. There is nothing comparable in other constitutions (...) The same is true regarding the eternal character of right to human dignity”⁷

These categories could be presented as a *continuum* of the extension of the citizenship towards its social dimension and maybe could be envisaged within the frame of material law-state.⁸ Although until the year 2008 one had to be a witness of sharp separation, as well as of some summarized troubles with social or welfare state rather than of a reflection of achieved value of human dignity inside the social state, since the economic crisis this situation in some respects bit changed. In order to have a picture of more than one decade indicated troubles including deeply complex legal system with undesirable symptoms as “legislative inflation, ineffectiveness of criminal sanctions, and the erosion of the very normativity of law“ one may also within the context of changes turn attention to another book – from a circle of co-founders of a new criticism in the theory of law – written by Ost and Van De Kerchove.⁹

However, majority is binding within environments of modern times. So, also in the frame of law-state one may in different texts and contexts generally say that that is majority which decides what is law. As actors coming at the first sight into play are seen especially majoritarian parliamentary deputies, but one has to have in mind also majority of impartial and independent judges as counterbalance of partial and other inclinations of civil society.¹⁰

If one takes as a memorable example influential majoritarian decision of judges in the chamber, then it could be at least sometimes interesting to pay attention to some type of interpretation which in certain case prevailed. For example the European Court of Human Rights is well known also because its tendency to careful elaboration and use of some methods of interpretation and especially because its openness to evolutive interpretation. Indeed, this

⁶ See BODENHEIMER, E. *Jurisprudence*. Cambridge – Massachusetts : Harvard University Press, 1962. p. 61-64. (To Hobbes, Locke and his placement of judicial power, as well as to Montesquieu see *ibid.*, p. 39-43, 45-48, 48-49. Especially to Thomas Hobbes see generally SKINNER, Q. *A Genealogy of Modern State*. In *Proceedings of the British Academy*. 2008, vol. 162, Lectures. London : British Academy, 2009.)

⁷ BARAK A. 2015. *Human dignity. The Constitutional Value and the Constitutional Right*. Cambridge : University Press, 2015. p. 241. See also, e.g., PETERS, H. 1962. Sozialstaat. In *Staatslexikon. Recht/Wirtschaft/Gesellschaft*. Band 7. Freiburg am Breisgau : Verlag Herder Freiburg, 1962, p. 394-395.

⁸ See generally, e.g., CHEVALLIER, J. 1992. *L'État de droit*. Paris : Montchrestien, 1992. Remark: Especially before the economic crisis (2008 ff) it was considered perhaps as more plausible to separate material law-state and social state.

⁹ See VAN DE KERCHOVE, M., – OST F. 1994. *Legal System between order and disorder*. Oxford : Oxford University Press 1994. p. 168 et passim. Towards in several respects changed situation since consequences of the economic crisis in 2008 see, e.g., STEGER, M. B. – ROY, R. K. 2010. *Neoliberalism. A Very Short Introduction*. Oxford : Oxford University Press, 2010. p. 137.

¹⁰ See ALBRECHT, A. 1961. Rechtsstaat. In *Staatslexikon. Recht/Wirtschaft/Gesellschaft*. Band 6. Freiburg am Breisgau : Verlag Herder Freiburg, 1961, p. 685-705.

way of construct would be probably very suitable to a case improving status of certain category of persons. This is evident especially in the Marckx case, judgment of 13 June 1979, Series A no. 31, p. 19, § 41: “It is true that, at the time when the Convention of 4 November 1950 was drafted, it was regarded as permissible and normal in many European countries (albeit not in the former Czechoslovak legal order of the times; note P.C.) to draw a distinction in this area between the “illegitimate” and the “legitimate” family. However, the Court recalls that this Convention must be interpreted in the light of present-day conditions (Tyrer judgment of 25 April 1978, Series A no. 26, p. 15, § 31 from 1978 – i.e. as precedent to which decision of later Marckx case in 1979 refers; note P.C.). In the instant case, the Court cannot but be struck by the fact that the domestic law of the great majority of the member States of the Council of Europe has evolved and is continuing to evolve in company with the relevant international instruments (...)” – i.e. comparative dimension of the Marckx case judgment connected at least with two levels of legal maps (note P.C.) or “map of legalities”.¹¹

Presented interpretation within the “light of present-day” is dynamically overcoming historical circumstances in which intentions of framers of the Convention originated and had been projected into its text. Within the frame of such evolutive interpretation one could not at least potentially exclude that a series of new meanings would be related to the connection of words “or other status” contained in article 14 of the ECHR (1950), as well as in article 12.2 of the Constitution of the Slovak Republic (1992). One could argue especially by openness of the wording of antidiscrimination clause in both mentioned texts. Regardless of explicitly articulated prohibitions of discrimination *via* expressly named circles of persons, the scope covered by wording “or other status” enables to add or cover some other personal position(s) without hanging on uncompleted list of personal positions. With respect to “or other status” of article 14 of the ECHR here may be pointed to its “drafting history” (i.e. “elaboration of Article 14”), as well as to overview of the case-law of the ECtHR and to some proposals how to manage the non-discrimination clause.¹²

¹¹ Of course, by *supra* recalling “Court” is meant the European Court of Human Rights (ECtHR), as well as “this Convention” refers to the European Convention on Human Rights (ECHR); as to the “map of legalities”, this was invention introduced by Boaventura de Sousa Santos. See to that, e.g., DEFLEM, M. 2008. *Sociology of Law.: Visions of a Scholarly Tradition*. Cambridge: Cambridge University Press, 2008. p. 208-209. Note distinctive survey of methods of interpretations of ECtHR which may be found in OST, F. *Originalité des méthodes d’interprétation de la Cour européenne des droits de l’homme*. In *Raisonnement la raison d’état. Vers une Europe des droits de l’homme*. Paris: Presses Universitaires de France, 1989. p. 405-463.

¹² See PARTSCH, K. J. 1993. Discrimination. In MACDONALD, R. ST. – MATSCHER, F. – PETZOLD, H. (eds.). *The European System for the Protection of Human Rights*. Dordrecht/Boston/London: Martinus Nijhoff Publishers, 1993. p. 571-592. E. g.: “(...)The field of application of Article 14 could be considerably enlarged(...), the non-discrimination clause could be enlarged(...)”. *Ibid.*, p. 591. With respect to connection “or other status” in article 12.2 of the Constitution of the Slovak Republic see: BERDISOVÁ, L. 2012. Teoreticko-právne reflexie konceptu rovnosti v právnom systéme Slovenskej republiky (*Theoretic-legal reflections of the concept of equality in legal system of the Slovak Republic*). In FILČÍK, M. (ed.) *Právne aspekty rovnakého zaobchádzania v slovenskej realite (Legal Aspects of Equal Treatment in Slovak Reality)*. Bratislava: EQUILIBRIA, 2012. p. 9-28; esp. p. 22, 26. Remark: Common features of texts of both authors reside with at least two points. Equality is considered as larger term than antidiscrimination clause on the one hand and recent tendency of reading of non-discrimination clause by judicial power shows some inclination to read it through connection “or other status” regardless of expressly banned reasons on the other.

Albeit expectation from actualization of legal text(s) by judicial staff can be felt as interesting and sometimes highly satisfactory especially for some marginal or marginalised categories of human persons, one has perhaps to be little cautious because the continental law-state is above all based and focused on legislation which in rectified harmony with written constitution doubtlessly presents its core *conditio sine qua non*. Postulate gives an evidence. *Debet rex esse sub lege* or let *leges* rule are postulates appointed to be viewed not exclusively in the light of political slogans (antiquity, dissolution, interchangeability), but rather as a core of the philosophy of law and as a tool of identification of the continental legal space recognized as *lex scripta* system and as constitutional, memorably codified legal space dressed in a foreseeable manner against arbitrariness of public authorities. Typical and first rang majorities emanate here above all from qualified constitutional majority and absolute majority for ordinary laws. And at this point one has to find a majoritarian, more or less general legal change which in certain contrast with situation of traditional communities in their environments scarcely depends upon majoritarian vote because there it is based upon timeless circumstances. Such conviction is of course heritage of a message passing from generation to generation. Thus passing conviction is meant in a sense how members of certain community fulfil what does it mean to lead a good life as a static model of conduct.¹³

Here one can present some scheme(s) of change(s) connected with an environment of modern civil society done (e.g.) by Belgian co-authors and co-founders of the critical theory of law. One has to deal here with hypothetical cases occurring in the theoretical literature as i) occurring in society: “change originating from society and affecting only law without a consequent social effect”; for instance “two antagonistic social forces whose practically equivalent effects cancel each other out”; ii) “change originating from society, and both affecting the legal system and having a social impact.” E.g. within a context of rule of law “the policy of racial integration” performed by the Supreme Court of the United States; iii) “change originating within the legal system and affecting only the legal system.” That is a case of so called cosmetic change or “facelift” performed by “jurist’s activity”. E.g. from the point of view of civil society almost invisible “problematic of “reform” constantly on the stocks ...”; iv) “change originating within the legal system and having a social impact.” So far according to L. Friedman; further hypothesis added by Ost and Van De Kerchove: This point consists in “a fifth hypothetical case: that of a purely social change that does not affect the legal order.”¹⁴ Comprehensibly, also other tables or classifications of changes are very possible.¹⁵

However, in order to give an example of deep change one may point to fall of legal systems covering at least in the late 80’s of the 20th century a considerable part of a map of Europe. As far we know, this was a place of legal space of former “socialist family” about which to some extend especially in the 60’s liked to write French legal comparatist René David.¹⁶ As far we know, that situation had dramatically changed.

¹³ See generally HART, H. L. A. 1961. *The Concept of Law*. Oxford : Clarendon Press, 1961. Compare generally also (e.g.) LÉVI-STRAUSS, C. 1971. *The Scope of Anthropology*. London : Jonathan Cape, 1971. (See also any department of legal anthropology in some reliably arranged library.)

¹⁴ VAN DE KERCHOVE, M., – OST, F. *Legal System Between Order and Disorder*. Oxford : Oxford University Press 1994. p. 121; to Friedman’s classification see esp. p. 120.

¹⁵ See *ibid.*, e.g., p. 121-122 et passim.

¹⁶ See DAVID, R. 1964. *Les Grands systèmes de droit contemporains*. Paris : Dalloz, 1964. p. 22-23 et passim. Within the Slovak linguistic environment compare BIANCHI, L. (REV.): DAVID, R. *Les Grands systèmes de droit contemporains*. Paris : Dalloz, 1969 (IIIe éd.) 53, *Právny obzor*, 1970, no. 3, p. 246-247.

For instance, with German legal thinker Uwe Kischel we may at least in 2015 speak about several years ago reached fragmentation of the former socialist legal space. This group which had been also often called a “socialist group”¹⁷ disappeared from the European legal space. Former socialist group is according to Kischel divided into three forms or groups. The first of them is presented by “autonomous” or “distinct legal family” of Russia.¹⁸

In accordance with Kischel’s view which was published in France, such situation results especially from certain legal cultural characteristic, as well as from the criterion of membership of the European Union.¹⁹

Putting it in some other words such situation allegedly depends on the degree of “Europeanization”.²⁰ Thus the member states of the European Union are regarded as sharply separated from the “rest of Europe”.²¹

One has to conclude that recent pictures of changes, as well as those of deep changes and their maps could be viewed also in other forms, appearances, shots, dreams or legality diagrams.

LITERATURE

1. ALBRECHT, A. 1961. Rechtsstaat. In *Staatslexikon*. Recht/Wirtschaft/Gesellschaft. Band 6. Freiburg am Breisgau : Verlag Herder Freiburg, 1961, p. 685-705.
2. ARNAUD, A.- J.- FARIÑAS DULCE, M. J. *Introduction à l’analyse sociologique des systèmes*
3. BARAK A. 2015. *Human dignity. The Constitutional Value and the Constitutional Right*. Cambridge : University Press, 2015.
4. BALL, T. – BELLAMY, R. (eds.). 2005. *Twentieth-Century Political Thought*. Cambridge : Cambridge University Press, 2005.
5. BERDISOVÁ, L. Teoreticko-právne reflexie konceptu rovnosti v právnom systéme Slovenskej republiky (*Theoretic-legal reflections of the concept of equality in legal system of the Slovak Republic*). In FILČÍK, M. (ed.): *Právne aspekty rovnakého zaobchádzania v slovenskej realite. (Legal Aspects of Equal Treatment in Slovak Reality)*. Bratislava: EQUILIBRIA, 2012. p. 9-28.
6. BIANCHI, L. (rev.): David, R.: *Les Grands systèmes de droit contemporains*. Paris: Dalloz, 1969 (IIIe éd.) 53, *Právny obzor*, 1970, no. 3, pp 246-247.

¹⁷ WALKER, D. M. 1980. *The Oxford Companion to Law*. Oxford : Oxford Clarendon Press, 1980. p. 261.

¹⁸ KISCHEL, U. Après la transition: La situation juridique actuelle de l’Europe de l’Est. In *Revue internationale de droit comparé*. 2015, 67e année, no. 1, Janvier-Mars 2015, p. 145-146, 157. Only “Russia has to be considered as a core of its own legal system”. Ibid., p. 166.

¹⁹ See generally *ibid.*, pp 145-166. Note: In my opinion Kischel is turning around several speeds of continental legal space of Europe; focusing on certain degree of achieved law-state position within conditions of the membership of the EU - visible esp. at pp 161-164 - serves to him as an example of deeper rupture with the past.

²⁰ See generally *ibid.*, pp 145-166; see as well Radaelli, C.: The Europeanization of Public Policy. In BULMER, S. – LEQUESNE, C. 2005. The European Union and its member States: An Overview. In BULMER, S. – LEQUESNE, C. (eds.): *The Member States of the European Union*. Oxford : Oxford University Press, 2005. p. 12-14. Concerning countries of V4 (Czech Republic, Hungary, Poland, Slovakia) group see especially “responding to Europe”, p. 254-280. See also, e.g., especially DE SCHOUTHEETE, P. 2002. The European Council. In PETERSON J. – SHACKLETON, M. (eds). *The Institutions of the European Union*. Oxford : Oxford University Press, 2002. p. 42.

²¹ See KISCHEL, U. Après la transition: La situation juridique actuelle de l’Europe de l’Est. In *Revue internationale de droit comparé*, 67e année, no. 1, Janvier-Mars 2015, p. 145-166; to “rest of Europe” see *ibid.* esp. p. 165-166.

7. BODENHEIMER, E. 1962. *Jurisprudence*. Cambridge – Massachusetts : Harvard University Press, 1962.
8. CARBONNIER, J. 1972. *Sociologie juridique*. Paris : Librairie Armand Colin, 1972.
9. COLAS, D. et cons. 1987. *L'état de droit*. Paris : Presses universitaires de France, 1987.
10. CHEVALLIER, J. *L'État de droit*. Paris : Montchrestien, 1992.
11. DAVID, R.: Les Grands systèmes de droit contemporains. Paris: Dalloz, 1964.
12. DEFLEM, M.: *Sociology of Law.: Visions of a Scholarly Tradition*. Cambridge: Cambridge University Press, 2008.
13. DE FONTETTE, F.: *Vocabulaire juridique*. Paris: Presses Universitaires de France, 1998.
14. DE SCHOUTHEETE, P.: The European Council. In Peterson J.: Shackleton, M. (eds). *The Institutions of the European Union*. Oxford: Oxford University Press, 2002. pp. 21-46.
15. GRIFFITHS, J.: "What is Legal Pluralism?" *The Journal of Legal Pluralism*, No. 24, 1986, pp 1-33.
16. HART, H. L. A.: *The Concept of Law*. Oxford: Clarendon Press, 1961.
17. HOBBS, T.: *Leviathan*. Edited by R. Tuck. Cambridge: Cambridge University Press 1991.
18. JOUFFA, Y. – ZWEYACKER, A.: Introduction. In: *La Conquête des droit de l'homme*. Textes choisis et commentés par Guy Lagelée et Jean-Louis Vergnaud. Paris: Le Cherche Midi Editeur, 1988.
19. KANT, I.: *Die Metaphysik der Sitten*. *Metaphysische Anfangsünde der Rechtslehre*. In *Sämmlische Werke in sechs Bänden*. Band 5. Leipzig: Inselverlag, 1920.
20. KELSEN, H.: *Reine Rechtslehre*. Eine Einführung. Studienaugaben 1. Auflage, 1934. Tübingen: Mohr Siebeck, 2008.
21. KISCHEL, U.: *Après la transition: La situation juridique actuelle de l'Europe de l'Est*. In: *Revue internationale de droit comparé*, 67e année, no. 1, Janvier-Mars 2015, pp 145-166.
22. LE ROY, E.: *Juristique et anthropologie: Un pari sur l'avenir*. *Journal of legal pluralism and unofficial law*, no. 29, 1990, pp 5-21.
23. LÉVI-STRAUSS, C.: *The Scope of Anthropology*. London: Jonathan Cape, 1971.
24. LOCKE, J.: *The Second Treatise of Government*. In: *Two Treatises of Government*. Edited by P. LASLETT. Cambridge: Cambridge University Press, 1990.
25. MACCORMICK, N.: *Der Rechtsstaat und die rule of law*, *Juristen Zeitung*, 39, No. 2, 1984, p. 65-70.
26. MACCORMICK, N.: *Institutions of Law. An Essay in Legal Theory*. Oxford: Oxford University Press, 2007.
27. O'HAGAN, T.: *The End of Law?* Oxford: Blackwell, 1984.
28. OST, F.: *Originalité des méthodes d'interprétation de la Cour européenne des droits de l'homme*. In: DELMAS – Marty, M. *Raisonner la raison d'état. Vers une Europe des droits de l'homme*. Paris: Presses Universitaires de France, 1989, pp 405-463.
29. PARTSCH, K. J.: *Discrimination*. In Macdonald, R. St. – Matscher, F. – Petzold, H. (eds.): *The European System for the Protection of Human Rights*. Dordrecht/Boston/London: Martinus Nijhoff Publishers, 1993, pp 571-592.
30. PERNTHALER, P.: *Allgemeine Staatslehre und Verfassungslehre*. Wien – New York: Springer Verlag 1986.
31. PETERS, H.: *Sozialstaat*. In: *Staatslexikon. Recht/Wirtschaft/Gesellschaft*. Band 7. Freiburg am Breisgau: Verlag Herder Freiburg, 1962, pp 394-395.

32. RADAELLI, C.: The Europeanization of Public Policy. In Bulmer, S. – Lequesne, C. The European Union and its member States: An Overview. In Bulmer, S. – Lequesne, C. (eds.): The Member States of the European Union. Oxford: Oxford University Press, 2005, pp 1-20.
33. ROULAND, N.: Penser le droit. Droits, no. 10, 1989, pp 77-79.
34. SKINNER, Q.: A Genealogy of Modern State. In: Proceedings of the British Academy, vol. 162, 2008 Lectures. London: British Academy, 2009.
35. STEGER, M. B. – Roy, R. K.: Neoliberalism. A Very Short Introduction. Oxford: Oxford University Press, 2010.
36. VAN DE KERCHOVE, M., Ost F.: Legal System Between Order and Disorder. Oxford: Oxford University Press 1994.
37. VASAK, K.: Pour une troisième generation des droits de l'homme. In: SWINARSKI, C. (ed.): Studies and Essays on International Humanitarian Law and Red Cross Principles in Honour of Jean Pictet. The Hague: Martinus Nijhoff, 1984, pp 837-845.
38. WALKER, D. M.: The Oxford Companion to Law. Oxford: Oxford Clarendon Press, 1980.

CHURCH PROPERTY AND ITS ADMINISTRATION IN BYZANTIUM IV-X CENTURIES ON THE MATERIAL OF BYZANTINE SOURCES

ЦЕРКОВНОЕ ИМУЩЕСТВО И ЕГО АДМИНИСТРАЦИЯ В ВИЗАНИИ IV-X ВЕКЕ НА МАТЕРИАЛЕ БИЗАНТИНСКИХ ИСТОЧНИКО

Tatiana A. Galochkina

*a senior lecturer Institute of Linguistics and Intercultural Communication of the First
Moscow State Medical University I.M. Sechenov*

Abstract: The relationship between Church and State in Byzantium during the IV-X centuries is one of the widely researched topics in historical science. These relationships were examined from different sides by researchers in the field of jurisprudence, history, philosophy, theology and even linguistics (textual analysis). In the course of our textual research, we saw how great the influence of Church legislation was on the domestic and foreign policies of the Empire, Church funding and church property, as well as legal registration of the relationship between the Church and the State.

Keywords: Church and State in Byzantium, Church legislation, Church funding and church property

Аннотация: Отношения между Церковью и государством в Византии в IV-X веках являются одной из широко исследуемых тем в исторической науке. Эти отношения были исследованы с разных сторон исследователями в области юриспруденции, истории, философии, теологии и даже лингвистики (текстового анализа). В ходе нашего исследования текстов мы увидели, насколько велико влияние церковного законодательства на внутреннюю и внешнюю политику империи, финансирование церкви и церковную собственность, а также на юридическую регистрацию отношений между церковью и государством.

Ключевые слова: церковь и государство в Византии, церковное законодательство, церковное финансирование и церковная собственность

Christian institutions did not have the rights of a legal entity in the Roman Empire during the first three centuries.

Until the beginning of the 4th century Christians did not build temples at all and they gathered for prayers either in private homes or outdoors or in the catacombs. In legal terms Christianity was an illegal religion (*religio illicita*), Christian communities referred to so-called unlawful *collegia* (*collegia illicita*) and therefore they could not own property and build their

buildings. As Cyril Maksimovich puts it: «The major reason for the conflict between Christians and the Roman state was the suspicion of the disloyalty of Christians which was expressed in the refusal to worship or sacrifice to the emperor within the framework of the state religion» [Maksimovich 2009: p. 25].

The law did not prevent looting of Church property. For the first time the practice of confiscating the property of Christian communities as well as proposals to deprive senators and military officers adopted Christians of their official ranks and to exile Christian matrons were implemented in the reign of Valerian (253-260 CE). Nevertheless there were emperors who tolerated Christians and did not forbid them to use their property. Nicodemus Milash writes that the emperor Gallien (260-268 CE) allowed Christians to worship freely and also he ordered to return to them whatever property had been confiscated during the persecution of Valerian [Milash 1908: p. 13].

The Christian Church received significant changes in the legal status from the Edict of Milan in 313 AD during the reign of the emperors Constantine the Great and Licinius. The Edict proclaimed equal rights for Pagans, Jews and Christians. Property that had been confiscated from Christians was also returned by this Edict.¹

The Church, along with the State, had tools to protect its property. The 12th Canon of the Seventh Ecumenical Council, based on the 38th Apostolic Rule, forbade bishops and abbots to alienate diocesan or monastic property. Every transaction which was contrary to canonical regulations was considered null and void and their transgressors were severely punished:

If bishop or hegumenos is found alienating any part of the farm lands of the bishoprick or monastery into the hands of secular princes, or surrendering them to any other person, such act is null according to the canon of the holy Apostles <...> And if they have resorted to dishonest craft, so that the ruler has bought the land from the husbandman or cleric, such transaction shall likewise be null, and the land shall be restored to the bishoprick or monastery. And the bishop or hegumenos doing this shall be turned out, the bishop from his bishoprick and the hegumenos from his monastery, as those who wasted what they did not gather [Canon XII, Schaff 2007: p. 563].

In the early Church bishops oversaw the property of the Christian community (or episcopate), usually with the help of deacons. Moreover bishops were not subject to any control by the authorities, and they answered directly to God. However, there were abuses in the management of property. The 24th Canon was adopted by a Synod at Antioch in 341:

It is right that what belongs to the Church be preserved with all care to the Church, with a good conscience and faith in God, the inspector and judge of all. And these things ought to be administered under the judgment and authority of the bishop, who is entrusted with the whole people and with the souls of the congregation. But it should be manifest what is church property, with the knowledge of the presbyters and deacons about him; so that these may know assuredly what things belong to the Church, and that nothing be concealed from them, in order that, when the

---

¹ «Constantine's joint edict of toleration with Licinius officially acknowledged what had been a de facto reality of church ownership of buildings, cemeteries, gardens, and other movable and immovable properties throughout the third century by ordering their restoration. Then he granted the churches and bishops financial assistance (3,000 folles) that would turn into regular support and clerical exemption from compulsory public services and personal taxes so that they could devote themselves to worship their God on behalf of their community and the empire (Eusebius, Hist. eccl. 10.12; Cod. theod. 16.2). He exempted church lands and other properties, which would keep growing from pious endowments, from the taxation, and in fact, he himself endowed lands in Italy, Africa, Crete, and Gaul that produced more than two hundred pounds of gold a year (Grant, Early Christianity and Society, 152)» [Rhee, A Patristic View of Wealth and Possessions: p. 73].

bishop may happen to depart this life, the property belonging to the Church being well known, may not be embezzled nor lost, and in order that the private property of the bishop may not be disturbed on a pretence that it is part of the ecclesiastical goods [Canon XXIV: http://www.allholyspirit.com/about-orthodoxy/canon/ecf37the_synod_of_antioch_in_encaenii-bec.html].

Nevertheless, bishops and other members of the clergy had a right to use their private property at their discretion. This right concerned the property that they got independently of their service (by inheritance or in other legitimate private ways) [see Basilic. III, 1, 9, V, 3, 15].

1 Private benefactors and the Christian Church

One of the most important aspect, in the context of our paper, may be the relationship between private benefactors and the Christian Church. By the fifth century the private law christianisation was taking place in the Byzantine Empire. Until the mid-fifth century private benefactors had a fairly large freedom in formation endowment and management of their foundation. The situation began to change from the Council of Chalcedon (451 AD).

«The guiding principles of the council's legislation on this subject were that a founder's grant was irrevocable and that all religious foundations, including private ones, must be subordinated to the authority of the local bishop» [Tomas J. P. 1987: p. 37]. In the future no one could find a monastery or a church without the prior permission from the local bishop:

Let those who truly and sincerely lead the monastic life be counted worthy of becoming honour; but, forasmuch as certain persons using the pretext of monasticism bring confusion both upon the churches and into political affairs by going about promiscuously in the cities, and at the same time seeking to establish Monasteries for themselves; it is decreed that no one anywhere build or found a monastery or oratory contrary to the will of the bishop of the city; and that the monks in every city and district shall be subject to the bishop, and embrace a quiet course of life, and give themselves only to fasting and prayer [Canon IV: <http://www.ccel.org/ccel/schaff/npnf214.xi.xviii.iv.html>].

If the monasteries were consecrated by a local bishop, they could not be converted to any secular needs:

Monasteries, which have once been consecrated with the consent of the bishop, shall remain monasteries for ever, and the property belonging to them shall be preserved, and they shall never again become secular dwellings. And they who shall permit this to be done shall be liable to ecclesiastical penalties [Canon XXIV: <http://www.ccel.org/ccel/schaff/npnf214.xi.xviii.xxiv.html>].

Before the Council of Chalcedon «unscrupulous layman converted religious foundations into hotels, taverns, and factories, as well as private residence» [Ibid: p. 37].

Although the Chalcedonian Canons strengthened the role of local bishops in their relationship with private benefactors, the bishops still had to exert their authority with discretion. St. John Moscus in his *Pratum spirituale* described the story. When Gennadius the patriarch of Constantinople wanted to bring a certain Charisius, a lector in the church of St. Eleutherius, to his senses, he had to appeal to St. Eleutherius through his personal envoy:

– ‘Ο στρατιώτης σου πολλά ἀμαρτάνει: ἢ διόπθωσαι αὐτὸν, ἢ ἔκκοψον [PG 87: p. 3009].²

The patriarch himself did not have enough power to dismiss the notorious lector from his post, but a miracle happened and the evildoer suddenly died.

– Καὶ τῆ ἐπαύριον ἐν νεκροῖς εὐρέθη ὁ τῶν κακῶν ἐργάτης· καὶ πάντες ἐκπλαγέντες ἐδόξασαν τὸν Θεόν [Ibid: p. 3009].³

The law of Emperor Leo I (459 AD) however supported the decision of Chalcedon that churches could be founded only with the permission of the local bishop. Leo I issued another law forbidding the sale or transfer rural estates or other properties that contained Orthodox churches to any member of a heterodox sect.⁴

The legislation of Justinian was the next step in the way of the regulation of Church property. The codification of Roman law ordered by the Byzantine Emperor Justinian I in the 6th century AD. This codification included the following books: Codex Justiniani (the Codex); Digesta (the Digest or Pandects); Institutiones (the Institutes). The Codex; the Digest; the Institutes and the Novels came to be called Corpus Juris Civilis (the Body of Civil Law) in the Middle Ages. Church legislation became an important part of the codification of the Emperor Justinian I. The Christian character of codification was declared at the very beginning of this books. The first book of the Codex is devoted to the exposition of the dogmatic foundations of Orthodoxy. The introductory constitution to the Digest (Deo auctore) contains an appeal to the Holy Trinity:

Governing under the authority of God our empire, which was delivered to us by His Heavenly Majesty, we prosecute wars with success, we adorn peace, we bear up the frame of the State, and we so lift up our minds in contemplation of the aid of the omnipotent Deity that we do not put our trust in our arms, nor in our soldiers, nor in our leaders in war, nor in our own skill, but we rest all our hopes in the providence of the Supreme Trinity alone, from whence proceeded the elements of the whole universe, and their disposition throughout the orb of the world was derived [The Digest 1904: p. xiii].

36 novels of 168 included in the Corpus iuris civilis refer to Church issues. Justinian laws relating to the Church, along with the Church canons, served as a guide for solving the most important church and administrative issues in Byzantium and beyond [Maksimovich 2007: p. 28-29].

The above-mentioned laws of Leo I influenced two laws of Justinian that dealt with private churches. The first law, dated 537, prohibited the employment of churches in private houses. The emperor banned to celebrate the Liturgy in private houses, but he permitted to summon clergy from the regular churches with the blessing of the local bishop. In 545 Justinian issued the second law where «he made his intentions clearer by forbidding anyone to perform the holy liturgy, either in his own house, or on a proasteion or chorion, or to allow others to do so, except the clergy subordinate to the local bishop» (NJ 131) [Tomas J. P. 1987: p. 41]. Based upon these laws, Justinian did not try to prevent religious services in private Churches, he only tried to oblige these churches to subordinate their local bishop. These laws served as a tool for regulating the practice of private sponsorship of religious services closed to public supervision and the employment of churches. It is hardly likely that Justinian would attempt to impose

² Your warrior sins a lot. Or correct him, or interdict him!

³ And the next day the evildoer was found dead. Everyone was amazed and glorified God.

⁴ In 545 Justinian issued a law prohibiting the sale or transfer property that contained private churches to Jews, Samaritans and pagans (NJ 131.14.1-2).

these restrictions on those urban or rural private churches if they were open to the public supervision of the Orthodox bishops [Ibid: p. 41- 42].

However, with all the severity of these laws, they could be avoided if approval for foundation and financing of the churches was obtained with assistance from high-ranking officials and nobles. Thus the Fathers of the Council of Constantinople in 536 under Patriarch Mina petitioned the emperor to expel the Monophysites from the capital for illegal services in public churches. The Monophysites lost control of many of their churches and monasteries. Nevertheless they could still found new churches and monasteries. There were sources that showed that the existing prohibition was not so strong. An interesting case was mentioned in the History of the Patriarchs of Alexandria.

Now Severus, the patriarch, was hiding himself from Justinian, the heretical prince, in a Christ-loving town, called Sakhâ, in Egypt, at the house of a man, named Dorotheus, who took care of the affairs of the aged monks who had rejected the error of Julian the unbeliever. And the said man was allowed to visit the governor of Egypt, Aristomachus, and begged him to take pity on the aged among the monks who were in the desert, by granting them the favour of authorizing them to build churches and towers, instead of those that had been taken from them by Julian and his companions, that so he might give rest to the monks. Accordingly the governor gave orders to Dorotheus to do as he wished; and Dorotheus returned thanks to God most high [History of the Patriarchs of Alexandria: p. 457-458].

Thus, according to the principle of openness to public observation, the major benefactors could be emperors and their close associates.⁵ A number of provincial officials gave money to build churches. A Greek inscription serving as evidence of donations for building churches was found within the walls of Anasartha (Syria):

*Μάρτυσιν εὐύμνοισι πολὺλλιτον ἄνηετο νηόμ,
πολλὸν ὑπ' ἄθους, σήμισι καὶ ἔρκεσιν εὐκτιτον ᾧδε
λαμπρότατος Σιλβανος,
πάντα δ' ὑπ' ἐννεσίσησιν ἀποιχομένης θέτο παιδός,
παντοίησ' ἀρετήσιν ἀοιδιμοτάτης Χασιδαθῆς⁶ [Shahid 1984: p. 227-228].*

Donations for pious purposes (ληγάτα εἰς εὐσεβεῖς αἰτίας), doubtless, were an essential source of church property. However, this should not be seen in the way that the Church became the owner in the ordinary legal sense. The local bishop had a right to supervise the donated property, managed it and took appropriate measures to correct poor management. The object of various donations, mentioned by religious legal sources, is the maintenance of churches for the sake of saving the soul, or helping the poor and needy people, orphans and abandoned children, etc. [see Basilic. V, 3, 11].

⁵ We know about imperial foundations thanks to De aedificiis by Procopious. «Justinian's general Belisarius built a church and a xenodocheion outside Rome <...> Flavius Bassus, praetorian prefect in 547, founded a church of his own in Constantinople» [Tomas J. P. 1987: p. 46]

⁶ Noble Silvanus erected a shrine for the celebrated martyrs. They were suffered and killed by pagans. He acted on suggestion of a young girl Chasidat, celebrated for her virtues.

2 Clergy Salary

The wages act of clergy was another important step in church regulation (NJ 57). The law established that the clergy should receive a salary, but if they left their post, they could lose all rights to claim their compensation in the future. The local bishop could install a new clergy to replace those who had left their posts. If the benefactors attempted to stop wages, the emperor demanded that a certain part of their property was to be set aside for the ministry of imperial lands. Nevertheless, the emperors themselves could stop wages. Emperor Anastasius stopped wages to the monks of the Dalmatian Monastery because of a conflict with Patriarch Macedonius II.

Public churches also payed salaries to their clergy. Justinian believed that the welfare of the clergy would help prevent them to become members of the heterodox sects. Nevertheless, in 535, he decided to define the upper limit of the number of clergy in all churches:

We therefore ordain that there shall not be in the holy Great Church, more than 60 presbyters, 100 deacons, 40 deaconesses, 90 sub-deacons, 100 readers, 25 singers, so that the whole number of venerable clergymen of the holy Great Church shall consist of 425 persons, aside from 100 of the so-called doorkeepers. This, then, shall be the multitude of clergymen in the holy Great Church of this fortunate city and the three holy houses joined with it; none of the present ones, however, shall be ejected, although the number is much greater than the one fixed by us, but no one shall hereafter be added to the several present orders until the measure is reduced to this number [see NJ 3].

Indeed, the state power exerted a great influence on Church property both private churches and public churches. There was a case when Emperor Theodosius the Great (379-395) threatened Demophilus, Arian bishop of Constantinople, to prohibit his service, the latter stated that the emperor's power extended only to church buildings and began to serve the liturgy in the open air [Bolotov. T. 4, 1918: p. 108].

3 Property received by way of an inheritance or gift

When Christianity had become the state religion of the Roman Empire, the Christian Church gained the right to inherit the property of pious Christians (ex testamento).

In addition to a testamentary inheritance, the Church had the right to inherit property in some such cases, when the deceased did not make a will (the right to inherit property without a will or ab intestato). This applies mainly to property left after the death of persons belonging to the clergy. According to canonical sources, it also concerned persons who died without a will. If someone died without a will, then the relatives up to the fourth generation could inherit the remaining property, and if there were none, then the Church inherited the whole property and used it for church needs and charitable institutions [see Basilic. V, 3, 15]. In accordance with ancient custom, the heirs considered it their moral obligation to donate a part of the received inheritance for the Church to remember those who had died.

4 Conclusion

Thus, with the introduction of Christianity, Byzantium constantly enforced property rights of the Christian Church, which included land, religious buildings and private donations. The question about the administrative and economic relations between the State and the Church, as well as the State and private benefactors, was fundamental. Laws were adopted regulating property relations within the Church and between private donors and the Church. On the one hand, the result of the state regulation of private church ownership was the expansion of the Church's rights to private property, on the other hand, it increased the dependence of the Church on the State. This dependence was primarily pronounced in the strict supervision of the activity of clergy and the restriction of their freedoms.

BIBLIOGRAPHY

1. Болотов В.В. *Лекции по истории древней Церкви* (в 4-х т.). Т. IV: История Церкви в период Вселенских Соборов. Петроград: Третья Государственная Типография, 1918.
2. Максимович К.А. *Церковные новеллы императора Юстиниана I (527–565 гг.) в современном русском переводе: Из опыта работы над проектом* // ВПСТГУ. Богословие и философия. 2007. Вып. 1 (17).
3. Максимович К. А. *Церковь и государство в Римской империи при Константине Великом (307-337 гг.) и в современной России (опыт сопоставления)* // Румянцевские чтения. Государство и церковь: конституционно-правовые и богословские проблемы. Материалы круглого стола в Российском торгово-экономическом университете 23 апреля 2009 г. М., 2009.
4. Милаш, Никодим. *Грчко-римско законодавство о црквеној имовини*. Досетије Обрадовић, Београд 1908.
5. JUSTINIAN. *The Digest of Justinian*. Trans. Charles Henry Monro. Cambridge : Cambridge at the University Press, 1904.
6. Joannes MOSCHUS, *Pratum spirituale* // PG 87. III. Col. 2855—3112.
7. Rhee, A. A Patristic View of Wealth and Possessions. *Ex Auditu: An International Journal of Theological Interpretation of Scripture* 27, 2012.
8. SCHAFF, P. *Nicene and Post-Nicene Fathers*. Second Series: The Seven Ecumenical Councils, vol. 14. New York: Cosimo, 2007.
9. SHAHID, I. *Byzantium and the Arabs in the Fourth Century*. Dumbarton Oaks, 1984.
10. TOMAS, J. P., THOMAS, J. Pr. *Private Religious Foundations in the Byzantine Empire*. Dumbarton Oaks, 1987.
11. *History of the Patriarchs of the Coptic Church of Alexandria*. Ed. and trans. B. Evetts, PO I. Paris, 1907.

РЕГИОНАЛЬНЫЕ МОЛОДЕЖНЫЕ ОБЪЕДИНЕНИЯ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ: ПРАВОВЫЕ ОСНОВЫ ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ И ОСОБЕННОСТИ РАЗВИТИЯ¹

REGIONAL YOUTH ASSOCIATIONS IN MODERN RUSSIA: THE LEGAL FRAMEWORK OF FUNCTIONING AND FEATURES OF DEVELOPMENT

Ольга В. Попова

Доктор политических наук, кандидат социологических наук профессор, заведующий кафедрой политических институтов и прикладных политических исследований факультета политологии Санкт-Петербургского государственного университета (Россия, Санкт-Петербурге)

Olga V. Popova

*Doctor in Political Sciences, PhD in Sociological Sciences, Professor
Head of the Department of Political Institutions and Applied Political Studies, Faculty of Political science, St. Petersburg State University (Russia, St. Petersburg)*

Аннотация: В докладе обозначены основные проблемы развития региональных молодежных объединений — организаций и движений — в современной России. В тексте представлена типология молодежных объединений на примере организаций Санкт-Петербурга и Ленинградской области, дана характеристика основных тенденций их развития, выявлены возможности и ограничения, определяемые действующим федеральным и региональным законодательством. Поставлены вопросы, связанные с регламентацией деятельности молодежных региональных объединений офлайн и онлайн, обозначены системные характеристики сетевого гражданского активизма, выявлены особенности политической мобилизации участников молодежных объединений и развития такого социально значимого направления, как волонтерская деятельность. Обсуждены перспективы политической карьеры активистов региональных молодежных общественно-политических объединений.

Ключевые слова: молодежь, молодежные объединения, молодежное лидерство, Россия, гражданский активизм, гражданское общество, волонтерское движение, политическая мобилизация, деятельность онлайн и офлайн, политическая карьера, молодежное

¹ Доклад на конференцию подготовлен в рамках реализации и при финансовой поддержке Гранта РФФИ 18-011-01184 «Потенциал молодежного политического лидерства в ходе политической социализации и циркуляции элит в российских регионах в 2010-е годы (на примере Юго-Западной Сибири и Северо-Запада РФ)».

политическое лидерство, юридическая регламентация деятельности молодежных объединений, региональные политические процессы

Abstract: A report identifies main problems in a development of regional youth associations (organizations and movements) in modern Russia. A text presents a typology of youth associations on an example of organizations in St. Petersburg and the Leningrad Region, describes main trends in their development, and identifies opportunities and limitations determined by the current federal and regional legislation. Issues related to a regulation of youth regional associations activities offline and online were raised, system characteristics of network civic activism were identified, political mobilization features of youth associations participants and a volunteer activity development were revealed. Prospects for a political career of activists of regional youth socio-political associations were discussed.

Keywords: youth, youth associations, youth leadership, Russia, civic activism, civil society, volunteer movement, political mobilization, online and offline activities, political career, youth political leadership, legal regulation of youth associations activities, regional political processes

Социально-демографическая группа молодежи, к которой относят население в возрасте от 14 до 30 лет, на протяжении десятилетий остается объектом многочисленных исследований целого ряда наук — психологии, юриспруденции, социологии, политологии и т.д. Проблемы развития молодежных объединений традиционно становятся более популярной темой исследовательских изысканий в периоды роста гражданского активизма молодежи, повышения внимания органов власти к качеству реализации государственной молодежной политики, усиления внимания политических акторов и СМИ к моделям политической ресоциализации новых поколений².

Внимание на функционировании в субъектах РФ организациях и движениях позволяет наиболее точно охарактеризовать состояние молодежных объединений в стране в целом, поскольку происходящие в институционализированных формах гражданского общества процессы «на местах» максимально полно характеризуют ситуацию в целом, позволяя увидеть формирующиеся тенденции, перспективы и обнаружить «узкие места» в развитии этих структур гражданского общества³. Целью данной статьи является характеристика состояния и развития молодежных региональных объединений и движений в Российской Федерации на основе сформированной системы законодательных актов на примере Санкт-Петербурга и Ленинградской области. Данные регионы РФ были выбраны не случайно. Санкт-Петербург уникален; это — город федерального подчинения, самостоятельный субъект федерации, мегаполис европейского типа с населением свыше 5

² СМИРНОВ, В. А. 2008. Молодежные общественные объединения как субъект региональной молодежной политики. Вестник тамбовского университета. Серия : Гуманитарные науки. Социология. 2008, N 2 (58), стр. 510–517. ISSN 1810-0201.

ЧЕРНЫХ, Н. В. 2008. Молодежные организации как акторы взаимодействия власти и формирующегося гражданского общества России. Диссертация ... канд. полит. наук. Ростов н/Д., 2008. 163 с.

³ ГУСЕВ, Е. В. Институциональная характеристика молодежных общественных организаций Санкт-Петербурга в условиях транзитивного общества. Современные проблемы науки и образования. 2013, N 1. URL: <http://science-education.ru/ru/article/view?id=7755> (дата обращения: 28. 11. 2018). ISSN 2070-7428.

млн человек, в котором в огромном количестве вузов учатся представители практически всех регионов страны. Ленинградская область — находящийся в зоне рискованного земледелия в настоящее время преимущественно промышленный регион, по отношению к которому Санкт-Петербург играет роль своего рода «пылесоса», предоставляя молодежи (в том числе и из этого соседнего региона) перспективные места для обучения и работы. Представляется интересной исследовательской задачей выяснить, как в подобной «связке» могут развиваться молодежные организации регионального уровня.

В рамках данного доклада будут обсуждены следующие вопросы: теории, типологии и функции молодежных общественных объединений, сформированность системы законодательных актов в РФ, регламентирующих работу молодежных объединений, и их соответствие нормам международных конвенций/деклараций, особенности функционирования региональных молодежных объединений в современной России на примере 2-х регионов РФ.

Согласно официальным данным Росстата (см. Таблицу 1), численность молодежи в постсоветской России постоянно уменьшается и в абсолютных числах, и в относительном исчислении к общему числу граждан Российской Федерации. Если в 2002 г. в стране насчитывалось 34 млн 880 тыс. человек, что составляло 24,5 % населения страны, то на начало 2018 г. люди в возрасте от 14 до 30 лет составляли уже только 25 млн 272 тыс. человек, т.е. только 17,6 % населения Российского государства.

Таблица 1: Численность молодежи в России (2002 – 2018 гг., в тыс. человек)

Возраст	2002	2004	2005	2006	2007	2008	2009	2010
15–19	12801	12544	12212	11852	11244	10485	9650	8389
20–24	11466	11870	12081	12098	12298	12457	12389	12169
25–29	10613	10797	10879	11054	11130	11358	11667	11982
Всего	34880	35211	35172	35004	34672	34300	33706	32540
Возраст	2011	2012	2013	2014	2015	2016	2017	2018
15–19	8237	7631	7152	6956	6829	6731	6690	6816
20–24	12122	11599	10849	9971	9293	8445	7828	7336
25–29	12012	12328	12556	12522	12620	12412	11879	11120
Всего	32371	31558	30557	29449	28742	27588	26397	25272

* Источник — данные официальной статистики с сайта Росстат (http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/population/demography/#).

Вместе с тем, численность молодежных региональных объединений в РФ постоянно увеличивается. Если в 2006 г. в стране насчитывалось около 20 тыс. юношеских объединений, то в настоящее время — в 2018 г. их число суммарно превышало уже сотни тысяч. Тем не менее, не более 4,5 – 6 % молодежи вовлечены и являются постоянными членами молодежных объединений, хотя для участия в их мероприятиях и проектах суммарно привлекается до 10 – 15 % молодежи. Большая часть молодежных объединений функционирует

в мегаполисах, крупных промышленных городах, административных центрах субъектов РФ (Москва, Санкт-Петербург, Новосибирск, Екатеринбург, Волгоград, Саратов и т.д.).

Теориями молодежных объединений ученые активно занимаются с 1960-х годов. Первоначальный толчок к их развитию дали методология функционализма, теория систем, концепции новых социальных движений и современная версия теории гражданского общества. К концу XX столетия при всем многообразии подходов четко обозначились 3 основных. Согласно первому подходу, которого придерживаются последователи Т. Парсонса, молодежные объединения следует рассматривать прежде всего как форму выражения молодежной субкультуры. Согласно второму подходу, которого придерживаются последователи Ф. Малера, молодежные объединения — это прежде всего проявление интериоризованной социализации; эти формы организации молодежи следует рассматривать как фактор прогрессивных изменений. Согласно третьему подходу, среди представителей которого можно назвать М. Карвата и В. Милиановского, молодежные объединения следует рассматривать с позиций неoinституционализма как способ артикуляции политических запросов молодежи.

В современной российской научной литературе молодежные объединения определяются как способ самостоятельного участия молодежи в процессе смены и преемственности поколений, освоения и реализации своей социальной субъектности в соответствии с реальным или желаемым социальным статусом (В. А. Луков). Понятно, что не следует брать в расчет попытки отождествлять молодежные объединения с одним только их видом — общественно-политическими.

В современном российском законодательстве еще в 1995 г. в Федеральном законе «Об общественных объединениях» было дано следующее определение этого института. Общественное объединение – «добровольное, самоуправляемое, некоммерческое формирование, созданное по инициативе граждан, объединившихся на основе общности интересов для реализации общих целей, указанных в уставе общественного объединения» (Федеральный закон РФ «Об общественных объединениях», 19. 5. 1995, ст. 5). В такой формулировке эти организации представляются институтами именно гражданского общества, самоуправляемыми, не преследующими коммерческих целей и выражающими интересы именно и только своих членов.

Вместе с тем, как следует из приведенной ниже таблицы (Таблица 2) наиболее распространенной в настоящее время классификации молодежных объединений, на практике далеко не все эти критерии соблюдаются.

Таблица 2 : Типология молодежных объединений.

Критерии	Виды молодежных объединений
территориальный охват	международные; всероссийские; межрегиональные; региональные; локальные;

Критерии	Виды молодежных объединений
тематическая направленность деятельности	политические, в т.ч. патриотические; социальные, в т.ч. благотворительные, волонтерские, экологические; религиозные; спортивные; досуговые, культурные;
Состав	студенческие; профессиональные; общие;
Статус	официально зарегистрированные; незарегистрированные
степень независимости	созданные по инициативе молодежи и управляемые преимущественно представителями этой группы; созданные по инициативе взрослых и функционирующие с их участием; созданные по инициативе государства, политических акторов либо структур гражданского общества и управляемые ими;
отношение к ценностям общества	социально ориентированные; асоциальные;
наличие государственной регистрации	официально зарегистрированные; не имеющие регистрации, но находящиеся под покровительством официальных структур; неформальные объединения, существующие как офлайн, так и онлайн;
приоритетные цели	формирующие систему ценностей; ориентированные на развитие личности; регламентирующие отношения с обществом и государством, защищающие права; предоставляющие услуги;
характер социализации	ориентированные на коллективную деятельность; с социально-индивидуальной направленностью; ориентированные на индивидуальное развитие;
содержание деятельности	связанные с профессиональной подготовкой или личностным развитием; реализующие социальные функции;
разнообразие видов и направлений деятельности	монопрофильные; многопрофильные;
идеологический признак	политические; латентно политизированные (не провозглашающие, но преследующие политические цели); условно внеидеологические;

Организации, созданные по инициативе государства либо общественных структур и управляемые ими в настоящее время среди молодежных объединений, численно доминируют. Следует признать, что в этом случае они утрачивают некоторые признаки институтов гражданского общества.

Молодежные общественные объединения выполняют целый ряд социально и политически значимых функций. В группу функций, относящимся к молодежи как к отдельному социально-демографическому слою, следует включить следующие: социализация молодежи, самореализация молодежи, артикуляция социальных / политических интересов молодежи как социально-демографической группы, формирование навыков коллективных конструктивных действий.

Ряд функций носит безусловно политический характер, а именно: реализация передаваемых государством гражданскому обществу части своих обязанностей, формирование институтов гражданского общества, политическая мобилизация молодежи различными политическими акторами⁴.

Кроме того, развитие общественных организаций, в том числе, молодежных, косвенно можно рассматривать и как индикатор демократизации режима (с определенными оговорками), если социально-ориентированным общественным организациям государственными структурами передается часть их задач.

1 Нормативная база функционирования молодежных общественных объединений в России

Общественные объединения – свободные коллективные образования, осуществляющие взаимодействие гражданского общества и государства, воплощающие международно признанную правовую норму. Свобода ассоциаций рассматривается как составная часть неотъемлемых прав человека.

Российское законодательство, регулирующее функционирование общественных организаций в стране, строго соответствует провозглашенной 10 декабря 1948 г. Генеральной Ассамблеей ООН «Всеобщей Декларации прав человека», принятому 19 декабря 1966 г. Генеральной Ассамблеей ООН «Международному пакту о гражданских и политических правах» и принятой Советом Европы 4 ноября 1950 г. «Европейской Конвенции о защите прав человека и основных свобод».

«Всеобщая Декларация прав человека» фиксирует право на свободу ассоциаций людей: «Каждый человек имеет право на свободу... ассоциаций. Никто не может быть принужден вступать в какую-либо ассоциацию». Ст. 22 «Международного пакта о

⁴ КОТОВА, К.А. Деятельность в региональных молодежных политических организациях: сравнительный анализ форм активности. Знание. Понимание. Умение. 2012, N 4, стр. 307–309. ISSN 1998-9873; ЛЕВШИНА, А. А. Молодежь в политике. Мотивационно-смысловая основа участия молодежи в общественно-политических организациях. LAP LAMBERT Academic Publishing GmbH & Co. KG, 2011, 73 с.

гражданских и политических правах» акцентирует основную функцию свободно создаваемых ассоциаций — защиту интересов: «Каждый человек имеет право на свободу ассоциации с другими, включая право создавать профсоюзы и вступать в таковые для защиты своих интересов».

Ст. 11 «Европейской Конвенции о защите прав человека и основных свобод» регламентирует позицию государства в отношении общественных объединений: «Каждый человек имеет право на... свободу ассоциации с другими, включая право создавать общественные объединения и вступать в таковые для защиты своих интересов. Пользование этими правами не подлежит никаким ограничениям, кроме тех, которые предусматриваются законом и которые необходимы в демократическом обществе в интересах государственной или общественной безопасности, для предотвращения беспорядков и преступлений, для охраны здоровья и нравственности населения или для защиты прав и свобод других лиц».

В настоящее время в Российской Федерации выстроена стройная система законодательных актов федерального уровня, регламентирующая функционирование общественных организаций. Помимо упомянутого выше Федерального закона «Об общественных объединениях» следует назвать принятую в 1993 г. Конституцию Российской Федерации (Ст. 13 ч. 4, Ст. 13 ч. 5, Ст. 19 ч. 2, Ст. 30), Федеральный закон № 99-ФЗ от 5. 5. 2014 г. (ред. от 3. 7. 2016) «О внесении изменений в главу 4 части первой Гражданского кодекса Российской Федерации и о признании утратившими силу отдельных положений законодательных актов Российской Федерации», Федеральный закон от 12. 1. 1996 г. № 7-ФЗ (редакция от 29. 7. 2018) «О некоммерческих организациях» (Гл. 2, Ст. 6), Федеральный закон «О государственной поддержке молодежных и детских общественных объединений» от 28. 6. 1995 г. № 98-ФЗ, Распоряжение Правительства РФ от 29 ноября 2014 г. №2403-р «Об утверждении Основ государственной молодежной политики РФ на период до 2025 г.».

Взаимодействие институтов власти и общественных объединений осуществляется строго в парадигме реализации подписанного от 29 ноября 2014 г. главой правительства РФ Д.А. Медведевым Распоряжения №2403-р «Основы государственной молодёжной политики до 2025 года».

На уровне субъектов Российской Федерации компоненты законодательства по молодежной политике представлены в региональных законах о государственной молодежной политике (они действуют в 86 % субъектов федерации), о государственной поддержке детских и молодежных организаций (действуют в половине регионов России) и региональных комплексных целевых программах по молодежной политике.

Процесс формирования законодательных основ государственной молодежной политики в регионах России завершен. В систему подзаконных актов органов государственной власти субъектов РФ по вопросам регулирования государственной молодежной политики и деятельности региональных молодежных объединений (общее количество их в настоящее время – около 100 000) входят указы (постановления) и распоряжения глав регионов, постановления региональных парламентов, акты высших и других исполнительных органов государственной власти субъектов РФ, акты иных органов государственной власти субъектов РФ, созданных в соответствии с Уставами субъектов РФ.

Можно выделить следующие общие формальные признаки региональных молодежных объединений. Региональные общественные объединения осуществляют свою деятельность на территории одного субъекта федерации. Учредителями, членами и участниками общественных объединений могут быть граждане, достигшие 18 лет, членами молодежных организаций – 14 лет.

Вопросы, затрагивающие интересы общественных объединений, решаются соответствующими органами власти с участием или по согласованию этих структур. При этом не должно допускаться вмешательство государственных органов и должностных лиц в деятельность общественных объединений. Предусмотрено 5 механизмов взаимодействия органов власти с молодежными региональными объединениями: нормативно-правовой, информационный, административно-структурный, политический и финансово-экономический.

Общественные объединения могут регистрировать свои уставы в органах юстиции и приобретать статус юридического лица, либо функционировать без государственной регистрации и без приобретения прав юридического лица. Смысл регистрации – возможность вхождения в реестры молодежных общественных объединений на региональном уровне для получения государственной поддержки и финансирования. В настоящее время пропорция включенных и не включенных в реестры зарегистрированных молодежных объединений составляет 27 % против 73 %.

2 Молодежные региональные объединения в Санкт-Петербурге и Ленинградской области

Анализ региональных молодежных объединений в Санкт-Петербурге и Ленинградской области показал, что студенческие организации составляют 15,2 %, профессионально-ориентированные — 10,6 %, но доминируют общие по составу организации (74,2 %). Организации, посвященные организации культуры, досугу, спорту, составляют 45,5 %. Около 1/3 организаций — социальные, благотворительные, волонтерские (36,4 %), политические и патриотические в сумме составляют 15,2 %, религиозные — 3,0 %. Большинство молодежных организаций имеют свой сайт в интернете (75,8 %), еще у 1,5 % сайт есть, но он не функционирует, не обновляется; 22,7 % не имеют своего официального сайта. Отсутствие официального сайта часто компенсируется наличием аккаунта в социальных сетях; его имеют 63,7 % молодежных региональных организаций в этих двух субъектах федерации.

Профили молодежных объединений самые разные: патриотические (Гражданско-патриотическое движение «Союз юных петербуржцев»), краеведческие (Движение «Юные за возрождение Петербурга»), экологические (Экологическая организация «Друзья Балтики»), волонтерские («Волонтерская служба», «Национальное движение волонтеров имени П.Ф. Лесгафта»), ориентированные на общественные ценности («Союз молодежи и семьи»). Большинство молодежных региональных организаций носят культурно-просветительский характер («Санкт-Петербургский Круглый стол молодежных и детских

объединений», «Мир тесен», Молодежный корейский культурно-просветительский центр, Молодежный клуб «Альбатрос», «МИР («Молодежь, инициатива, развитие»)). Функционируют организации, объединяющие именно студентов («Студенческий клуб Санкт-Петербурга», Межвузовская ассоциация «Покров»).

Есть совершенно уникальные монопрофильные молодежные объединения, например проект «Штандарт», который дает молодежи уникальный шанс обучиться морскому делу и ходить по морям и океанам под парусом. Безусловно, социально значимым является Центр содействия занятости молодежи «Содействие». Отдельные монопрофильные организации ориентированы на формирование нового поколения лидеров («Ассоциация юных лидеров Санкт-Петербурга»), а также помощь и реабилитацию индивидов («Центр взаимной интеграции “Аккорд”», предлагающий помощь на основе иппотерапии).

Численность самых крупных региональных молодежных объединений превышает 20 тыс. человек, но в основном число членов этих организаций находится в диапазоне 3 тыс. – 7 тыс. человек. Наблюдается постепенная интеграция региональных молодежных объединений в структуры более высокого организационного уровня, например Ассоциации студентов Петербурга стала частью международной организации AIESEC, «Союз творческой молодежи» из региональной организации был реорганизован в межрегиональную молодежную организацию.

Интерес исследователей предсказуемо вызывают незарегистрированные молодежные объединения протестного типа, информацию о которых можно получить преимущественно из интернет-сетей. Достаточно типичным для объединений подобного типа является движение «Весна», информацию о котором можно найти в сети «ВКонтакте». Руководители движения предпринимают попытки создания межрегиональной сети подобных групп. В настоящее время общественно-политическое молодежное движение «Весна» представляет из себя немногочисленную группу активистов, в основном студентов, которые критикуют проводимую правительством РФ внутреннюю и внешнюю политику, но при этом стремятся не совершать слишком демонстративных действий. Чаще всего используют такие действия, как мирные митинги, одиночные пикеты, перформативные акции. Периодичность публичных акций и число их участников невысоки. Будущее движения достаточно неопределенно, поскольку предпочитаемый его участниками формат действий, с одной стороны, свидетельствует об ограниченности ресурсов у этого объединения, с другой стороны, ограничивает возможности политического развития. На данный момент движение отмечается умеренной активностью; это касается интенсивности и проведения публичных мероприятий, и мобилизации своих сторонников для участия в публичных акциях, и привлечения в свои ряды новых участников.

3 Мероприятия региональных молодежных объединений

Важнейшей целью проводимых молодежными объединениями мероприятий является проведение конструктивного диалога между различными культурами и субкультурами, что невозможно без обучения техникам межкультурной коммуникации и понимания «другого», «не такого, как ты». Из формально неполитических мероприятий выделяются проекты, направленные на решение проблем экологии; декларируется необходимость правильного отношения к окружающей среде и рационального использования природных ресурсов. Потребности в ведении здорового образа жизни, в образовании и в досуге — приоритетные запросы современного общества и значительной части молодежи. Необходимость просветительской и практической деятельности в этом направлении отчасти решают молодежные объединения.

Помимо агитационных мероприятий, они достаточно часто (безотносительно своего профиля) устраивают различные спортивные соревнования — от турниров по шахматам до чемпионатов различного вида единоборств. Значительная доля мероприятий связана с образовательными программами и стажировками для молодежи (например, программа Global Citizen, позволяющая молодежи за достаточно невысокие деньги познакомиться с жизнью и культурой европейских стран).

Массовое участие населения в организуемых молодежными региональными организациями досуговых мероприятиях позволяет не только хорошо и весело провести свободное от работы и учебы время, но развивает коммуникативные навыки, корректирует ценности и мировоззрение их участников. Так, некоторые мероприятия направлены на воспитание патриотических чувств, пробуждение желания служить Родине, другие — на стимулирование экономической активности и приобщение к сфере предпринимательства, третьи — на формирование жизненных стратегий, связанных с творчеством.

Можно выделить формальный и неформальный тип организации мероприятий. Примерами неформальных мероприятий являются флешмобы и игры, формального — традиционные круглые столы и конференции. По количеству участников мероприятия делятся на массовые и групповые. К массовым можно отнести такие мероприятия, как митинги, акции, флешмобы, публичные лекции, тематические вечера, манифестации, фестивали, спортивные праздники и т.п.

Для участия в массовых мероприятиях достаточно разделять их общую идею и иметь желание участвовать в них. Массовые мероприятия, как правило, имеют менее формализованный характер, нежели групповые. Проводимые молодежными объединениями массовые мероприятия, как правило, ориентированы на участие самых разных социально-демографических групп населения — людей разного возраста, пола, образования, национальности; они не предполагают установление лимитов числа участников.

С точки зрения социальных технологий, мероприятия можно разделить на традиционные и интерактивные. Традиционные технологии включают в себя классические

методы организации мероприятия, предполагают достаточно четкое разделение на организаторов и участников, пассивный характер участия и, как правило, сильнее формализованы. Интерактивные мероприятия ориентированы на активное взаимодействие всех участников мероприятия, нередко с использованием ролевых сценариев. Организаторы в данном случае стремятся «поделиться» активными функциями с участниками. К интерактивным мероприятиям можно отнести игры (например, игра-квест «Бегущий город»), флешмобы (например, «Свежее дыхание» с запуском мыльных пузырей), курсы, тренинги.

По критерию продолжительности мероприятия делятся на длительные и краткосрочные. К длительным мероприятиям можно отнести военные слеты, лагеря, конкурсы, фестивали, конференции, которые длятся больше одного дня. Как правило, краткосрочными являются игры и флешмобы.

По технологии организации мероприятия можно разделить на информационные и ориентированные на деятельность (проекты). Информационные мероприятия предоставляют новые сведения, дают возможность произвести обмен навыками и знаниями. Ориентированные на деятельность (проекты) мероприятия больше нацелены на практику, на активное участие в жизни общества, например на оказание конкретной помощи конкретным людям или организациям. Чаще всего такие мероприятия проводятся в виде благотворительных акций, вечеров, волонтерских проектов, организации системной социальной помощи и т.д.

По месту проведения выделяются мероприятия, проходящие на открытом месте и в закрытом помещении. Примеры мероприятий на открытом месте — большинство спортивных соревнований, военные слеты, летние и зимние лагеря и др.; мероприятия в закрытом помещении — конференции, круглые столы, тренинги и т.п.

Отметим, что при таком многообразии спектра возможных мероприятий на практике региональные молодежные организации ограничиваются 3–4. Почти на половине сайтов этих структур информация о проводимых ими мероприятиях вообще отсутствует.

4 Особенности функционирования и тенденции развития региональных молодежных объединений

Несмотря на значительное число региональных молодежных организаций, можно говорить об определенной тенденции к стагнации.

Молодежь предпочитает проявлять свою активность в менее структурированных, не требующих выполнения каких-либо обязательств, не предполагающих личной ответственности формах. Официально признанные (в том числе зарегистрированные в соответствии с требованиями действующего законодательства) молодежные общественные объединения как канал самореализации, проявления гражданского активизма и гражданской ответственности не являются привлекательными для молодых людей.

Ассоциации молодежных объединений «зонтичного типа» остаются привлекательными для молодежных структур более низкого территориального уровня (всероссийские — для региональных, региональные — для локальных и т.д.).

Молодежные организации и объединения самым фактом своего существования и деятельностью сделали заявку на определенное место в формирующемся в России гражданском обществе, но в полной мере пока не стали его институтами, предпочитая в отношениях с органами власти позицию «клиент» по отношению к «патрону».

Следует отметить отсутствие активно развивающихся интернет-ресурсов у значительной части молодежных региональных объединений; прежде всего это касается официальных сайтов организаций; группы этих структур в социальных сетях решают проблему лишь частично.

Налицо значительный дефицит важной информации, которая должна быть общедоступной и объективно отражающей деятельность организаций. Например, сведения о фактической численности недоступны у 2/3 молодежных организаций.

Анализ информации о деятельности молодежных объединений, опубликованной на их интернет-ресурсах, показал высокую степень автономности отдельных проектов. Модальной является практика реализации самостоятельно организованных мероприятий (84 % исследованных мероприятий), тогда как практики кооперации общественно значимых проектов и взаимной поддержки встречаются значительно реже. Достаточно высока (60 % мероприятий) частота применения традиционных социальных технологий, подразумевающих значительную ролевую дистанцию между организаторами и участниками, пассивность последних и одностороннюю коммуникацию. Применение интерактивных форматов деятельности также далеко не всегда удачно, в частности, вызывает сомнение эффективность получивших популярность в молодежной среде «флэшмобов», фактическое содержание которых, например массовый запуск мыльных пузырей, объятия и т.п., достаточно сложно связать с целями деятельности молодежного объединения.

Квазиэкспертную информированность о работе молодежных региональных объединений демонстрирует 10 – 12 % молодежи, что в принципе достаточно для рекрутирования актива общественных проектов. 20 – 25 % представителей молодежи являются носителями незаинтересованного «фонового» знания о функционировании молодежных объединений. Этот сегмент можно мобилизовать для участия в проектах региональных молодежных объединений при условии установления связи между потребностями и запросами молодых людей и деятельностью организаций. Одна из проблем информированности российской молодежи заключается в распространении эффекта «моноинформированности», когда человек знает какое-то единственное общественное объединение. Такая информационная ориентация на уникальный субъект общественной сферы тормозит восприятие нового знания, ведет к снижению оценки значимости общественных объединений и демотивирует готовность участвовать в работе молодежных объединений.

Большинство молодежных региональных объединений упускает значительную часть своих потенциальных сторонников и членов, не предлагая им адекватный формат включения в свою деятельность. При этом потенциальные сторонники тяготеют к

объединениям-лидерам. Это свидетельствует о рациональных и даже прагматических установках молодежи, которая в большинстве своем не столько стремится к самовыражению или борьбе за идею, сколько пытается использовать определенный тип социальной и политической карьеры.

В завершение отметим следующие особенности функционирования региональных молодежных объединений в РФ. Во-первых, в плане возможностей своего развития наблюдается доминирование организаций, созданных «сверху». Во-вторых, наблюдается приоритет финансовой, технической и информационной поддержки объединений федерального уровня в ущерб региональным. В-третьих, региональные власти заинтересованы в поддержке преимущественно социально-ориентированных и патриотических молодежных объединений, что на практике означает частичное делегирование своих обязанностей и ресурсов гражданскому обществу. В-четвертых, наряду с поддержкой социально-ориентируемых молодежных организаций в последние 5 – 7 лет в молодежных организациях наблюдается приоритетное развитие волонтерских практик. Кроме того, следует отметить постепенное расширение практик финансирования не только социально-ориентированных, но и религиозных молодежных организаций за счет государственных грантов НКО, а также спонсорской помощи «третьими лицами».

ЛИТЕРАТУРА

1. GUSEV, Ye.V. *Institutsional'naya kharakteristika molodezhnykh obshchestvennykh organizatsiy Sankt-Peterburga v usloviyakh tranzitivnogo obshchestva. Sovremennyye problemy nauki i obrazovaniya*. 2013, N 1. URL: <http://science-education.ru/ru/article/view?id=7755> (data obrashcheniya: 28. 11. 2018). ISSN 2070-7428
2. KOTOVA, K.A. *Deyatel'nost' v regional'nykh molodezhnykh politicheskikh organizatsiyakh: sravnitel'nyy analiz form aktivnosti. Znaniye. Ponimaniye. Umeniye*. 2012, N 4, str. 307–309. ISSN 1998-9873
3. LEVSHINA, A. A. *Molodezh' v politike. Motivatsionno-smyslovaya osnova uchastiya molodezhi v obshchestvenno-politicheskikh organizatsiyakh*. LAP LAMBERT Academic Publishing GmbH & Co. KG, 2011, 73 с.
4. SMIRNOV, V.A. *Molodezhnyye obshchestvennyye ob'yedineniya kak sub'yekt regional'noy molodezhnoy politiki. Vestnik tambovskogo universiteta. Seriya: Gumanitarnyye nauki. Sotsiologiya*. 2008, N 2 (58), str. 510–517. ISSN 1810-0201
5. CHERNYKH, N. V. *Molodezhnyye organizatsii kak aktory vzaimodeystviya vlasti i formiruyushchegosya grazhdanskogo obshchestva Rossii. Disertatsiya ... kand. polit. nauk. Rostov n/D., 2008, 163 с.*

КОНЦЕПЦИЯ БРЕНДА: ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ

CONCEPT OF BRAND: PROBLEMS AND PROSPECTS OF DEVELOPMENT

Екатерина С. Жук

кандидат экономических наук доцент кафедры маркетинга и коммуникаций в бизнесе факультета управления ЮФУ, Ростов-на-Дону

Максим А. Кузнецов

аспирант факультета управления ЮФУ, Ростов-на-Дону

Ekaterina S. Zhuk

Candidate of Economic Sciences Associate Professor of the Department of Marketing and Communications in Business of the Faculty of Management SFedU, Rostov-on-Don

Maksim A. Kuznecov

Postgraduate Student Faculty of Management SFedU, Rostov-on-Don

Аннотация: В современных условиях, когда на потребителя обрушивается огромный массив информации, которую очень сложно обработать и сделать выбор в процессе принятия решения о покупке перед производителями встает проблема выбора объекта в экономическом и правовом полях относительно которого будут использованы технологии воздействия на сознание потребителя с целью формирования его лояльности. Возникает вопросы, какой объект необходимо позиционировать на рынке: бренд или товар? Или это уместно для всех объектов. В тоже время в огромном количестве научного материала по маркетингу до сих пор не дается точного определения сущности позиционирования товара, позиционирования бренда, рассматривая данные процессы как субституты, взаимозаменяемые понятия, синонимы.

Ключевые слова: товар, бренд, брендинг, позиционирование объекта

Abstract: In modern conditions, when a huge amount of information collapses on the consumer, which is very difficult to process and make a choice in the process of making a purchasing decision before the producers, the problem arises of choosing an object in the economic and legal fields with respect to which the technologies of influence on the consumer's consciousness will be used to form his loyalty. There are questions, which object should be positioned in the market: brand or product? Or it is appropriate for all objects. At the same time, in a huge amount of scientific material on marketing, there is still no precise definition of the essence of product positioning, brand positioning, considering these processes as substitutes, interchangeable concepts, synonyms.

Keywords: product, brand, branding, object positioning

На современном этапе развития экономики и общества с целью определения ключевых отличительных свойств, позволяющих выделиться из массы однотипной продукции

(процесс превращения из товара-дженирика в бренд) объекту необходимо пройти процесс позиционирования для выявления стратегической позиции на избранном целевом рынке (сегменте) с последующим закреплением в сознание человека. В этих условиях встает вопрос первостепенности объекта позиционирования, что является первичнее в современных условиях, бренд или товар; в чем специфические условия выбора объекта для проведения процесса позиционирования.

Для ответа на указанные вопросы обратимся к концепциям экономической теории и маркетинга по проблеме выявления сущности товара.

Акцентирование внимания на концепциях экономической теории при изучении сущности товара связано с тем, что в рамках подходов экономической теории определяются свойства товара, которые позволят выявить специфические свойства бренда и определить их взаимосвязь и первостепенность в современном обществе.

В концепциях экономистов-теоретиков вопрос сущности товара рассматривался с точки зрения создания его стоимости и труда, затраченного на его производства (В. Петти, А. Смит, Рикардо), как внешнему предмету, который удовлетворяет какие-либо человеческие потребности в силу его свойств (К. Маркс), благо, предназначенное для обмена, в основе которого лежит не трудовая теория стоимости, а полезность (К. Менгер, Бен-Баверик, Визер).

Исходя из данных теорий, выделяются следующие свойства товара: потребительская стоимость (полезность товара, способность удовлетворить ту или иную потребность), стоимость (то, во что обходится производство товара и его реализация), меновая стоимость (количественное соотношение, в котором один товар обменивается на другой), цена (денежное выражение меновой стоимости товара), полезность (выгода, получаемая или ожидаемая от товара), ценность (индивидуальная или массовая оценка степени полезности товара для удовлетворения различных типов потребностей человека, фирмы или страны) [8].

Однако необходимо помнить, что в период возникновения подходов экономической теории к пониманию сущности товара, ученые рассматривали товар в его физическом проявлении, определяли количество и степень сложности, затраченного на него труда, качественные характеристики товара, способные удовлетворить потребность человека, степень его полезности и выгоды, которые он несет. То есть изучались главные условия позволяющие продукту стать товаром.

Производители и продавцы акцентировали внимание на свойствах товара, которые были бы полезны потребителю, уделяя внимание только низшим уровням Пирамиды потребностей Маслоу. Отсутствие развитой системы обмена информацией и коммуникаций, низкий уровень развития технологий позволяли производить для массового пользователя простые товары, удовлетворяющие его физические потребности и только в некоторых случаях – социальные (престижное потребление), однако уже в этом случае люди наделяют товар символической полезностью.

Все перечисленные свойства являются базовыми понятиями для развития теории маркетинга и маркетингового подхода к пониманию сущности товара. С развитием технологий, сокращением времени жизненного цикла товара, возможностью быстрого копирования товаров, развитием логистики и коммуникаций рынок заполнился огромным количеством однообразной, схожей продукцией, рынки стали высоконцентрированными,

высоконкурентными. В этой ситуации товар стал рассматриваться не просто, как благо, удовлетворяющее нужды и потребности через присущие ему утилитарные и функциональные качества, а через возможности, которые получает потребитель при его потреблении. Возможности удовлетворения, как первичных, так и вторичных потребностей.

В этом случае товар рассматривается не как отдельная характеристика, позволяющая удовлетворить единичную потребность, а как целостный объект, состоящий из комбинации характеристик, что способствует формированию комбинированного отношения потребителей к отдельным характеристикам товара.

В маркетинге под характеристикой (атрибутом) понимается любой атрибут, свойственный или приписываемый кому-либо или чему-либо.

Следовательно, в теории маркетинга основной упор сделан на изучении характеристики товара, определении степени их важности, влияния и выделенности, и оценки влияния данных характеристик на принятие решения о покупке у потребителей.

Исходя из данного подхода, товар в маркетинге, как правило, представляется, как многослойная иерархия атрибутов, в центре которого лежит базовое благо.

На базе упомянутого положения было построено множество маркетинговых теорий товара, в числе которых: многоуровневая модель Ф.Котлера, многоуровневая интегральная модель товара, модель мультиатрибутивного товара Ж.Ж.Ламбена.

Модель Ф.Котлера основывается на положении получения выгоды для потребителей от приобретения товара, на основе которого и строится многоуровневая модель товара, предполагающая существование трех уровней [13]:

1. **Обобщенный или основной продукт** – важнейшие блага, которые желает получить потребитель (идея продукта).
2. **Фактический продукт** – физическая сущность продукта. Он может обладать пятью характеристиками: уровнем качества; набором свойств; специфическим оформлением; марочным названием; упаковкой.
3. **Расширенный продукт** – это совокупность обобщенного продукта, фактического продукта и дополнительных услуг и льгот, таких как надежные поставки и кредитование, послепродажное обслуживание, гарантии качества, которые дополняют продукт и облегчают его реализацию.

В дальнейшем Ф. Котлер пересмотрел модель и предложил многоуровневую интегральную модель товара. Первый уровень – ключевая ценность – основная услуга или преимущество, которое приобретает потребитель. Этот уровень в данном варианте модели полностью дублируется в подходе Ж.Ж.Ламбена. Оба автора предполагают, что приобретает продукт, покупатель приобретает услугу, например, покупая автомобиль, потребитель оплачивает услугу передвижения на транспортном средстве, подушку – комфортный сон и т.д. Второй уровень – основной товар; третий уровень – ожидаемый товар – набор характерных признаков и условий, который потребитель обычно ожидает и на которые соглашается при покупке данного товара; четвертый уровень – улучшенный товар – товар, отвечающий потребностям сверх обычных ожиданий; пятый уровень – потенциальный товар – улучшения и трансформации, которые, возможно, претерпит существующий товар в будущем.

В рамках модели Ф.Котлера первостепенным является выгода от потребления блага, автор не относит бренд/образ к свойствам товара, а используются всего лишь его отдельные элементы, такие как упаковка, марочное название, оформление.

Идея Ф.Котлера была развита в рамках многоуровневой модели товара В.Благоева [14]. В отличие от предшественника ученый выделял четыре уровня. Первый уровень – основное предназначение товара – потребность, которую он удовлетворяет; второй уровень – определенные физические характеристики товара (качество, специальные характеристики, марка, стиль, упаковка); третий уровень – расширенные характеристики, добавляющие потребительскую стоимость товара «в нематериальном виде» (поставка в кредит, цена, установка, сервис, гарантии); четвертый уровень – характеристики, связанные с личными особенностями потребителя, которые имеют очень большое значение для позиционирования товара на рынке (общественное признание, преимущество перед конкурентами, новые перспективы, самочувствие). По мнению Благоева, этот уровень важен для правильного позиционирования товара на рынке: «Ничто так сильно не влияет на потребителя, как ощущение, что «совершается хорошая сделка» [5].

Модель мультиатрибутивного товара Ж.Ж.Ламбена базируется на концепциях новой экономической теории поведения потребителей (Аббат, Ланкастер, Беккер). Модель Ж.Ж.Ламбена является базовой для проведения сегментирования и позиционирования - концептуальных составляющих стратегического маркетинга.

Основополагающими идеями модели мультиатрибутивного товара являются следующие [15]:

Во-первых, в процессе принятия решения о покупке потребитель осуществляется выбор в сторону не товара, а услуги, которую он ожидает получить от его потребления или решить проблему с ее помощью.

Во-вторых, удовлетворение одной потребности может быть осуществлено различными товарами.

В-третьих, каждый товар представляет собой совокупность атрибутов или свойств, т.е. он состоит из базовой «ядерной услуги», представляющей собой базовую функциональную ценность/полезность и дополнительные услуги, которые формируют вторичную полезность различной природы. Они могут быть как объективными, так и продуктами восприятия. Исходя из данного положения, Ж.Ж.Ламбен относит бренд к добавленным услугам, т.е. он является оболочкой базового продукта, второстепенным элементом. В этом случае компания, исходя из собственных умозаключений, может избрать путь определения позиции относительно какого-либо атрибута, в том числе и бренда.

В-четвертых, различные потребности могут удовлетворяться одним и тем же товаром. Это связано с тем, что товар может выступать в четырех состояниях: родовой товар, представляющий собой родовую услугу, обеспечиваемую товаром; осязаемый товар, сопутствующий родовому товару и, проявляющейся в виде сроков поставки, сервиса и образа; товар с подкреплением в виде дополнительной услуги, которая может сформировать ключевые отличительные свойства товара по отношению к конкуренту; потенциальный товар выражающейся в потенциале достижения привлечения и создания лояльных клиентов.

Представленные маркетинговые подходы понимания сущности товара иллюстрируют, что, во-первых, в современных условиях на рынок предлагается товар в новом его проявлении – «товар-услуга», который в случае окружения его историей/идеями

(бренди́рование) превращается в «товар-явление», исследование которого уже не ограничивается рамками экономической теории.

Появления новой формы товара в виде «товар-услуга» объясняется тем, что если раньше предполагалось различие по форме потребления между товаром материальной формы и услуги (процесс потребления товаров материальной формы заключается в том, что потребитель покупает набор выгод, сосредоточенных в товаре, который уносит с собой для потребления, в отличие от услуги, в процессе покупки которой потребитель покупает набор выгод, сосредоточенных в процессе взаимодействия с тем, кто оказывает услугу, и которые нельзя унести с собой [16]), то теперь оно отсутствует. Так, покупая автомобиль, вы покупаете не только средство передвижения с его физическими характеристиками, но и сервисное обслуживание, кредитные условия, гарантию, статус. В современных условиях потребитель получает комплексное предложение из товаров материальной формы и услуг. Данное комплексное предложение можно представить как совокупность элементов: 1) сам продукт (его физические свойства); 2) сервисное обслуживание; 3) информационные и коммуникационные характеристики (имидж, известность, бренд); 4) цена предложения и условия оплаты (финансовые характеристики); 5) технология потребления продукта, перерастающая в устойчивую массовую форму потребительского поведения – «социальный конструктор».

Во-вторых, у маркетологов отсутствует единый подход к пониманию сущности бренда, как атрибута товара. В отличие от Ж.Ж.Ламбена, который рассматривает бренд, как характеристику (определение отличительных свойств, достоинств и недостатков) товара, его атрибут, относительно которого можно произвести позиционирование, Ф.Котлер не относит его к свойствам товара, а используются всего лишь его отдельные элементы. Третий подход рассматривает бренд, как более широкое понятие, включающее в себя товар. «Товар представляет собой ту основу, на которой формируется бренд. Товар призван удовлетворять конкретные потребности; бренд же не является материальным и призван формировать у потребителей положительное восприятие» [12].

Следовательно, понятие бренд многогранно и может неоднозначно трактоваться различными исследователями. В связи с этим возникает необходимость в установлении такого определения, которое бы максимально отражало суть рассматриваемого явления в разрезе проблемы дифференциации концепции и концепта. Проведём компаративный анализ нескольких определений.

Итак, по мнению К. Бове [6] «бренд представляет собой набор утилитарных и символических ценностей, предназначенных для удовлетворения функциональных, социальных, психологических, экономических и прочих нужд потребителя». Сложно спорить, что данное определение описывает сущность бренда, однако с момента его появления прошло уже более 20 лет. За это время понятие «бренд» успело значительно преобразиться. Тем не менее, слова «бренд» и «ценности» по-прежнему стоят очень близко даже в современных трактовках данного понятия.

Так, например, Д. Огилви в своей работе «Огилви о рекламе» [17] пишет, что «бренд – это неосознаемая сумма свойств продукта: его имени, упаковки и цены, его истории, репутации и способа рекламирования. Бренд так же является сочетанием впечатления, которое он производит на потребителей и результатом их опыта в использовании

бренда». Как можно заметить, теперь бренд понимается не только как совокупность представлений потребителей о самом продукте, но и о его истории, репутации, упаковке, цене и даже способе рекламирования. Это говорит о том, что понятие «бренд» интегрировалось в современную рыночную экономику настолько, что на сегодняшний день бренды являются не просто трансляторами ценностей организаций, а психологическими инструментами побуждения потребителя к покупке.

Ещё одним хорошим примером определения бренда считается трактовка, представленная Д. Аакером в книге «Создание сильных брендов» [1], где говорится о том, что «бренд – это самостоятельная ценность, масштаб которой можно определить дополнительной гарантированной экономией её расходов. Набор качеств, связанный с именем бренда и символ, который усиливает (или ослабляет) ценность продукта или услуги, предлагаемых под этим символом». Ключевым отличием данного подхода является представление бренда в качестве самостоятельной ценности организации, а не проводника её ценностей для потребителей. Но, хотя сам по себе бренд, бесспорно, ценен, данная ценность как раз и заключается в способности олицетворять основные принципы деятельности компании в сознании потребителей, обеспечивая тем самым контакт потребителя и организации, выраженный в покупке продукта.

Что же касается общепринятого определения бренда, то специалисты сходятся во мнении, что на сегодняшний день наилучшим примером такового можно считать формулировку, предложенную Американской маркетинговой ассоциацией (AmericanMarketingAssociation), которая гласит, что «бренд – это название, термин, знак, символ и дизайн, а также их комбинации, которые предназначены для идентификации товаров или услуг одного продавца или группы продавцов и для дифференциации их от товаров и услуг конкурентов». Однако вполне очевидно, что, несмотря на свою распространённость, данное определение имеет существенный недостаток, заключающийся в чрезмерной концентрации на продуктах и, как следствие, полном исключении из него двух важнейших факторов.

Первый фактор, нераскрытый в определении заключается в том, что бренд – это образ в сознании человека. Бренды, как таковые, существуют исключительно в человеческом сознании, а не в реальном мире, потому что являются совокупностью эмоций, испытанных потребителем до, во время, и после контакта с продуктом или организацией.

Второй немаловажный фактор – это восприятие потребителем. Вполне очевидно, что даже в случаях, когда организация несёт определённый посыл в своём бренде, этот посыл, и, как следствие, сам бренд воспринимаются разными людьми по-разному в зависимости от черт характера, темперамента, привычек, жизненного опыта и т.д. Подтверждением этому тезису служит создание многими ведущими организациями нескольких торговых марок с целью дифференциации потребителей и более широкого охвата рынка. Например, компании Procter&Gamble сегодня принадлежат такие бренды стиральных порошков, как «Tide», «Ariel» и «Миф». Известно, что на развитие и продвижение каждого из этих брендов ушли миллионы долларов, но зачем организации тратить такие суммы, если можно выпустить один порошок и сделать из него сильный бренд? Ответ на этот вопрос как раз и заключается в чётком понимании того, что один бренд будет восприниматься людьми по-разному, а среди нескольких торговых марок любой потребитель обязательно найдёт что-то по душе.

Таким образом, определение, данное Американской маркетинговой ассоциацией, является поверхностным и неполным, так как представляет бренд только со стороны продукта.

Одним из наиболее удачных является определение бренда, представленное украинской компанией BrandAid: «бренд – это последовательный набор функциональных, эмоциональных, психологических и социальных обещаний целевому потребителю, которые являются для него уникальными и значимыми и наилучшим образом отвечают его потребностям» [19].

Преимуществом определения перед другими является своеобразное раскрытие природы бренда, который здесь представлен в качестве последовательного набора обещаний, что вполне обосновано, ведь любая организация стремится воздействовать на потребителя с помощью обещаний, выраженных в той или иной форме.

Итак, в ходе данного исследования было представлено пять определений понятия «бренд». Каждое из них опирается на определённые исследователями ключевые характеристики, часть из которых может быть отражена в концепции бренда, в то время как другая – в концепте.

Таблица 1: Сравнение определений понятия «бренд» по объекту исследования

	Соотносится с концепцией	Соотносится с концептом
Определение понятия «бренд»	<i>Бренд</i> представляет собой набор утилитарных и символических ценностей, предназначенных для удовлетворения функциональных, социальных, психологических, экономических и прочих нужд потребителя (К. Бове).	<i>Бренд</i> – это неосознаваемая сумма свойств продукта: его имени, упаковки и цены, его истории, репутации и способа рекламирования. Бренд так же является сочетанием впечатления, которое он производит на потребителей и результатом их опыта в использовании бренда (Д. Огилви).
	<i>Бренд</i> – это последовательный набор функциональных, эмоциональных, психологических и социальных обещаний целевому потребителю, которые являются для него уникальными и значимыми и наилучшим образом отвечают его потребностям (BrandAid).	<i>Бренд</i> – это название, термин, знак, символ и дизайн, а также их комбинации, которые предназначены для идентификации товаров или услуг одного продавца или группы продавцов и для дифференциации их от товаров и услуг конкурентов (АМА).
	<i>Бренд</i> – это самостоятельная ценность, масштаб которой можно определить дополнительной гарантированной экономией её расходов. Набор качеств, связанный с именем бренда и символ, который усиливает (или ослабляет) ценность продукта или услуги, предлагаемых под этим символом (Д. Аакер).	

Анализируя представленную таблицу, можно отметить, что объекты определения понятия «бренд» лежат в областях различных наук, а именно психологии и экономики. Так, например, объекты определений К. Бове и компании BrandAid (см. Таблицу 1) явно

лежат в области психологии, так как понятия «ценности» и «обещания» пристально изучаются именно в этой науке. В то же время объектами определения Американской маркетинговой ассоциации (см. Таблицу 1) являются комбинации названия, термина, символа, знака и дизайна продукта. В свою очередь, все перечисленные понятия рассматриваются, прежде всего, теоретиками маркетинга, который является неотъемлемой частью экономической науки.

Что же касается соотнесения данных определений с концепцией и концептом, то очевидно, что те определения, которые представляют природу бренда наиболее полно могут быть, прежде всего, соотнесены с концепцией, так как уже было установлено, что понятие «концепция бренда» шире, чем «концепт бренда». В то же время определения, представляющие бренд исключительно как набор отдельных свойств и их функций, ближе к концепту, так как именно в рамках данного понятия рассматриваются отдельные составляющие айдентики бренда, а также их совокупность, способная влиять на состояние потребителя.

Отдельно остановимся на определении Д. Аакера. Оно, по сути, содержит два объекта (см. Таблицу 1), что лишний раз доказывает факт неоднородности природы бренда. Интересно, что автор в своём определении пытается представить бренд как синтетическое, интегративное понятие, лежащее одновременно в областях различных наук и являющееся синтезом концепции и концепта. Думается, что именно такой подход к определению понятия является верным, так как предоставляет наиболее исчерпывающие сведения о функциональных и утилитарных особенностях бренда.

На основании представленных определений и подходов было решено разработать собственное, так как для исчерпывающего понимания многообразия сущности бренда в разрезе представлений о концепции и концепте требуется объединение ключевых свойств, представленных в предыдущих определениях. Итак, *бренд – это совокупность функциональных, эмоциональных, психологических и социальных обещаний, данных целевому потребителю посредством названия, символа, дизайна, упаковки и репутации компании или продукта, служащих для удовлетворения его потребностей и предназначенных для идентификации товаров, и услуг организации, а также отстройки от конкурентов.*

С целью идентификации дифиниций «бренд» и «товар» произведем сравнительный анализ свойств товара и бренда.

Таблица 2: Сравнительный анализ свойств и признаков товара и бренда [4; 7; 9; 11; 18]

Признаки Товара (дженерика)	Свойства Товара (дженерика)	Признаки Бренда	Свойства Бренда
Способен удовлетворять потребности	Потребительская стоимость (полезность товара, способность удовлетворить ту или иную потребность)	Способен удовлетворять потребности второго порядка	Символическая стоимость (способность удовлетворить потребность в дифференциации, принадлежности к конкретной группе)

Признаки Товара (дженерика)	Свойства Товара (дженерика)	Признаки Бренда	Свойства Бренда
Результат труда	Стоимость (то, во что обходится производство товара и его реализация)	Результат труда	Стоимость (то, во что обходится создания бренда и его продвижение)
Предназначен для продажи или обмена	Меновая стоимость (количественное соотношение, в котором один товар обменивается на другой)	Предназначен для дифференциации товарного предложения (индивидуальность и идентичность бренда)	Входит в структуру меновой стоимости (в структуре меновых стоимостей доминируют виртуальные товарные ресурсы (бренды), за которые потребитель платит вполне реальные деньги).
Нет ограниченности в товарообороте	цена (денежное выражение меновой стоимости товара)	Устанавливает и развивает отношения между производителем и потребителем	-
Свободная отчуждаемость	Ценность (индивидуальная или массовая оценка степени полезности товара для удовлетворения различных типов потребностей человека, фирмы или страны)	Привносит добавленную стоимость (возможность продавать товар с большей ценовой премией за счет большей ценности товара в глазах потребителя) Существует в сознании людей Формируется посредством коммуникаций между потребителем и производителем	Потребительская ценность брендового капитала

Из таблицы 2 видно, что бренд, как и товар обладает стоимостью, только в отличие от товара она является не потребительской, а символической. Данный феномен возник в эпоху «общества потребления», когда лояльность покупателей создается, в первую очередь, символической ценностью. Потребители ориентируются на символы, коды сигнификации, симулякры, что стимулирует производителей использовать наиболее эффективную форму продвижения – бренд.

Существует мнение [10], что символическая ценность как категория сможет заместить потребительскую и меновую стоимость в качестве основного мотива производства.

Бодрийяр Ж. пишет, что стоимостные отношения развиваются, проходя следующие этапы: «На первом из них господствовали натуральные отношения, и представления о стоимости возникали на основе естественного восприятия мира. Вторая базировалась на всеобщем эквиваленте, и стоимостные оценки складывались в соответствии с логикой товара. Третья стадия управляется кодом, и стоимостные оценки здесь представляют собой набор моделей. На четвертой, фрактальной стадии стоимость не имеет совершенно никакой точки опоры и распространяется во всех направлениях, занимая все промежутки без какой бы то ни было основы... На фрактальной стадии не существует больше никакой эквивалентности - ни натуральной, ни всеобщей... В самом деле, мы не можем более говорить о стоимости» [2].

На наш взгляд, замена потребительной стоимости символической невозможна, так как необходимым условием существования товара является наличие потребительной стоимостью, а символическая стоимость создается в тот момент, когда продавец желает из всего многообразия схожих по функциональным и ценовым характеристикам товаров, выделить продукт за счет нематериального (эмоционального) фактора.

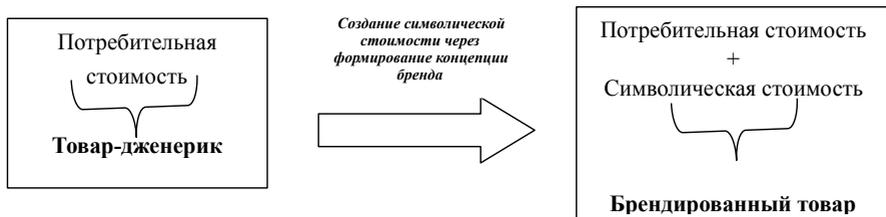

Рисунок 1: Потребительная символическая стоимости как свойства товара и бренда

Кроме того, в настоящее время и товар, и бренд обладают стоимостью. В ряде отраслей стоимость одного только бренда больше в 3-4 раза суммарной стоимости всех материальных активов. Например, по оценкам Forbes стоимость бренда Apple составляет \$ 124,2 млрд, что минимум вдвое больше любой другой торговой марки. За последний год этот показатель вырос на 19 %. С большим отставанием за компанией из Купертино следуют Microsoft, чей бренд оценен в \$ 63 млрд, и Google со стоимостью бренда \$56,6 млрд [3].

Однако виртуальные товарные ресурсы входят в структуру меновой стоимости, что приводит к изменению пропорций обмена товаров (товары-дженерики и товары, выходящие на рынок под брендом обладают различной меновой стоимостью при единообразии функциональных характеристик товаров). Данные процессы влияют на формирование цены товара, которая является выражением его меновой стоимости. Именно бренд позволяет создавать добавленную стоимость вследствие высокой оценки марочного капитала потребителями.

Следовательно, на основе проведенного исследования можно сделать следующие выводы:

- во-первых, товар является каркасом для создания нового бренда. Как отмечалось ранее, потребительная стоимость является необходимым условием для создания символической стоимости;

- во-вторых, торговая марка входит в структуру меновой стоимости товара;
- в-третьих, бренд это самостоятельное явление, которое не может выступать только лишь атрибутом товара или его свойством ибо «всякое свойство относительно: свойство не существует вне отношений к другим» [20]. Бренды же являются самостоятельными явлениями, обладающие собственной стоимостью и историей, которая закрепилась в сознании людей и является стимулом к принятию решения о покупке товара под этим брендом.

REFERENCES

1. AAKER D. Creating strong brands. – М.: Grebennikova Publishing House, 2008. - P. 321
2. BAUDRILLARD J. Simulacra and simulations. - Moscow: Postum, 2017
3. BADENHAUSEN K. Apple, Microsoft And Google Are World's Most Valuable Brands // Forbes. 2014. Nov 5
4. BELOUSOVA L. A. Savina TA Brand management. - Ekaterinburg, 2005
5. BLAGOEV V. Marketing in definitions and examples. - St. Petersburg: "Two Tri; 1993 P.251
6. BOVE K., – ARENS W. Modern advertising. - M.: Publishing House "Dovgan", 2001. - P. 401
7. DOMNIN V. N. Brand preferences - the key factor of influence on consumer demand and market indicators of the firm // Brand management. 2009. № 3 (46). P.130-144;
8. GLUKHOVSKAYA L. V. Study of the definition of "goods" // Modern problems of science and education. 2011. № 5
9. GORZ A. Knowledge, value and capital. To the criticism of the knowledge economy // Logos. - 2007. - No. 4 (61). - P. 5-63;
10. INOZEMTSEV V. L 'Modern post-industrial society: nature, contradictions, perspectives' \\ Studies. manual for university students - Moscow: Logos, 2000 - p.304 from <http://filosof.historic.ru/books/item/f00/s00/z0000946/index.shtml>
11. IUDIN A. A., – OVSYANNIKOV A. A., Chernyshev AV Glamorous consumption: a trend or a total crisis. C.8
12. KARPOVA S. V. Modern branding: a monograph / S.V. KARPOVA M.: Publishing house "Paleotyp", 2011. P.18
13. KOTLER F. Fundamentals of Marketing / Pe from Eng. / Obshch. Ed. EAT. Hemp whine. Moscow: Progress, 1990.
14. KULIBANOVA V. V. Applied marketing. - SPb.: Publishing house "Neva", 2003. P.144-145
15. LAMBEN J. Z. Strategic marketing. The European perspective. - SPb: Science, 1996. P.85-87
16. NOVATOROV E. V. Comparative analysis of theories of marketing services // Bulletin of St. Petersburg State University. S.8. 2008. Issue 2. P.43
17. OGILVY D. Ogilvy on advertising. - M.: Mann, Ivanov and Ferber, 2018. - P. 111
18. PATYRBAEVA K. E. Consumption as the language of the simulacra of the postmodern society in the philosophical construction of J. Bodriyar // Scientific notes of the Berdyansk National Pedagogical University. 2014. Issue 2. C.65;
19. PERCEI V., – MAMLEEVA L. Anatomy of the brand. - M.: Vershina, 2007. - P. 167
20. Philosophy: Encyclopedic Dictionary. - Moscow: Gardariki. Edited by A.A. Ivina. 2004.

НАСЛЕДСТВО КОММУНИЗМА В СОЦИАЛЬНОЙ И ПРАВОВОЙ СРЕДЕ В ЦЕНТРАЛЬНОЙ И ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЕ¹

THE INHERITANCE OF COMMUNISM IN SOCIAL AND LEGAL ENVIRONMENT IN CENTRAL AND EASTERN EUROPE²

Михаэла Моравчикова

доктор теологии, исследователь Трнавский университет в Трнаве, Юридический факультет, Трнава, Словацкая Республика

ThLic. Mgr. Michaela Moravčíková, Th.D.

researcher, Trnava University in Trnava, Faculty of Law, Trnava, Slovak Republic

Аннотация: Вопросы наследования от периода коммунизма проникали особенно во времена интеграции посткоммунистических стран Центральной и Восточной Европы в Европейский Союз. Это произошло в основном из-за усилий правительства по вмешательству в свободу СМИ, проблеме коррупции, олигархизации общества или усталости от реформ. Если говорить о наследовании коммунизма в этом географическом регионе сегодня, то здесь преобладают негативные коннотации, такие как государственно-авторитарный способ правления, подавление оппозиции, преследование верующих, централизованно контролируемая экономика, коллективизм. Десятилетия, в течение которых посткоммунистические страны Центральной и Восточной Европы характеризовались коммунизмом, означали очень специфическую фазу их развития. Появление, степень применения принципов советского коммунизма и его отражение различными частями общества были разными в отдельных регионах Центрально-Восточной Европы. В результате были также различные общественно-политические восстания против коммунизма и различные падения коммунизма в этих государствах. Мы сконцентрируемся в основном на странах Вышеграда, Чехии, Польше, Венгрии и Словакии, которые представят интересные примеры различий, а также возможные обобщения.

Ключевые слова: Право, Общество, Центрально-Восточная Европа, трансформация

Abstract: Questions of the inheritance from the period of Communism were penetrating especially at the time of the integration of the post-communist countries of Central and Eastern Europe into the European Union. This was mainly due to government efforts to

¹ Эта статья была написана в рамках проекта APVV-17-0056, озаглавленного «Конституция Либерально-демократического государства и радикализация политической культуры».

² This article was written within the framework of the APVV-17-0056 project entitled Constitution of the Liberal Democratic State and the Radicalization of Political Culture.

interfere with media freedom, the issue of corruption, oligarchization of the society, or reform fatigue. If talking about the inheritance of Communism in this geographical area today, there are predominantly negative connotations such as a state-authoritarian way of government, opposition suppression, persecution of religious believers, centrally controlled economy, collectivism. The decades that post-communist countries of Central and Eastern Europe were characterized by Communism, meant a very specific phase in their development. The emergence, the degree of application of the principles of Soviet communism and its reflection by different parts of the society were different in individual regions of Central-Eastern Europe. As a result, there were also various socio-political uprisings against Communism and different falls of Communism in these states. We will focus mainly on the Visegrad countries, the Czech Republic, Poland, Hungary and Slovakia, which will provide interesting examples of differences and also possible generalizations.

Keywords: Law, Society, Central-Eastern Europe, transformation

Введение

Церковь Спас на крови была построена на месте убийства императора Александра II. Строительство было создано по требованию его сына Александра III. и было завершено в 1907 году. Она расположена на каналу Грибоедова в Санкт-Петербурге; была построена в русском стиле. В середине классицистического контекста есть некоторые сходства с Собором Василия Блаженного в Москве: «Как будто воскресшая старая Москва должна была смягчить петербургский европеизм»³. В эпоху коммунизма эта церковь была закрыта, иконы и мозаики были разрушены, а раньше служили овощным магазином. Храм был вновь открыт в 1987 году, и православная литургия была проведена там снова через много лет, в 2004 году. Этот храм является каменным символом турбулентности и изменений русского общества.⁴ Александр II. был единственным из всех царей девятнадцатого века, которому хватило смелости провести некоторые реформы либерализации. В 1861 году он отменил крепостное право⁵, внес свой вклад в реформу администрации территории и завершение железнодорожной сети. Он реформировал судебную систему, систему образования, армию и отношения Российской империи с православной церковью. В то же время он был единственным, кто погиб как жертва убийства. Результатом было прекращение реформ, волна погромов на евреев и постоянная ассоциация термина «революционер» со словом «террорист» в сознании средней российской общественности.

Революционная и более общая полемика и критика режима царя относится к русской духовной истории со времен средневековья, мы можем найти ее в диспуте князя Андрея

³ PUTNA, M. C. 2015. *Obrazy z kulturních dějin ruské religiozity*. Прага : Вышеград, с. 240.

⁴ Он правил между 1855 и 1881 годами.

⁵ Этот акт означал освобождение 20 миллионов крепостных.

Курбского и Ивана Грозного. За критику крепостного права и неприятную ситуацию в стране Александр Радищев был отправлен в сибирскую ссылку царевной Екатериной II. Подобным же образом другие писатели, которые критиковали правящую страну, стали врагами этого царя, среди прочего, писателя Николая Новикова, поэта и декабриста Кондратия Рылеева, самого известного русского романтического поэта и прозаика под влиянием декабристов Александра Сергеевича Пушкина, прозаик и мыслитель Федор Михайлович Достоевский (приговорен к смертной казни из-за присутствия на одном дискуссионном собрании, впоследствии освобожденного), тоже журналист-писатель философ и революционный демократ Александр Иванович Герцен⁶. Герцен проанализировал и раскритиковал российские социальные условия, несвободу и общественную преданность, православное духовенство и славянские философы. Но, как он пишет, он сам всегда возвращается к Евангелию⁷. Последовали другие критики российских дел, «западники» как Лев Николаевич Толстой в молодости, Иван Гончаров, Иван Тургенев, которые критиковали условия страны в своих литературных произведениях. «Они хотели медленно и сознательно вывести Россию на стандартный европейский путь»⁸, если бы у них была такая возможность. Однако другие, особенно радикальные левые, «революционные демократы», социал-демократы - меньшевики и, в конечном счете, наиболее могущественные большевики, взяли на себя инициативу.

1917 год в России означал недовольство большей части российского общества войной и царским режимом. Революция привела к свержению царя и подъему республики. Седьмого ноября большевистская партия, после различных препятствий, взяла на себя власть, а В. И. Ленин стал председателем Совета Народных Комиссаров. С последующей гражданской войны, которая привела страну к экономическому маразму, наконец, стали победителями большевиков, которые основали Советский Союз 30 декабря 1922 года. Позднее экономический подъем страны не ослабил сильные политические методы государственной власти, особенно во времена правления И. В. Сталина, который стремился создать в качестве мировой социалистической державы военное и экономически централизованное государство.

1 Центральная и Восточная Европа – от развала Австро-Венгерской монархии до Берлинской стены

В начале двадцатого века великие европейские державы приняли решение не только о континенте, но и владели также великими империями, полученными путем деления

---

⁶ Герцен пытался создать идеал социалистического общества, своего рода прото-коммунитаризм. Он рассматривал работу как молитву и борьбу. Хайко, Д. Лекция «История философии XIX века». Факультет философии. Константин Философский университет в Нитре. Апрель 2013.

⁷ «В каждом возрасте, во всех ситуациях, я возвращался к чтению Евангелия, и его содержание всегда приводило мир и смирение в мою душу». ГЕРЦЕН, А. И. 1960. *O tom co bylo*. Прага : СНКЛУ. С. 44.

⁸ PUTNA, M. C. 2015. *Obrazy z kulturnich dějin ruské religiozity*. Прага : Вышеград. С. 248.

почти всей Африки и большей части Азии. Это было решено главным образом в Лондоне, Париже, Берлине, Санкт-Петербурге и Вене. В Европе появились крупные промышленные кладки и городские агломерации, однако большинство европейцев жили в сельской местности. Несмотря на открытия, научно-технический прогресс, положение рабочих и крестьян было настолько плохим, что появились сильные рабочие организации в целях улучшения условий их жизни⁹. Огромную роль также сыграла бодрость национальной гордости и стремление даже малых стран освободить и управлять своими делами.

28 июня 1914 года сербский националист Гаврило Принцип убил преемника австро-венгерского престола Франца Фердинанда и его жены, графини Софии в боснийском Сараево. Это событие в конечном итоге привело к роспуску Первой мировой войны. После самой кровопролитной борьбы, которую испытала Европа, немного перемирие и переговоры, Германия, Австро-венгерская монархия и их союзники были окончательно побеждены. 18 января 1918 года в результате соглашения на мирной конференции в Версале была создана новая схема европейского континента. Новые государства появились или были преобразованы на основе национальных принципов. Повторное появление Польши, Австрии, Венгрии. Румыния расширила область, образовались Югославия и Чехословакия, прибалтийские страны обрели независимость, а Финляндия получила автономию.¹⁰

Однако мирные условия, подтвержденные в мирных договорах, вызвали новое недовольство. Идеалистические идеи Уилсона об Организации Объединенных Наций и новом устройстве Европы столкнулись с проблемами определения границ на территориях, населенных многими разными народами. Таким образом, Чехословакия стала более похожей на прежнюю Австро-венгерскую монархию, многонациональное государство, в котором жили, помимо чехов и словаков, немцы, венгры, русины и польские народы. Жители Югославии стали словенцами, боснийцами, сербами, хорватами, итальянцами и албанцами. Многие украинцы и русские жили в восточной Польше. Экономические проблемы в результате войны вместе с военным ремонтом затруднили условия жизни более широкого населения. Страх перед ситуацией в России, коммунизма и недовольство мирными договорами вызвал рост фашизма, который наиболее проник в Италию Муссолини и, наконец, в гитлеровскую нацистскую Германию. Центральная и Восточная Европа не отставала. В сентябре 1938 года Европа снова была в начале войны. После Мюнхенской конференции Гитлер начал реализовывать свой план разделения Чехословакии. Идея Европы, сформированной сообществом наций, исчезла. Напротив были две идеологии,

⁹ Конгресс Социалистического Интернационала в Базеле 1912 года призывал рабочих всех стран опираться на силу международной солидарности в борьбе против капиталистического империализма. Он предупредил правящий класс о вооруженных действиях, которые еще больше усугубили бедность тех, кто участвует в капиталистическом производстве. Он также напомнил, что война в 1870 году привела к революционному движению Парижской коммуны, а также к русско-японской войне, которая стимулировала революционные силы в Российской империи.

¹⁰ Новый прорыв соответствовал воле победителей создания противовеса Германии и «санитарного кордона» против коммунистической России. DELOUCHE, F. 1997. *Histoire de l'Europe*. Paris : Hachette Livre, с. 329.

советский коммунизм, поддерживаемый социалистическими партиями на Западе Европы, и фашизм, особенно в Германии, Италии, Испании и Португалии. В 1924 году, после смерти Ленина, Сталин постепенно превратил Советский Союз в личную диктатуру, отказавшись от цели глобальной революции, заменив ее концепцией строительства социализма в своей стране и в Восточной Европе. Причиной гитлеровского марша на восток было не только то, что он видел коммунизм как идеологический враг, но и свои усилия по приобретению новых земель - Lebensraum. Сталин объявил Великую Отечественную войну, в которой ему удалось не только организовать массовое антигитлеровское сопротивление, но вместе с союзниками победить нацистскую Германию.

Следы старого европейского порядка, пережившего Первую мировую войну, почти полностью исчезли. Это стало следствием насильственной эвакуации значительной части населения, а также новых, идейно-политических течений в войне. Примечательно, что массовые убийства евреев и славян в Европе во время Второй мировой войны нельзя опустить. На Ялтинской конференции деление Европы стало ясным, и Потсдамское соглашение определило отдельные зоны оккупации летом 1945 года. Помимо разделения континента на железный занавес от Балтийского моря до Трестера, где США и Советский Союз стал двумя мировыми державами, началась холодная война. Послевоенный статус Европы характеризовался также более слабым населением, преобладанием среди населения «войны» женщин и старения населения. Дальнейшее развитие в западной части Европы было в какой-то мере под давлением США, что означало исключение коммунистов из бельгийских, голландских и французских правительств, что позволило им принять План Маршалла и оживить экономику. Соединенные Штаты Америки также помогли подавить греческое коммунистическое партизанское движение. Совершенно противоположная ситуация была в Чехословакии. В 1946 году на свободных выборах преобладала коммунистическая партия. Появилось коалиционное правительство, в котором был сделан раскол для плана Маршалла. В феврале 1948 года разрыв завершился переворотом, и коммунисты взяли власть. После пяти дней кризиса президент Э. Бенеш назначил правительство во главе с коммунистом К. Готвальдом. Москва в следующий период подписала ряд союзнических договоров, которые предшествовали Варшавскому договору в 1955 году. Другая ситуация сложилась в Югославии, где президент Маршал Йозеф Броз Тито, пользующийся огромным авторитетом среди населения с войны, решил построить социалистическое государство без будучи подчиненным Советскому Союзу. Сопrotивление Тито Советскому Союзу парадоксально спровоцировало чистки, направленные против более либерально настроенных коммунистов в других странах.¹¹

В 1953 году смерть Сталина и в 1956 году 20-й съезд Коммунистической партии Советского Союза вызвал широкую критику сталинского правления. В восточном Берлине рабочие восставали против коммунистического руководства, преемник Сталина Никита Хрущев приписывал прежние преступления культам Сталина и его злоупотреблению властью. В 1956 году Польша широко продемонстрировала недовольство ситуацией,

---

¹¹ Заключение Гомулки в Польше (1949), исполнение Райки в Венгрии (1949) и Сланского в Чехословакии (1952).

которая привела к частичному возвращению к политической свободе, свободе слова и возможности для католической церкви публично выступать в польском обществе.

В 1956 году новое правительство Венгрии, сформированное антисталинистским и коммунистическим Имре Надьем, которое на протяжении десятилетий было выслан из Венгерской коммунистической партии, восстановило частную собственность и реабилитировало Католическую церковь. Венгрия объявила нейтралитет и объявила о выходе из Варшавского договора. Реакция Москвы была вмешательством Советской Армии 4 ноября 1956 года. Надь и его сообщники были казнены, а советская власть назначалась главой государства Яносом Кадаром, который остановил или сдерживал все политические и экономические реформы. Советская армия оставалась в Венгрии до 1991 года. В 1956 году правительство Германской Демократической Республики решило построить стену между восточной и западной частями Берлина, чтобы предотвратить массовый побег своих граждан на Запад, тем самым при этом время, конкретно и символически, Берлинская стена, завершила разделение Европы.

2 Неудачная попытка реформирования коммунизма

В то время как Западная Европа развивалась экономически благодаря плану Маршалла и созданию Европейского экономического сообщества, восточная часть континента характеризовалась более стагнацией. Прогнозы Никиты Хрущева¹² о том, что Советы достигнут американского уровня жизни, не были реализованы. Несмотря на первый искусственный спутник Спутник и первый космонавт Юрий Гагарин, который был выпущен в космос Советами, в конце пятидесятых годов уровень жизни восточного населения снизился. Усилия в области вооружения и кубинского кризиса ослабили экономический и промышленный потенциал Советского Союза. Это также сказалось на его спутниковых штатах в Центральной Европе. В 1962 году был создан Международный социалистический лейбористский отдел, который стал специализацией национальных экономик стран Центральной Европы. Это не принесло ожидаемых результатов, но скрытое сопротивление в народных демократиях. После прихода Леонида Брежнева ситуация не улучшилась, напротив, Александр Солженицын стал вторым гражданином, осужденным со своей родины после Л. Д. Троцкого. В шестидесятые и семидесятые годы существовало сопротивление против советского коммунизма, а не только в Центральной и Восточной Европе. В Чехословакии реформистский коммунист Александр Дубчек стал лидером Коммунистической партии. Он говорил об идее коммунизма с человеческим лицом, которое не отвергало ничего, что было достигнуто в экономической сфере, но было направлено на устранение недостатков в применении прав и свобод человека. Пражская весна в Чехословакии вызвала жестокий военный ответ. Двадцать первого

¹² Первый секретарь Центрального комитета Коммунистической партии Советского Союза в 1953-1964 годах и Председатель Совета министров (премьер-министр) СССР в 1958-1964 годах. Илич, М., Смит, Дж. (2009) Советское государство и общество при Никите Хрущеве, Тейлор и Фрэнсис. с 66-85.

августа 1968 года войска Варшавского договора, кроме румынской армии, оккупировала страну и закончили короткий политический релиз.

В августе 1970 года рабочие в польском городе Гданьске восстали не только в знак протеста против несвободы, но и против социалистической экономики, которая не обеспечила им достаточную материальную безопасность. Коммунизм, несмотря на свою теоретическую базу, не устранял социальных различий, а порождал социальную напряженность огромной защитой номенклатурных кадров. В Польше и Венгрии диссидентские круги фокусировались не только на политических вопросах, но и на вопросе экономической либерализации. Восточный блок был затмеван в экономических проблемах и в социальной и политической напряженности, а не в монолитном единстве, как планировалось в договорах о победивших державах после Второй мировой войны.¹³

Смена государственной политики в государствах западнее Берлинской стены, несомненно, сыграла свою роль. В 1966 году генерал де Голль отменил представительство Франции в НАТО и открыл Францию на Восток, что также было принято его преемниками в руководстве страны. Премьер-министр Германии Вилли Брандт¹⁴ «Остполитик» привел к примирению между Германией и Центральной и Восточной Европой, что привело к улучшению отношений между западным и восточным Берлином – подписанию Берлинского соглашения в 1971 году. В 1973-1975 годах, Хельсинкская конференция проходила по Советской инициативе и с участием всех европейских государств¹⁵ вместе с США и Канадой. В Заключительном акте главы государств признали существующие границы, определенные после Второй мировой войны¹⁶, невмешательство во внутренние дела других государств, недоступность границ и неприменение военной силы для разрешения конфликтов. Это также усугубляет уважение прав человека и основных свобод, включая свободу мысли, совести, религии и убеждений, равенство и самоопределение людей, сотрудничество между странами и добросовестное выполнение обязательств по международному праву.¹⁷

Без преувеличения, хотя вышеупомянутые принципы уже были частью других документов, таких как Декларация прав человека или Устав Организации Объединенных Наций, конференция была прелюдией к объединению обеих частей Европы в более позднем союзе Европейского союза, об этом свидетельствует создание Конференции по безопасности и сотрудничеству в Европе.¹⁸

Подписание Хельсинкского Заключительного акта могло оказать самое значительное влияние на тот факт, что насильственные вторжения вооруженных сил не повторялись

¹³ Это, несомненно, было следствием растущего национализма на юго-востоке Европы в бывшей Югославии, а также отказа от сталинизма в Албании и его склонности к маоизму.

¹⁴ Он находился в должности с 1969 по 1974 год.

¹⁵ Кроме Албании.

¹⁶ Спорные границы были, в частности, между Германской Демократической Республикой и Польшей на воображаемой линии между Одрой и Нисой.

¹⁷ В то же время, однако, конференция подтвердила советский консерватизм разделения Европы, как было согласовано после Второй мировой войны. THOMAS, D. C. 2001. *Хельсинкский эффект: международный. Норм, прав человека и смерти коммунизма*. Принстон : Принстонский университет. 321 с.

¹⁸ С 1995 года переименован в Организацию по безопасности и сотрудничеству в Европе.

на социалистических спутниках Советского Союза, как это было в случае с Восточной Германией в 1953 году, в Венгрии в 1956 году и Чехословакии в 1968 году. Тем не менее основные права и свободы человека остались только объявленными. Жестокое вмешательство вооруженных сил на концерте подпольной музыкальной группы вызвало движение Хартии 77¹⁹ в Чехословакии. В тексте Декларации Хартии 77 говорится о том, что пакты, подписанные в Хельсинки²⁰ и опубликованные в государственном кодексе «Низкий кодекс» в октябре 1976 года, действительно не соблюдаются.

Устав 77 был подписан почти двумя тысячами интеллектуалов, что не было незначительным числом во время арестов и преследований. В Польше были несчастные рабочие, крестьяне и бывшие коммунистические интеллектуалы. Католическая церковь, которая имеет глубокие корни в Польше, внесла значительный вклад, а также в объединение оппозиции против коммунистов. Польский священник Кароль Войтыла стал папой, именем Иоанна Павла II, в 1978 году. В июне 1979 года он посетил свою родину, поддерживая католических диссидентов и рабочих. В феврале 1980 года начались забастовки и привели к постепенному утверждению самоуправляющихся подразделений Солидарности, возглавляемых электриком Лехом Уэльсом, на верфи Гданьска. Их социальные требования почти начали носить политический характер. 13 декабря 1981 года генерал Ярузельский, премьер-министр и коммунистическая партия Польши объявил войну и запретил Солидарность. Можно предположить, что если бы Хельсинская конференция не состоялась, Польша была бы занята советскими войсками или войска Варшавского пакта в этот период.

3 Переход после коммунизма

После смерти Леонида Брежнева реформатор Дж. Андропов и Брежневский консерватор К. Черненко были ненадолго в советском руководстве, прежде чем Михаил Горбачев взял на себя руководство партией и государством в 1985 году. Начало Горбачева означало конец гонка вооружений, появление открытости в политике (гласности), реорганизация мышления и общества (перестройка). Гласность включала в себя обнаружение преступлений, совершенных главным образом во время правления И. Сталина, что невообразимо повлияло на жизнь и отношение значительной части населения не только в Советском Союзе. Жертвы политических процессов, в том числе интеллигенция, живущая в изгнании, были реабилитированы, общество модернизировано до современного облика Советского Союза. Советский Союз при руководстве Горбачева переставал вести себя патерналистски по отношению к народам Восточного блока и оставил их для

¹⁹ Пречан, В. 1990. Устав 77 (1977-1989 годы). От моральной до демократической революции. Братислава: Сs. Центр независимой литературы, Шейнфельд-Шварценберг и Арча. 525 с.

²⁰ Международный пакт о гражданских и политических правах и Международный пакт об экономических, социальных и культурных правах.

собственного развития. Неудовлетворительная ситуация не только в области прав человека, но и в области экономических показателей в сочетании с уверенностью в невмешательстве Советского Союза ускорила процессы в Центральной и Восточной Европе. Жители социалистических государств только усугубляли ошибки в политической и социальной системе, а также в разрыве жизненных стандартов. Они недостаточно отражают отношения между экономическим либерализмом и политическим либерализмом и сущностью рыночной экономики и производительности труда. На Западе европейское объединение и создание единой европейской экономической зоны без границ ускорились, что, несомненно, существенно повлияло на направление государств на востоке континента. В Венгрии антикоммунистическое мышление было самым сильным. Венгры также стали пионерами экономической либерализации. В мае 1988 года Янош Кадар, который был главой Венгерской коммунистической партии и государства с 1956 года, был отчислен. Началась реабилитация жертв советских репрессий, и после сорокалетней диктатуры одной политической партии была восстановлена система нескольких политических партий. Удаление баррикады на границе между Венгрией и Австрией стало первым прорывом в железном занавесе, который отделял Восток от Запада. Польский солидарный продолжил акции протеста в Польше, а Михаил Горбачев призвал к диалогу между профсоюзами и правительствами во время своего визита в Польшу в 1988 году. В сентябре 1989 года советник Уэльса, католический интеллектуал Тадеуш Мазовецкий, был назначен премьер-министром польского правительства и стал первым некоммунистического премьер-министра в Восточном блоке. В октябре 1989 года Германская Демократическая Республика отметила сороковую годовщину создания страны. Горбачев присутствовал на праздновании, в котором говорилось, что Советский Союз не может безоговорочно поддерживать режим Восточного Берлина. Как только 10 ноября берлинцы с обеих сторон начали демонтировать Берлинскую стену – символ отделения города и Европы. После падения этого символа процессы политических изменений в других странах Центральной и Восточной Европы начали ускоряться. Болгария последовала, в которой правительство Т. Живкова заменило власть партийных реформаторов.

В Чехословакии началась бархатная революция 17 ноября 1989 года. Сила Гусака после вторжения войск Варшавского пакта после неудавшейся весны в Праге весной 1968 года упала без какого-либо насилия. Это не относится к режиму Чаушеску в Румынии. И лидер, и его жена были арестованы и расстреляны после поддельного суда. Новое правительство вышло из бывшей коммунистической партии. С 1990 года бывшие народно-демократические государства, находящиеся под контролем Советского Союза, подверглись процессу великой политической и экономической либерализации. Старые социалистические транснациональные структуры Совет по экономической и социальной помощи и военный пакт Варшавского договора истек в 1991 году. Весь процесс сопровождался разворот в политике и экономике. Власть была принята либеральными или консервативными правительствами. Бывшая система управляемой экономики была заменена бесконечным либерализмом. Демократический форум в Венгрии, который выиграл выборы в 1990 году, основывался на правых, антикоммунистических, а иногда и экстремистских националистических группировках, чтобы создать модель

либерального капитализма из страны. В Польше победа Леха Валенсы на президентских выборах означала формирование ультралиберальной политики англосаксонского типа. Это привело к экономическому спаду, огромной безработице и разочарованию последствий демократизации общества. Более половины населения Польши потеряли работу за два года после политико-социальных перемен. Инфляция снизила покупательную способность населения до минимума и разрушила социальную зависимость. Если в прошлом социалистические государства характеризовались недостатком товаров, то в период после падения коммунизма товары были достаточно большими, но для большинства населения он был недоступен по экономическим причинам. Разочарование значительной части польского общества в отношении новой ситуации было отражено в участии только тридцати процентов избирателей, имеющих право голоса на первых свободных парламентских выборах в 1991 году. В Чехословакии результаты выборов привели, помимо победы над коммунистами, вернуться к словацкому национализму. Вскоре стало необходимо разделить общее государство. Это было сделано на основе соглашения между политическими представительствами чехов и словаков. 1 января 1993 года была создана независимая Словацкая Республика и независимая Чешская Республика. Основываясь на соглашении от июля 1992 года, образование двух государств без какого-либо насилия было также результатом опыта демократического режима и традиций довоенного периода. Ситуация в Юго-Восточной Европе была совершенно иной: распад социалистического режима Югославии и возрождение национализма на его территории вызвали самый сильный и смертоносный конфликт в Европе после окончания Второй мировой войны.

4 Социально-политические трансформации в странах Центральной и Восточной Европы

Освобождение бывших советских спутников означало распад всей советской системы. Расширение прав и возможностей народов в Советском Союзе было прелюдией к кончине федерации. В первую очередь Азербайджанская Республика и Республика Армения подняли свои националистические требования, которые привели к вооруженному конфликту. Последовали требования стран Балтии, их независимость была объявлена в одностороннем порядке в 1990 году. Горбачев оказался в напряжении между националистами из разных советских республик и консерваторами, которые хотели сохранить Советский Союз. Анахроническим актом, который только усугубил отношения будущих независимых государств, было использование вооруженной силы в Баку в 1990 году и в Литве в 1991 году. Недавно сформированное Содружество Независимых Государств, которое заменяет Советский Союз и было сформировано государствами России, Беларусь и Украина оказались нестабильными. Как и ожидалось, к нему присоединились не все бывшие советские республики. Выявлены враждебности между народами и национальностями, а также воспоминания на время правления самых суровых

коммунистических лидеров, а также стремление к независимости. Россия продолжает играть и играть значительную роль в регионе. Однако экономическая и особенно энергетическая зависимость от России и политическая слабость новых лидеров вызвали интерес к более тесному сотрудничеству и интеграции между бывшими членами Советского Союза.

В 1990 году Германия объединилась. Этот процесс стал символом объединения Европы. В следующем году был создан Европейский банк реконструкции и развития для решения экономических проблем в Центральной и Восточной Европе. Это была аналогия послевоенного плана Маршалла на восток континента. Двенадцатого декабря 1992 года в Маастрихте был подписан Договор о Европейском союзе и ускорил экономический и валютный союз континента. Противники договора считали это подрывом национального суверенитета государств и нового феодализма.²¹

В то время посткоммунистическая Европа испытала последствия ультралиберальной политики, применяемой в большинстве новых демократических государств. Приватизация государственной собственности часто сопровождалась клиентелизмом и политической коррупцией. Уровень жизни упал, а материальное положение населения ухудшилось. Безработица, которая была неизвестна в коммунистическую эпоху, получила пандемические масштабы в Польше и Венгрии. В 1993 году бывшие коммунисты выиграли парламентские выборы в Польше, в Литве годом ранее. В 1995 году бывший коммунист Александр Квасьневский одержал победу над Лехом Валенсой на президентских выборах в Польше. В Венгрии в 1994 году пришли к власти социалисты. Несмотря на воспоминания о коммунизме и экономических трудностях, правительства Венгрии, Польши, Чехии и Словакии не отклонились от прозападного курса и направления в Европейский Союз и НАТО. В 1999 году Венгрия, Чешская Республика и Польша присоединились к Организации Североатлантического договора. Словакия была принята в НАТО в 2004 году. До окончания военного договора Варшавского договора вышла Вышеградская группа.

Название и символизм Вышеградской группы исторически восходит к 1335 году. В то время состоялась встреча чешских (Ян Люксурский), польских (Казимир III. Великий) и венгерских (Кароль И. Роберт из Анжу) королей в Австро-венгерский (сегодня венгерский) город Вышеград. Появление сегодняшнего V4 относится к 15 февраля 1991 года. Главы государств или правительственных лидеров Вацлав Гавел для Чехословакии, Йозеф Анталл для Венгрии и Лех Валенса для Польши встретились в Вишеграде, чтобы восстановить сотрудничество между тремя странами, четырьмя странами (также четыре страны после раскола Чехословакии в 1993 году) и для поддержки процесса европейской интеграции и трансформации экономики. Вступление государств-членов Вышеградской группы в Европейский Союз, который был одобрен на референдумах, состоялся 1 мая 2004 года.

В посткоммунистических государствах сторонники либеральной демократии и прозападной ориентации, но есть и их противники. Во всех странах Вышеградской группы

---

²¹ Таким образом, 5 мая 1992 года французский депутат Национального собрания Гауллист Филипп Сегин высказал свое мнение.

они являются более или менее маргинальной частью политической жизни. В последнее время наблюдаются различия в этой тенденции. Либеральный экономист и бывший президент Чехии Вацлав Клаус стали главой евро скептицизма. В 2017 году по случаю присуждения ему премии «Ягеллон» в Торуне, Польша, он заявил, что европейские страны потеряли свой суверенитет, присоединившись к Европейскому союзу, а европейские элиты разрушат свою культуру, отношения или религию. Бывший президент указал на манипуляции и пропаганду, которая напоминает эпоху позднего коммунизма. Поэтому Вацлав Клаус призвал европейцев внести коренные изменения и в новую «бархатную» революцию.²² Вопросы Украины и Крыма усложняют отношения между Россией и ее бывшими спутниками до такой степени, что атмосфера, в которой отражается Россия, напоминает атмосферу холодной войны.

Социальный вопрос, который, несомненно, был ключом к русской революции в 1917 году, по-прежнему остается ключевым вопросом сегодня. Прямым следствием этого является тот факт, что многим либеральным демократиям необходимо улучшить социальную политику, внедрить бесплатное образование и здравоохранение. Февральская революция, предшествовавшая октябрьской, означала превращение монархии в либерально-демократическую республику. Октябрьская революция принесла также «неповторимый антропологический эксперимент». Диктатура пролетариата, возглавляемая социал-демократической партией России, большевиками, хотела создать общество, основанное на социальном равенстве и новом человеке, *homo sovieticus*.²³ Эти идеи вызвали у многих европейских и неевропейских левых интеллектуалов. Эти идеи также были впечатлены сообществами стран, к которым социалистические государства направляли лучших экспертов, которые помогли строить технические объекты и другие проекты, в рамках международной помощи и распространения идей коммунизма. Но они слишком велики и слишком горды своими традициями, чтобы принять экспорт неограниченной власти высших представителей Коммунистической партии.

Революции, которые имели место в 1989-1990 годах, называются Й. Хабермасом как «отсроченные революции», потому что он воспринимал их как ретроградное развитие, которое освобождает путь приостановленного развития.²⁴ Эти революции не принесли ничего нового, просто желание догнать то, что было пропущено. Это была не что иное, как конституционно-политическая приверженность наследию буржуазных революций. В общественно-политической области это было приобретение жизненной формы развитого капитализма. Поэтому вместо разрыва с прошлым, наблюдая непрерывность, идея сообщества, закреплённая на принципе суверенитета, политически определяется через общую волю народа и уникальную идентичность нации. Политические и

²² НОЙБЕР, П. 2017. Европейский союз, по словам Клауса, не уважает парламентскую демократию, не ищет свободного рынка и не обращает внимания на традиции старой европейской цивилизации. В: Вацлав Клаус: Европе нужна новая бархатная революция. Web. Основные новости. Консервативный журнал. Получено с <http://www.hlavnespravdy.sk/vaclav-klaus-europa-potrebuje-novu-zamatovu-revoluciu/1101034>

²³ ТИШНЕР, J. 2005. *Etyka solidarności oraz Homo sovieticus*. Краков : Знак. 295 с.

²⁴ Хабермас говорит о необходимости догнать пропущенные события. Хабермас, Дж. (1990) Революция смерти Наххольнде. Франкфурт-на-Майне : Сухрамп. С. 203.

культурные показатели, по-видимому, являются определяющими факторами развития стран транзита. Подобно коммунистической эпохе, эти страны пытаются принадлежать к более широкому сообществу наций и государств. Коммунистический блок заменен Европейским союзом. Уже нет передачи полномочий национальных государств коммунистическому руководству Советского Союза, а также транснациональным европейским институтам. И фундаментальные, и менее фундаментальные решения о направлении посткоммунистических стран оправдываются не ценностями коммунистической идеологии, а демократическим правлением – волей большинства, которое решает. Парадокс Запад-Восток исчез из-за падения коммунизма, который недавно ожил после 2014 года. По мнению словенского философа Р. Мочника, концепция Востока является ключевой концепцией процесса посткоммунистических преобразований. Термин «Восток» деполитизируется, если мы пренебрегаем вопросами Крыма и России.²⁵

Ностальгия по коммунизму возрождается спорадически, особенно во времена экономического кризиса. Однако коммунистические элиты на бывшем Востоке не смогли поддерживать социальное примирение и управлять экономикой; иначе революции не будет. Социализм Дубчека с человеческим лицом как эксперимент длился очень ограниченное время, и можно предположить, что если бы оно не было подавлено, то скорое неолиберальное наступление в конечном итоге произойдет в Чехословакии. Кроме того, нельзя опустить жертвы человеческих жизней и потерянных поколений, которые являются результатом коммунистических режимов в центральной и восточной Европе XX века.²⁶

Выводы

Коммунистическая идея об общей собственности на средства производства в конечном итоге мертва во всех посткоммунистических странах Центральной и Восточной Европы. Он возрождается только как любопытство в общинной жизни небольших общин, которые вернулись к жизни, близкой к природе. Недавно, в очень измененной форме (общинные сады, общественные кухни и т. д.) Это отражено в движении Хипстера. Капитализм в его современных формах стал основным. Социальные проблемы в национальных государствах уже не являются приоритетом преобразованных коммунистических партий или новых социалистических политических партий, а являются общей политической проблемой. Это одинаково верно на уровне Европейского Союза.

---

²⁵ Восток определил отношения с коммунистическим прошлым. Моник, Р. Будет ли прошлое Востока быть будущим Запада? В. DAVID, C., ED. 2009. *Les frontières invisibles*. Oostkamp : Stichting Kunstboek, 2009. С. 92.

²⁶ Стефан Куртуа, во вступлении к Черной книге коммунизма, подсчитал, что около 20 миллионов человек были убиты в коммунизме в Советском Союзе. В восточноевропейских странах около миллиона человек. COURTOIS, S., – WERTH, N., – PANNE, J. - L., – PACZKOWSKI, A., – BARTOSEK, K., – MARGOLIN, J.-L. 1997. *Black Book of Communism: Crimes, Terror, Repression*. Париж : Роберт Лаффонт. 912 с.

Основная идея - идея социальной рыночной экономики, основанная на рыночной экономике, но дополненная массовым правительственным или транснациональным регулированием, чтобы предотвратить монополии и картели. Создание и использование фондов Европейского союза - отличное средство для экономического и социального развития государств-членов, а также платформа коррупции и злоупотребления властью. Воспоминания о коммунизме часто формулируются именно в связи с такими негативными явлениями.

Дебаты по правам человека перешли к коннотации путаницы прав и преимуществ, а также усилий по расширению каталога прав человека. В этом контексте прослеживаются проблемы пола, биоэтики, жизни человека (аборты, эвтаназия), семейной жизни (однополые браки, суррогатное материнство). Нравственные принципы цивилизации и человеческого достоинства становятся все более актуальной проблемой. Не только с точки зрения научного прогресса, применения прав человека и изменения в понимании социальных ролей, но и в плане миграции и, следовательно, культурной и религиозной трансформации континента. Социальное чувство, человеческая взаимность и усилия по улучшению положения самых низких доходов и маргинальных групп были перенесены на ежедневную политику правительств, правозащитных организаций и различных аналитических центров. Возрождение национализма и экстремальных правых движений. Между прочим, это также сильный протест против политической системы и недоверия к институтам и политическим элитам, управляющим государством и Союзом. Объективными причинами этого явления являются, несомненно, законное волнение по поводу высокого уровня коррупции и политического протекционизма, восприимчивая экономику как отстающих и неэффективных, за плохое и коррумпированное руководство. Нереалистичные ожидания, сумерки обязанностей и минимальное участие молодых поколений в гражданской жизни также выполняют свою роль.

Возрождение национализма, особенно славянских, усложняется восточным вектором, стоящим перед Россией, который Североатлантический альянс неявно вербализуется как угроза или враг. Атмосфера, напоминающая о появлении новой холодной войны, неприемлема для многих. Возвращение к нашим корням и традициям часто является логичным выбором.

ЛИТЕРАТУРА

1. PUTNA, M. C. 2015. *Obrazy z kulturních dějin ruské religiozity*. Прага : Вышеград, 2015.
2. ХАЙКО, Д. 2013. Лекция «История философии XIX века». Факультет философии. Константин Философский университет в Нитре. Апрель 2013.
3. ГЕРЦЕН, А. И. 1960. *O tom co bylo*. Прага : СНКЛУ, 1960.
4. DELOUCHE, F. 1997 *Histoire de l'Europe*. Paris : Hachette Livre, 2015.
5. ИЛИЧ, М., – СМИТ, ДЖ. 2009. *Советское государство и общество при Никите Хрущеве, Тейлор и Фрэнсис*.

6. ПРЕЧАН, В. 1990. Устав 77 (1977 –1989 годы). От моральной до демократической революции. Братислава: Сs. Центр независимой литературы, Шейнфельд-Шварценберг и Арха.
7. ВАЦЛАВ КЛАУС: Европе нужна новая бархатная революция. Web. [On-line] Основные новости. Консервативный журнал. Получено с <http://www.hlavnespravvy.sk/vaclav-klaus-euro-potrebuje-novu-zamatovu-revoluciu/1101034/>.
8. ТИШНЕР, J. 2005. Етыка solidarności oraz Homo sovieticus. Краков : Знак, 2005.
9. ХАБЕРМАС, ДЖ. 1990. Революция смерти Наххоленде. Франкфурт-на-Майне : Сухрамп, 1990.
10. DAVID, C., ed. 2009. *Les frontières invisibles*. Oostkamp : Stichting Kunstboek, 2009.
11. COURTOIS, S., – WERTH, N., – PANNE, J.-L., – PACZKOWSKI, A., – BARTOSEK, K., – MARGOLIN, J.-L. 1997. *Black Book of Communism: Crimes, Terror, Repression*. Париж : Роберт Лаффонт, 1997.

DIES IURIS TYRNAVIENSES

Trnavské právnické dni

PRÁVNÝ ŠTÁT – MEDZI VEDOU A UMENÍM
RULE OF LAW – BETWEEN SCIENCE
AND ART

ОБЩЕСТВО И ПРАВО
SOCIETY AND LAW

Zodpovedný redaktor: Mgr. Adam Vanko
Sadzba: Zuzana Heringešová

Prvé vydanie

Vydalo vydavateľstvo Wolters Kluwer SR s. r. o.
Mlynské nivy 48, 821 09 Bratislava
e-mail: office@wolterskluwer.sk
internet: www.wolterskluwer.sk
v roku 2018.

ISBN 978-80-8168-988-8 (pdf)